

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА» (FREEECONOMY.RU)

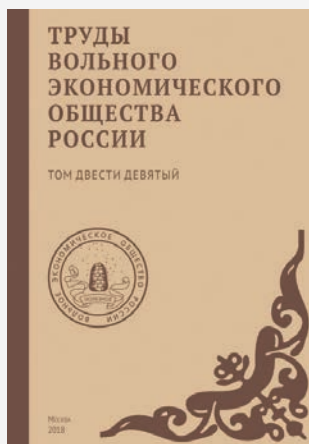
Индекс издания «Вольная экономика»
в КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ — 24513

Издание, рассчитанное на профессионалов в области экономики. Журналу удалось занять пустую нишу на медиарынке, стать авторитетным изданием для людей, от которых зависит принятие экономических решений в разных областях.

Журнал «Вольная экономика» доступен по подписке во всех отделениях почтовой связи Российской Федерации или онлайн на сайте: <http://vipishi.ru/>

Все интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, а также многие дополнительные материалы, доступны также на сайте freeeconomy.ru.

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

«Научные труды ВЭО России» представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru.

Издание «Научные труды Вольного экономического общества России» доступно по подписке во всех отделениях почтовой связи Российской Федерации или онлайн на сайте: <http://vipishi.ru/>

Индекс издания «Научные труды Вольного экономического общества России» в КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ — 10920

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Главный редактор

Сергей Дмитриевич БОДРУНОВ
Президент ВЭО России, президент
Международного союза экономистов,
директор Института нового
индустриального развития
им. С.Ю. Витте, первый
вице-президент Союза промышленников
и предпринимателей Санкт-Петербурга,
д. э. н., профессор

Журнал издается под патронажем
Международного комитета ВЭО России

Шеф-редактор Андрей Прокофьев
Арт-директор Егор Морозов
Корректор Наталья Медведенко

Над номером работали
Георгий Бояджянци, Александр Егоров,
Кира Камнева, Надежда Пелевина,
Ольга Ремова, Алексей Савин,
Андрей Смирнов, Андрей Травин

Фото: Shutterstock

Издатель и редакция

Общероссийская общественная
организация
«Вольное экономическое общество России»

Адрес: Москва, ул. Тверская, 22а

Редакционный директор

Маргарита Ратникова

Директор по развитию

Анна Бобина

Телефон: +7 (495) 609-07-60

Электронная почта: INFO@VEORUS.RU

№ 7 (июль – сентябрь 2018)

Зарегистрировано в Роскомнадзоре 01.11.2017

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-71537

Учредитель ООО «ИнвестКонсалт»

Подписано в печать 14.08.2018

Выход в свет 20.08.2018

Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии «ИСПО-принт»,

Адрес: Москва, ул. Щипок, 28

16+

Редакционный совет

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, советник
Президента Российской Федерации, академик РАН

Р.С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН

В.И. ГРИШИН

Член Президиума ВЭО России, ректор Российского
экономического университета
им. Г.В. Плеханова, д. э. н., профессор

А.А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской
газеты», заслуженный работник культуры РФ

А.Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор
Московской школы экономики МГУ
им. М.В. Ломоносова, академик РАН

Д.Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, руководитель
Научного совета ВЭО России, научный руководи-
тель ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при правительстве РФ»,
член-корреспондент РАН

М.А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
РФ», академик Российской Академии Образования,
заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор

Ю.В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, научный
руководитель ЗАО «Издательский дом
“Экономическая газета”», заслуженный деятель
науки РФ, д. э. н., профессор

А.Н. КЛЕПАЧ

Член правления ВЭО России, заместитель
председателя правления Внешэкономбанка,
заведующий кафедрой макроэкономической
политики и стратегического управления
экономического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, заслуженный
экономист РФ

СОДЕР

10 КАКАЯ У НАС ПРОМЫШЛЕННОСТЬ?

WHAT KIND OF INDUSTRY DO WE HAVE?

18 ЭКСЛИБРИС «ВЭ»

EXLIBRIS OF THE FREE ECONOMY

22 ДОГНАЛИ И ПЕРЕГОНИМ?

КАК ПРАВИТЕЛЬСТВО ВИДИТ
ПРОМЫШЛЕННУЮ ПОЛИТИКУ?

28 КАКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА **НУЖНА** **РОССИИ?**

БОРИС ТИТОВ, ВИКТОР ИВАНТЕР,
АНДРЕЙ КЛЕПАЧ

34 ЧТО ПРОИСХОДИТ С КАПИТАЛИЗМОМ?

ИНТЕРВЬЮ- БЛОКБАСТЕР

WHAT HAPPENS TO OUR CAPITALISM.
BLOCKBUSTER INTERVIEW

ЖАНИЕ

60 СПОРЫ О
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

КОНТРВЬЮ

68 АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ
ИЗМЕРИТЬ

О СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РФ

78 неизлечимые
БОЛЕЗНИ КАПИТАЛА

INCURABLE DISEASES OF CAPITAL. THIS ISSUE'S FRONTMAN

88 ЖДЕМ ПРИБАВКИ

КОГДА НАЧНЕТСЯ РОСТ ДОХОДОВ РОССИЯН

94 на тропе войны

СВОДКИ С ПОЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СРАЖЕНИЙ

100 ЧЕМПИОНАТ МИРА как
БИЗНЕС-ПРОЕКТ

THE WORLD CUP AS A BUSINESS

104 УНИВЕРСИТЕТ
ПО СКАЙПУ

РАЗВИТИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

110 СОБЫТИЯ ВЭО

РОССИИ: ДИПЛОМАТИЯ
ЭКОНОМИСТОВ,

«НООНОМИКА» В МИРЕ,
КОНКУРС «ЭКОНОМИКА И
УПРАВЛЕНИЕ» И МН. ДР.

116 дата

120 ИЗГНАНИЕ ТОРГОВЦЕВ
ИЗ ХРАМА

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЭССЕ. ОСОБОЕ МНЕНИЕ

130 ОТ МОНЕТ К
АССИГНАЦИЯМ И ОБРАТНО

ИСТОРИЯ ДЕНЕГ

136 ДНИ РОЖДЕНИЯ

138 1% ЮМОРА

КАК ВЕРНУТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

уважаемые читатели!

Сквозная тема этого номера журнала — промышленная политика — продиктована тем, что, на наш взгляд, проблемы промышленной политики в современных условиях актуальны как никогда, потому что на дворе — новая индустриальная революция. К сожалению, понимание этого факта пришло поздно, через ошибки, заблуждения и потери, которые понесла российская экономика в период постсоветского развития. Напомню, что «промышленная политика» в те времена была ругательным термином, а потом и вовсе исчезла из нашего законодательства. Лишь в 2014 году появились первые законодательные решения по этому вопросу.

Возникает резонный вопрос: с чем это было связано? Это было связано с двумя важными институциональными и принципиальными вещами. Первое. В основе российской (и не только российской, такая ситуация была во многих странах) экономической политики до недавнего времени лежала либеральная экономическая доктрина, которая низводила роль государства зачастую до положения ночного сторожа и ориентирована была на представление об исключительно высокой эффективности рыночного саморегулирования. Практика показывает, что это далеко не так. Второе — это теоретические предпосылки. В нашей стране в последние десятилетия превалировала базовая концепция постиндустриального общества, в которой делается акцент на переход экономики в область услуг в ущерб промышленности. Попросту говоря, обосновывалась естественная необходимость снижения доли промышленности в процентном отношении. На мой взгляд, в целом эти выкладки не подтверждаются.

Я сделал бы другой вывод из тех фактов, которые свидетельст-

вуют о снижении процентного отношения доли промышленности в экономике: думаю, правильно считать, что качественные изменения происходят в самой структуре промышленного производства — изменяется характер производства, изменяются технологии, изменяется технологический уклад, который составляет базу развития общества. Это главный вывод, который делает Институт нового индустриального развития, и я как его директор.

Я бы обратил внимание на еще одну вещь: да, доля промышленности снизилась, но если взять сельское хозяйство, то его вклад упал и вовсе до незначительных процентов. Что, от этого снизилась значимость сельского хозяйства? Мы стали питаться воздухом и услугами? В постиндустриальной доктрине заложена методологическая неполноценность, которую подтверждают ответы на эти простые вопросы.

Думаю, что мы сейчас находимся в состоянии перехода к новому технологическому укладу, переходу к новому индустриальному обществу второго поколения — я об этом писал неоднократно. Этот тренд требует изменения нашего отношения к промышленной политике, изменения на уровне государства, на уровне общества, потому что лидеры будущего, я подчеркиваю, — это технологические лидеры. Те, кто сегодня это понимает, занимаются созданием новой промышленной политики, изменением структуры своего собственного производства.

Возьмем те же США. Эту политику начинал вовсе не Трамп, а Обама. Трамп же напрямую заявляет о необходимости возвращать производство в Америку, при этом декларирует создание 2–2,5 млн новых высокотехнологичных рабочих мест. Не 27 млн, как у нас, для Америки 2 млн таких мест — это очень важная цифра, за которую борется Трамп, а иногда и шишки получает. Если мы не идем таким же путем, не занимаемся развитием своей промышленности, мы не достигнем тех же результатов.

Одно из направлений исследований нашего коллеги академика Сергея Глазьева посвящено стратегии опережающего развития. Его книгу «Рывок в будущее» мы подробно представляем в этом номере. Одна из основополагающих идей этого труда, и я ее абсолютно четко поддерживаю, заключается в том, что в период перехода на новый технологический уклад, когда изменяются технологии, есть реальный шанс обойти тех, кто пока лидирует, но использует технологии прежнего уклада (в силу многих вещей: инерционности промышленности и т. д.). В более пустом пространстве построить новое проще, чем расчищать завалы или сносить устаревшее. В этом плане у нас есть многое для того, чтобы сделать страну мощной индустриальной державой нового типа с промышленностью нового типа.

Еще один вопрос, который я хотел бы затронуть: а где взять деньги? Часто, когда мы говорим о реиндустриализации, о необходимости перехода к новым технологиям, задают вопрос: за чей счет банкет? Мы об этом много говорили. Если мы даем возможность инвесторам, создавая соответствующий климат, вкладываясь, то деньги приходят через соответствующие институты, частно-государственное партнерство и т. д. При этом мы не должны забывать наши резервы — я всегда об этом говорю. У нас сегодня фигурирует цифра 8 трлн рублей, которые нужны, чтобы пустить их на какие-то важные проекты, но что такое 8 трлн рублей? Сравнив эту сумму с нашими золотовалютными резервами, мы поймем, что это — всего лишь их третья часть, даже меньше. Вспомним, сколько денег мы потратили на борьбу с прежними кризисами? Не больше 300 млрд! У нас есть резерв на все такие кризисы. Переразмеренность резервов дает шанс идти правильным путем — потратить их часть на развитие промышленности. Другое дело, как именно будут израсходованы эти деньги. За это сегодня идет борьба.

Мы, обсуждая промышленную политику России, должны четко понимать, что от того, что мы решим, о чем договоримся, что предложим, может зависеть формирование той экономической модели, в которой промышленность будет не забыта, а вернется на первое место.

Сергей Бодрунов

Главный редактор
журнала «Вольная экономика»

HOW TO BRING INDUSTRY BACK

DEAR READERS!

The cross-cutting theme of this magazine issue is industrial policy — because, in our view, the problems of industrial policy have become more important than ever as a new industrial revolution unfolds before our eyes. Unfortunately, the understanding of this fact came a little late, through mistakes, misconceptions and losses that the Russian economy suffered during the post-Soviet period. You might recall that at the time “industrial policy” was considered a swear phrase; the expression subsequently vanished altogether from our legislation. Until 2014 no legislative acts were passed on the subject.

A reasonable question arises: what was the reason for this? Two fundamental and institutional factors played an important role. The first one is that, until recently, at the heart of Russia’s (and not only Russia’s, a similar situation existed in a lot of countries) economic policies was the liberal economic doctrine that often reduced the role of the state to that of the night watchman’s and was focused on the idea of the extremely high efficiency of market self-regulation. Practice shows that this is far from being the case. The second factor is a theoretical premise. The fundamental concept of postindustrial society that has prevailed in this country in the recent decades places an emphasis on shifting the economy to the service sphere, to the detriment of industry. Simply put, the necessity of reducing the share of industry in percentage terms was justified as necessary. In my opinion, this logic is generally flawed.

I would draw a different conclusion from the facts that indicate a decrease in the percentage share of industry in the economy: I think it would be correct to assume that qualitative changes have occurred in the structure of industrial production itself — the nature of production has changed, technology has changed, the technological structure that forms the basis for the development of society has changed. This is the main conclusion that has been arrived at by the Institute of New Industrial Development and myself as its director.

I would like to draw your attention to another matter: yes, the share of industry has decreased, but if we take agriculture, its contribution has fallen to just a tiny percentage. But has the importance of agriculture decreased? Have we managed to feed ourselves with air and services? The post-industrial doctrine has an inherent methodological weakness, which is confirmed by answers to these simple questions.

I think that we are now in the process of transition to a new technological order, to a new, second-generation industrial society — I wrote about it on several occasions. This trend requires that we change our attitude to industrial policy — at both the state and society levels, because, make no mistake, the leaders of the future will be those leading in technology. Those who understand this today are busy creating a new industrial policy, changing the structure of their production sectors.

Take the United States. This policy was not initiated by Trump, it was done by Obama. Trump has also directly stated the need for bringing production back to America, while declaring the creation of 2-2.5

million new high-tech jobs. Not 27 million as we have declared. Two million of such jobs are very important for America, and Trump has been fighting for them, and has met some resistance over them. If we don't follow the same path and don't develop our industry, we will not achieve the same results.

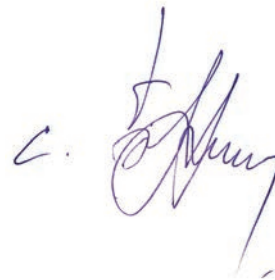
One of the research areas of our colleague Academician Sergei Glazyev is devoted to the strategy of advanced development. His book *A Leap into the Future* is reviewed in detail in this issue. One of the fundamental ideas of this work, which I fully support, is that during the transition to a new technological order, when technologies change, there is a real chance to overtake those who are still in the lead but using the technologies of the old way of life (due to many things like the inertia of industry, etc.) In an empty lot, it is easier to build something new than to clear the rubble or demolish old structures. In this respect, we have a great opportunity to build a powerful industrial country of a new type with a new type of industry.

Another question that I would like to raise: where to get the money? Often, when we talk about re-industrialization and the need to move to new technologies, people tend to ask: who is going to pay for it? We have talked about this a lot. If we give investors an opportunity to invest by creating an appropriate climate, then money will flow in through the relevant institutions, public-private partnerships, etc. At the same time, we must not forget our reserves as I have always said. Today we are talking about 8 trillion rubles we need for some important projects, but how much is 8 trillion rubles? If we compare this amount against our gold reserves, we will understand that this is

merely one third, or even less, of their value. Recall how little money we spent on fighting the previous crises. Less than 300 billion! We have a reserve for such crises. A redistribution of reserves will give us a chance to do right by ourselves — to spend part of those reserves on the development of industry. How exactly the money will be spent is another matter. A matter for a heated debate that is already under way.

When discussing Russia's industrial policy, we should be fully aware that the formation of an economic model in which industry will play a major role may depend on what we decide, what we agree on, and what we propose now.

Sergey Bodrunov
Editor-in-chief
The Free Economy Journal

КАКАЯ У НАС ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Избранные высказывания экономистов

ЧУЖОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

ДМИТРИЙ СОРОКИН

Научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, вице-президент ВЭО России

— Как говорил человек, 200-летие со дня рождения которого мы недавно отмечали, экономические эпохи отличаются не тем, что производится, а чем производится, какими орудиями труда. В эту пятницу я специально пошел на громадную выставку на Краснопресненской набережной — Международную выставку металлорежущего оборудования. Я пришел туда,

чтобы посмотреть на наше, отечественное. Не буду пересказывать, что я там увидел...

Если вы производите даже самую красивую и сложную вещь на чужом технологическом оборудовании, ни о какой импортнезависимости, технологической независимости речи не идет. Я напомним, что в указе президента четко сказано, что других источников роста нет, кроме роста производительности труда, и с 2024 года производительность должна расти не менее чем на 5% в год, а если вы посмотрите на среднегодовые за последние семь лет официальные цифры, это значит, что нам нужен скачок производительности от трех до пяти раз по несырьевым отраслям. Такой скачок сделать на имеющейся технологической базе в принципе невозможно.

В декабре 2008 года на научной сессии Академии наук был озвучен доклад по состоянию технологической базы нашей экономики, где было сказано, что российская экономика в основном находится в четвертом технологическом укладе с элементами пятого, в то время как страны — технологические лидеры — в пятом с элементами шестого. При таком разрыве, как бы вы ни определяли содержание укладов, в принципе невозможно выйти на тот уровень, потому они и обгоняют нас по производительности.

ОТСУТСТВИЕ ПРИОРИТЕТОВ

РУСЛАН ГРИНБЕРГ

Научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

— Что лежит в основе того, что не осуществляются хорошие планы? В моем представлении, здесь — сочетание мировоззренческой философской линии российских реформаторов, как при Ельцине, так и при теперешнем президенте, и нежелания рисковать. Я это очень хорошо понимаю, поскольку

объявлять широкомасштабные планы по поводу импортозамещения или 25 млн высокотехнологических рабочих мест — одно дело. Это хорошая риторика, она всегда зовет вперед, это нормально — любая власть должна излучать оптимизм, наша — не исключение.

Но если серьезно посмотреть, чего не хватает?.. Я вижу основной грех разговоров о промышленной политике, а тем более ее реализации, в том, что это — промышленная политика без приоритетов. Когда говорят об импортозамещении — это и есть промышленная политика без приоритетов, всем сестрам по серьгам. У всех есть задание увеличить долю отечественной продукции — это смехотворная история. Если ты действительно хочешь получить тотальное импортозамещение, то ты должен закрыть страну, а это значит — обречь себя на технологическое захолустье на долгие времена.

НЕЭФФЕКТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ОЛЕГ СМОЛИН

Первый заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы ФС РФ, академик Российской академии образования, д. ф. н.

— Международные исследования показывают, что модернизацию проводят те страны, которые тратят на образование около 7% и более от ВВП. Бразилия поставила задачу выйти на 10%. В России, по данным Высшей школы экономики, в 2006 году было 3,9%, а сейчас — 3,6%, то есть в два раза меньше. Если говорить о международных делах, то мы — 22-е среди государств Организации экономического сотрудничества и развития

по доле финансирования от консолидированного бюджета и 29-е — по доле финансирования от ВВП.

Не далее как позавчера я спрашивал у Алексея Кудрина, что будет с программой ЦСР в области модернизации образования. Ответ был такой: «Предусматривает, но в очень слабом виде». Что касается программы ВШЭ и ЦСР «12 решений для нового образования», полной ясности нет — если она и будет реализована, то очень частично...

На мой взгляд, совершенно очевидно, что если мы говорим о новой индустриализации, то она требует новой образовательной политики. Контур этой новой образовательной политики мы заложили в большой проект законов об образовании для всех. Он предлагает решение всех основных системных проблем российского образования.

НЕТ СОБСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ВЛАДИМИР КАТЕНЕВ

Депутат Государственной Думы ФС РФ, член Комитета ГД по энергетике, председатель совета Санкт-Петербургской торгово-промышленной палаты

— Недавно в Ленинградской области была сделана газовая турбина Siemens на новом современном заводе, мы провели экспертизу, подтвердили, что эта турбина российского происхождения по степени добавленной стоимости, по переработке и т. д. Та самая турбина, которую мы попытались поставить в Крым. И чем все это дело закончилось? Первое, что должно лежать в основе поддержки государства, — это собственные техноло-

гии. А в этой связи первым звеном являются проектные институты. Они оказались невостребованными, практически все превратились в бизнес-центры. Лаборатории на моем заводе все закрылись, потому что сегодня это отрасли, которые не финансируются.

СЛАБЫЙ ПИЩЕПРОМ

СЕРГЕЙ МИТИН

Заместитель председателя Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, д. э. н., профессор

— Агропромышленный комплекс за последние 15 лет стабильно демонстрирует неплохие темпы роста. Последние 5 лет — 15%, это в три раза выше, чем рост ВВП... Мы вытеснили практически весь импорт, тем не менее только на 1,7% превысили уровень 1990

года. Это говорит о малой насыщенности нашего рынка. Фактически одна треть продуктов питания, которые к нам приходят на прилавки магазинов, — это импортные продукты. С экспортом тоже есть проблемы: у нас — 20 млрд долларов, но в 2016 году у США — 140 млрд, у Голландии — 90 млрд, то есть мы входим только в двадцатку стран.

В структуре экспорта превалирует сырье. Если пшеница — 14% от мирового экспорта, то мука — только 2%. Если мороженая рыба — 9,8%, то филе из этой рыбы — 2%. Повторяется то же самое, что и с жидкими углеводородами, и с лесом.

Что необходимо сделать? Прежде всего, развивать пищевую перерабатывающую промышленность, но сегодня из 6500 наименований оборудования, которое применяется для производства продуктов питания, только 2000 мы можем делать сами. В мясопроизводстве — 94% оборудования импортное, в молочной продукции — до 90% и т. д.

НИЗКАЯ ЦЕЛЕВАЯ ЭМИССИЯ

МИХАИЛ ЕРШОВ

Главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н.

— Финансовые экономические кризисы повышают значение промышленной политики. Последний кризис — тому наглядное подтверждение. Хотя промышленная политика в той или иной мере существовала всегда, именно при администрации Обамы, а это

был пик последнего ипотечного кризиса, эта промышленная политика существенно увеличила масштабы, размеры и объемы. Вся эмиссия национальных валют составила почти 4 трлн с большим креном в сферу целевых длинных бумаг. Это подтверждает тезис, что в зрелых экономиках национальные приоритеты формируют основу всей денежной системы.

Все доллары мира, которые сейчас существуют, на 90 с лишним процентов были проэмитированы под государственные задачи. Все японские иены, которые сейчас есть в мире, изначально были проэмитированы под государственные приоритеты японского министерства финансов. У нас целевая эмиссия — меньше 5%. По сути, в их случае имеет место полномасштабная денежная политика, когда вся монетизация решает сначала приоритеты экономической политики.

Если мы в той или иной мере будем использовать и разрабатывать аналогичные подходы у нас, то это фактически сделает нашу финансовую сферу и нашу экономику суверенной, сможет обеспечить нам рост в условиях внешних ограничений и санкций.

СЛАБАЯ ПОЛИТИКА ЗАИМСТВОВАНИЙ

ВИКТОР ПОЛТЕРОВИЧ

Заведующий лабораторией математической экономики Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН

— Мы — догоняющая страна, очень сильно отстаем от передовых стран. Для того чтобы догонять, нужно прежде всего заимствовать технологии. Об этом говорит соответствующая теория, об этом говорит опыт тех стран, которые добились успеха. Один из наиболее известных теоретиков догоняющего развития Александр Гершенкрон в 1952 году ввел понятие «преимущество отсталости» — это возможность заимствовать технологии и методы

хозяйствования, уже разработанные, доказавшие свою эффективность в передовых странах. А вот цитата известного историка японского развития труда Хаями Акиры: «Период ускоренного экономического роста с середины 50-х гг. до начала 70-х был по существу процессом быстрых технологических заимствований». До тех пор пока мы рассчитываем на то, что создание Нанотеха или «Сколково» позволит нам совершить этот большой скачок, мы будем терпеть неудачи. У нас определенное понимание этой задачи на самом деле есть: 31 мая 2016 года было создано Агентство технологического развития, ему поставлена специальная задача как-то управлять заимствованием технологий, но масштабы деятельности недостаточны, финансирование недостаточное. Эта задача должна быть поставлена на государственном уровне.

ОТСУТСТВИЕ СТРАТЕГИИ

ЕЛЕНА ЛЕНЧУК

Директор Института экономики РАН, д. э. н., профессор

— У нас нет стратегии, мы не знаем, какую экономику мы строим, мы выстроили стратегию научно-технологического развития, где ни слова не говорится о технологиях вообще. Сейчас выстроена национальная технологическая инициатива — она тоже создавалась достаточно кулуарно, и непонятно, как она будет управляться и финансироваться, что она нам дает. Только сегодня разрабатывается прогноз научно-технологического разви-

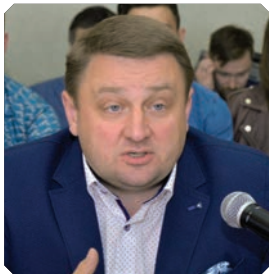
тия, который пытаются привязать к реальному сектору экономики. У нас фактически все поставлено с ног на голову. Сначала рвут стратегии, которые ни о чем, а потом делают прогноз, а в прогнозе опираются на сценарии, которые прописаны в стратегии. Этого быть не должно. Мне кажется, если бы у нас реализовывалась цепочка, которая прописана в законе о стратегическом планировании: прогноз — стратегии — программы и дальше проекты, мы могли в определенной мере продвинуться вперед, а сейчас мы в принципе не понимаем, что нам нужно и где мы находимся.

ВЫСОКАЯ ЭНЕРГОЕМКОСТЬ

РОМАН ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Института инженерной экономики и гуманитарных наук МАИ, д. э. н., профессор

— Энергоемкость российской экономики, в частности промышленного сектора, имеет потенциал для энергосбережения, который оценивается в 138 млн тонн условного топлива. Есть такой показатель — интенсивность использования энергии на единицу ВВП, измеряемый в килограммах нефтяного эквивалента на доллар США. Среди всех стран БРИКС у нас этот показатель самый высокий — 0,34. Китай — 0,23, Индия — 0,14, Бразилия — 0,11, Южная Африка — 0,25. У промышленно развитых стран этот показатель составляет до 0,15... Одним из инструментов, который себя хорошо зарекомендовал в Европе и Америке, является механизм энергосервиса, когда к реализации проектов по повышению энергоэффективности подключаются сервисные компании, которые за свои средства реализуют энергосберегающие мероприятия, а возникающий финансовый эффект компании делят в определенной пропорции, что обеспечивает возврат инвестиций.

НИЗКАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

ГЕОРГИЙ ОСТАПКОВИЧ

Директор Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ

— Главная проблема промышленности — производительность труда. У нас нет резервной армии занятых, нет дополнительной загрузки мощностей. Часто звучит мысль, что надо все импортозамещать. Не надо. Нужно замещать те производства, которые будут работать в начале 2020-х: фотонику, искусственный интеллект, редкоземельные металлы, фармацевтику. Не нужно создавать современные станки и строить станкостроительные заводы. Есть два фактора риска. Первое: промышленность накроет демографическая яма. Эта отрасль требует физических затрат, а сейчас катастрофически будут выбывать рабочие в возрасте 32–52 года. Для промышленности — серьезный удар. И второе. Не надо нам мифологизировать четвертую промышленную революцию — создание цифровой экономики. Это все хорошо, но доходы от первой революции, от создания парового котла, ваты, ткацкого станка были гораздо больше, чем то, что произойдет.

НЕТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ

ВИТАЛИЙ ШАРОВ

Профессор Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н.

— Мы сейчас говорим о проблемах, связанных с принятием решений в реструктуризации экономики, в развитии экономики, в формировании каких-то стратегий. Я ни разу не видел, чтобы при решении этих задач органы государственного управления, которые принимают решения, использовали соответствующие научные технологии принятия решений. Существуют точные алгоритмы, которые надо соблюдать, чтобы была хотя бы надежда на принятие разумного решения. Если эту технологию не соблюдаешь, никакой надежды нет. Мы должны постоянно подчеркивать это обстоятельство: любое разумное решение можно принять только в том случае, если используешь давно известные и точно сформулированные технологии принятия решений.

ОБЩИЕ ПРИЗЫВЫ

ЯКОВ ДУБЕНЕЦКИЙ

Руководитель Центра инвестиций Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, профессор

— Сложилось так, что, как только выйдут очередные указы, мы с придыханием ждем выполнения, но как они выполняются, мы уже видим: больше профанаций, чем выполнения. Если критически посмотреть на эти документы: нет конкретных механизмов, ресурсных маневров, конкретных ответственных за конкретные задачи — практически все общие призывы. По-моему, манифест компартии был более конкретен... Главный порок системы управления страной — это практически полное отсутствие ответственности на всех уровнях. Года три назад министр промышленности и торговли с гордостью докладывал, что торговля обогнала обрабатывающую промышленность: дала 18% ВВП, а промышленность — только 16%! Мы с такими министрами — без элементарных политэкономических и общих экономических понятий — какие-то промышленные сдвиги собираемся делать?

WHAT KIND OF INDUSTRY DO WE HAVE?

Selected Comments by Economists

FOREIGN-MADE EQUIPMENT

DMITRY SOROKIN

Head of Research at the Financial University under the Russian Federation Government, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the FES of Russia.

— According to the man, whose 200th anniversary we just celebrated, an economic era is not about what is produced, it's about what tools are used to produce it. I visited a huge exhibition on Krasnopresnenskaya Embankment on Friday, the International Metal Cutting Machinery Exhibition. I came there specifically to see some domestic equipment. I will

not tell you what I saw there...

If you make even the most beautiful and complex product using foreign-made tech, you cannot call it import substitution or technological independence. Let me remind you that the presidential decree clearly states there are no sources of growth other than the growth of labor productivity, and beginning in 2024 productivity should grow by at least 5% a year; if you look at the official average yearly figures over the last 7 years you'll see we need a 3 to 5 times rise in productivity in non-resource industries. It is absolutely impossible to achieve this using the available tech.

At the December 2008 Academy of Sciences session a report was made on the state of our economy's technological base. It was reported that the Russian economy was basically in the 4th technological order with some elements of the 5th order whereas the tech leaders were in the 5th, with elements of the 6th. Given such a gap, no matter how you define the orders, it is absolutely impossible to reach that level. Therefore, they are ahead of us in productivity.

INEFFECTIVE EDUCATION

OLEG SMOLIN

First Deputy of the Chairman of the Education Committee of the RF State Duma, Academician of the Russian Education Academy, doctor of philosophy.

— International research shows that modernization is accomplished by those countries which spend over 7% of their GDP on education. Brazil has set a target of 10%. According to the Higher School of Economics data Russia spent 3.9% in 2006, but currently it spends a mere 3.6%, i.e. twice less. On the international arena we are in 22nd place among the Organization for Economic Co-operation

and Development countries in terms of the share of financing in the consolidated budget and in 29th place in terms of the share of financing in GDP.

The other day I asked Alexei Kudrin what would happen with the program developed by the Center of Strategic Research for the modernization of education. His answer was: "The budget provides for it, but in a very weak way." As regards the program developed by the Higher School of Economics and the Center of Strategic Research, "Twelve Solutions for New Education", its fate is unclear; only parts of it will be implemented, if at all...

In my opinion, it is obvious that if we talk about a new industrialization, it requires a new education policy. We have outlined such a policy in a large package of draft laws on education for everybody. It proposes solutions for all major systemic problems facing Russian education.

NO DOMESTIC TECHNOLOGIES

VLADIMIR KATENEV

Deputy of the State Duma of the Russian Federation, a member of the State Duma Committee for Energy, Chairman of the Council of the Saint-Petersburg Chamber of Industry and Trade

— Recently, a Siemens gas turbine was manufactured at a brand-new modern factory in the Leningrad Region. We had experts review it to confirm the turbine was made in Russia in terms of added value, processing, etc. It was the very turbine we tried to ship to Crimea. And how did it all end? In such a situation my first point is: the first thing the state should support is domestic technologies.

In this regard, design institutes are the starting point. I myself had been the director of a design institute. They were considered unnecessary and converted into office centers. All labs at my factory were shut down because they belonged to sectors which received no financing.

WEAK FOOD INDUSTRY

SERGEI MITIN

Deputy Chairman of the Federation Council Committee for Agricultural and Food Policy and Environmental Management. doctor of economics, professor

— Over the last 15 years the agro-industrial complex has been constantly demonstrating high growth rates. For the

last 5 years they have stayed at 15%, three times higher than the GDP growth rates... We got rid of practically all imports and yet we've only

managed to exceed the 1990 levels by a mere 1.7%. It suggests that our market is not sufficiently saturated. In fact, one third of the food products sold in stores are imported. Besides, there are problems with our exports: they were \$20 billion in 2016, with \$140 billion in the US and \$90 billion in the Netherlands; we are only among the top 20 countries. Raw materials prevail in the structure of our exports. If grain accounts for 14% of global exports, flour is a mere 2%. If frozen fish accounts for 9.8%, fish filet is just 2%. The situation with liquid hydrocarbons and timber repeats itself.

What is to be done? First of all, we must develop our food processing industry. Today, we can only manufacture 2,000 out of 6,500 types of equipment used in food production. The percentage of imported equipment is 94% in food production and up to 90% in milk production, and so on.

NO PRIORITIES

RUSLAN GRINBERG

Head of Research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences

— Why are good plans not implemented? I believe because of the combination of the Russian reformers' philosophy, both under Yeltsin and the current president, and the unwillingness to take risks. I get this very well. It's one thing to announce far-reaching plans concerning import substitution or 25 million high tech jobs. It's a good rhetoric, it calls us to move forward, it's

OK — any government should radiate optimism, and ours is not an exception.

But seriously, what's missing?.. As I see it, the biggest sin I see in the discussion, and even more so in the implementation of the industrial policy is that this policy has no priorities. Any talk of import substitution is an industrial policy with no priorities, everybody gets

Opinions on the main topic

some task. Everybody is tasked with increasing the share of domestic products — it's just hilarious. If you really want total import substitution, you should close up the country turning it into a technological backwater for many years to come.

WEAK BORROWING POLICY

VIKTOR POLTEROVICH

Member of the Governing Board of the FES of Russia, Chief of Math Economics Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences

WE are a catch-up country, we substantially lag behind the advanced countries. In order to catch up, first of all we must borrow technologies. The theory says this, the practical experience of the successful countries says this. Alexander Gerschenkron, one of the most famous catch-up development theoreticians, invented the “advantage of

backwardness” concept, the opportunity to borrow technologies and economic methods that have already been developed and proven to be effective in advanced countries. Here's a quote from the famous labor development historian Hayami Akira: “The period of accelerated economic growth from the mid-50s till the early 70s was, essentially, a process of rapid technology borrowing.” As long as we believe nanotech or Skolkovo will enable us to make this big leap forward we will not succeed.

In fact, we do understand the task before us: on May 31, 2016 the Technological Development Agency was established and specifically tasked with somehow managing technology borrowing. But the scale of its activity is insufficient, the financing is insufficient. It's obvious the task must be set at the government level.

TARGETED MONEY EMISSION TOO LOW

MIKHAIL YERSHOV

Chief Finance Research Director of the Institute of Energy and Finance under the Russian Federation Government, doctor of economics

— Financial and economic crises increase the significance of industrial policy as clearly evidenced by the last crisis. Although some kind of industrial policy has always existed, particularly during the Obama administration years when the last mortgage crisis peaked, that industrial policy has significantly increased in scale, size and volume. The overall domestic currency emission was

nearly 4 trillion, with a huge shift towards targeted long-term

securities. It confirms the point that in an advanced economy national priorities should form the basis of the entire monetary system.

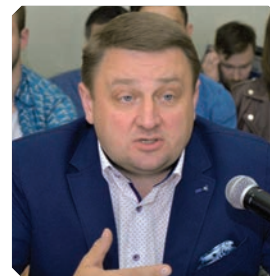
Ninety percent of all the dollars that exist in the world today were initially earmarked for the goals set by the government. All the Japanese yen that exist in the world today were initially emitted based on the priorities of the Japanese Finance Ministry. As for us, our targeted emission is under 5%. Essentially, they have been pursuing a full-scale monetary policy with monetization primarily addressing priorities of economic policy.

If, in some way or another, we will use and develop similar approaches, it will effectively make our financial sphere and our economy sovereign and will ensure our growth amid external limitations and sanctions.

HIGH ENERGY CONSUMPTION

ROMAN GOLOV

Member of the FES of Russia Presidium, Chief of High Tech Industries Management and Marketing Department at the Institute of Engineering Economics and Humanitarian Sciences of MAI, doctor of economics, professor.

The energy consumption rate of the Russian economy, particularly the industrial sector, has a potential for energy saving which is assessed at 138 million tons of fuel equivalent, with the industry accounting for 73.2 of them. The modern industrial policy should be energy-efficient, there's no other way.

There's an indicator called energy consumption per unit of GDP measured in kilograms of oil equivalent per US dollar. In Russia it is the highest among the BRICS countries, 0.34, with 0.23 in China, 0.14 in India, 0.11 in Brazil, 0.25 in South Africa. For industrially developed countries this indicator is below 0.15...

One of the instruments widely used in Europe and America is the energy service mechanism when service companies become involved in the implementation of projects to increase energy efficiency, energy saving in industry. Those companies use their money to implement energy-saving measures, and the financial result is divided among the companies according to a certain proportion which ensures return on investments.

LOW LABOR PRODUCTIVITY

GEORGIY OSTAPKOVICH

Director of the Center for Business Tendencies Studies of the National Research University of the Higher School of Economics

— Industry's main problem is the productivity of labor or, I would say, the totality of productivity factors. We don't

have a reserve army of the employed, especially the skilled employed, we don't have additional capacity load; the facilities we have are completely unproductive.

It is often said all imports should be substituted. Not all. If we buy equipment for \$100 and get \$500 in added value, such import is effective. We should substitute those imports which will matter in the early 2020s: photonics, artificial intelligence, rare earth metals, pharmaceuticals. We shouldn't create modern machinery or build machine-building plants.

There are two risk factors which are practically not discussed today. First, industry will be affected by the demographic hole. Industry requires appropriate physical costs, while the number of people aged 32-52 will become increasingly smaller. It might be a serious blow for industry. Second, we shouldn't put too much faith in the 4th industrial revolution and digital economy. It's good, but we gained much more from the first revolution, the invention of the steam engine, cotton wool or the loom, than we are going to gain from what's to come.

NO STRATEGY

YELENA LENCHUK

Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, doctor of economics, professor

We lack strategy, we don't know what kind of economy we are building. We have built a technological development strategy which does not say anything about technology. Now we've built a national technological initiative — it was created behind closed doors and it is not clear how it will be managed and financed and where it will get us. We just started working on a technological

development forecast and we are trying to tie it to the real sector of economy. In fact, it's a complete mess. First, they invent strategies which are quite empty, then they make forecasts and in doing so they rely on scenarios outlined in the strategies. It shouldn't be like this. Had we followed the path prescribed by the law on strategic planning, forecast — strategies — programs, we would have been able to move forward to a certain extent. But now we have absolutely no idea what we want and where we are.

INSUFFICIENT USE OF TECHNOLOGY

VITALIY SHAROV

Professor at the Department of Social Finance of the Financial University under the Russian Federation Government, doctor of economics.

We are now talking about the problems connected with decision-making in economic restructuring, economic development, strategy building. I have

never seen any of the government bodies charged with decision-making

in those areas use any appropriate decision-making technologies when solving those tasks. There are precise algorithms which should be followed in the hope of making a reasonable decision. If you don't follow those technologies there's no hope at all. We should constantly underline this: you can make a reasonable decision only if you use time-proven and precisely crafted decision-making technologies.

EMPTY SLOGANS

YAKOV DUBENETSKIY

Chief of the Investment Center of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Audit Commission of the FES of Russia, professor

As a result of the high democratic development there's a situation when, as soon as a presidential decree is out, we treat it with reverence and wait for its implementation. But we can see how such decrees are implemented: more fakes than real deeds. Let's take a critical view of these documents: if you look beyond abstract goals, slogans, appeals or incantations, they turn out to be quite

meaningless. They do not specify exact mechanisms for meeting the goals, or any resource maneuvers, or any persons responsible for specific tasks. I've made a comparison: the Communist Manifesto seems to be more specific than those documents filled with good intentions for the future.

I once quoted the businessman/journalist Yuriev, he gave the following assessment of various sides of our life: "I would award 5 stars to our foreign policy, 3 to domestic policy, 1 to economy." It's arguable, but there's some truth in it. The governance system's main flaw is the complete lack of responsibility at all levels. Three years ago I read the report written by the Minister of Industry and Trade where he proudly stated the trade industry accounted for 18% of GDP and was ahead of the processing industry with its 16% of GDP!! What are we going to achieve with a minister like that? Will we continue to limit ourselves to ideas, appeals, lofty goals, etc.?

ЭКСЛИБРИС

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ, «РЫВОК В БУДУЩЕЕ»

Презентация новой книги академика Глазьева была организована Вольным экономическим обществом России в московском Доме экономиста. Корреспондент «Вольной экономики» присутствовал на ней и собрал некоторые мнения о монографии.

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ,
академик РАН, советник
Президента РФ

Книга, представленная вашему вниманию, написана в смешанном жанре. Она включает в себя фундаментальную теорию, где излагаются закономерности долгосрочного экономического развития, прикладные разработки, связанные с применением этих закономерностей в экономической политике, программные предложения по практической реализации тех научно обоснованных рекомендаций, которые вытекают из фундаментальных знаний, понимания, где мы находимся, процессов, происходящих в мире, и наших возможностей. Также там вы найдете ряд эмпирических наблюдений, призванных проиллюстрировать проблемы, которые нам необходимо решать для вывода экономики страны на траекторию опережающего экономического развития. И некоторые обобщения, связанные с состоянием собственно экономической теории, которая, не будем скрывать, уже длительное время находится в кризисе с точки зрения теории и методологии науки. Накоплено большое количество аномальных фактов, которые не вписываются в мейнстрим экономической теории, и назрела сегодня научная революция в экономических теориях, связанная с выработкой принципиально нового подхода к анализу процессов экономического развития.

СЕРГЕЙ БОДРУНОВ,
президент ВЭО России, директор
ИНИР им. С.Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Столько, сколько сделано автором в теории технологических укладов, сколько сделано в исследовании технологического развития экономики, наверное, не сделано никем у нас в стране. Многие вещи, которые выходили из-под пера Сергея Юрьевича были для многих открытием.

Квинтэссенцию всего того, что есть в книге, я бы выразил для себя двумя фразами из нее. Первая: «Из теории экономического развития и практики развитых стран следует необходимость комплексного подхода к формированию денежного предложения в увязке с целями экономического развития и с опорой на внутренние источники денежной эмиссии. Важнейшим из них является механизм рефинансирования кредитных институтов, замкнутый на кредитование реального сектора экономики и инвестиций в приоритетные направления развития». Вот это очень важная вещь. К ней нужно добавить другую фразу из этой книги: «Продолжение инвестиций в расширение бесперспективных производств уходящего экономического уклада... — типичные для развитых стран ошибки, усугубляющие структурный кризис, в том числе и в России».

Эта книга — не только научный документ, но и программа деятельности, программа того правительства, которое могло бы быть, если бы такие люди, как Сергей Юрьевич, могли осуществить свои идеи и предложения.

ВИКТОР ИВАНТЕР
Научный руководитель
Института народнохозяй-
ственного прогнозирования
РАН, академик РАН

В этой книге точно ничего скучного нет. Все, что тут написано, очень интересно, спорно, вызывает желание мыслить, делать, то есть это успех книги. Я думаю, что это не случайно, потому что автор — политик, политолог, государственный деятель и ученый, и все это вместе. Это все здесь есть. Как определить, успешный ученый или неуспешный? Очень простой способ: если его имя ассоциируется с результатом, то он успешный. Я бы сказал так: Сергей Юрьевич и технологические уклады — это вполне естественная связь. Я смотрел еще лет 20 назад, когда я был в ВАКе — там идет масса работ по технологиям, и нет работы, чтобы не было на него ссылок. Он вошел в научный оборот, и это колоссальный успех, и он развивает это дело.

МИХАИЛ ЕРШОВ,
член Президиума ВЭО России,
главный директор по финан-
совым исследованиям
Института энергетики
и финансов

Об актуальности книги. Я помню, Сергей Юрьевич, на каком-то собрании здесь мы обсуждали проблематику налогов, тогда и Вы, и я выступили за максимальное снижение НДС как отжившего и тормозящего развитие инструмента. Сейчас наши регуляторы предлагают НДС повысить для восполнения недостающей расходной части бюджета. Повышение НДС, как и любого другого налога, затормозит экономический рост, ухудшит качество этого роста, потому что главное бремя этого налога ляжет на отрасли с добавленной стоимостью. Это — проблема, учитывая, что задача президентом была поставлена — и обеспечить рост, и улучшить его качество... Если те рекомендации, которые в этой книге изложены, будут приняты в той или иной степени к реализации, то наша экономика все-таки будет иметь основания рассчитывать

на более успешные решения проблем, которые перед ней многие годы стоят.

БОРИС ТИТОВ,
уполномоченный по правам человека при Президенте РФ

Сергей Юрьевич сегодня является представителем целого направления научно-экономической, и не только экономической, мысли, который с таким упорством, с такой энергией, с такой мужественностью отстаивает свою точку зрения. Мы как представители бизнеса были вынуждены вмешаться в процесс экономических исследований, экономических предложений и сформировали, и спасибо за упоминание этого в книге, наш взгляд в «Стратегии роста».

Вместе с тем, конечно, некоторые вещи мы все-таки не считаем абсолютными во взглядах автора... Автор критикует наше правительство, особенно денежно-кредитные власти, за то, что они копируют западные модели, но я бы не сказал, что это так. Это — наше собственное изобретение. Наша модель исходит из того, что у нас есть очень серьезные доходы от экспорта нефти. Нам не надо думать о доходах, то есть у нас нет главной цели. Основное давление было именно в том, что все у нас развивалось по сырьевой модели. И очень удобно было строить такую денежно-кредитную политику, которая не допускала излишних рисков дисбалансировки, потому что они были не нужны.

МАО ЭНЧУЙ,
посланник посольства КНР в России

Сергей Юрьевич — известный в Китае российский политик, ученый, экономист именно в связи с его усилиями, направленными на разработку современной теории развития экономики Российской Федерации, на формирование собственно российской модели развития. Выпуск новой книги — это еще одно свидетельство.

Сергей Юрьевич является большим другом Китая. Об этом свидетельствуют ежегодные встречи с китайским экспертным сообществом. Мы очень благодарны, что академик Глазьев уделяет большое внимание тому, чтобы поддерживать и продвигать решения, которые приняли председатель Си Цзиньпин и президент Путин для сопряжения «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза.

«ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ОЦЕНКАХ И СУЖДЕНИЯХ РОССИЯН: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА»,
ОТВ. РЕД. М.К. ГОРШКОВ,
В.В. ПЕТУХОВ, 2018 Г. М.:
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬЕ МИР»

В книге под редакцией академика, директора Института социологии РАН Михаила Горшкова дается анализ результатов многолетних общенациональных социологических исследований, характеризующих отношение россиян в целом и их различных социальных групп к итогам двадцатипятилетних постсоветских трансформаций. При этом выделяются приобретения и потери населения страны за годы реформ, рассматривается объективное и субъективное благополучие и неблагополучие российских граждан, динамика их идейно-политических предпочтений. Специальное внимание уделяется социокультурным изменениям, произошедшим за годы реформ, формированию российской идентичности и роли в обществе религии и религиозных организаций. Приводится анализ повседневной жизни россиян, проживающих в мегаполисах и провинции, жизненного мира сельских жителей. Рассматривается влияние исторического прошлого страны на массовые оценки российских трансформаций.

«НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СТРАНЫ И ВОЗМОЖНОСТИ УРАЛА»,
ЕКАТЕРИНБУРГ, 2018

Межрегиональная организация Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Общероссийская общественная организация «Вольное экономическое общество России» и Межрегиональная общественная организация «Уральское отделение ВЭО России», а также Санкт-Петербургский государственный университет и Уральский государственный экономический университет издали коллективную монографию «Новая индустриализация России: стратегиче-

ские приоритеты страны и возможности Урала». Книга обобщает теоретические подходы ученых в части развития теории неоиндустриализации, совершенствования экономической стратегии России, анализа трендов мирового циклического и технико-экономического развития, исследования проблем новой индустриализации в экономическом пространстве Уральского макрорегиона, специфического государственно-образующего типа региона страны. Особое внимание уделено обоснованию возможности превращения Урала в регион технологического прорыва XXI века. Коллективный труд посвящен пониманию сути новой индустриализации как нового явления в экономической науке, а также раскрытию потенциала Уральского макрорегиона, позволяющего принимать решающее участие в переходе региона к новой индустриальной экономике.

«СИСТЕМА МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ»,
УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ВЛАДИМИРА ЗОТОВА

Учебник, рекомендованный Министерством образования для вузов, дает системное представление о муниципальном управлении как научной дисциплине и области практической деятельности. Изложены основы местного самоуправления, методология, принципы, технологии муниципального управления и их применение в отдельных сферах муниципальной деятельности. Учебник является базовым для подготовки специалистов на завершающем этапе обучения или магистров в основном курсе по указанной специальности. Учебник может быть использован для ряда смежных специальностей, в системе дополнительного профессионального образования, повышения квалификации и переподготовки государственных и муниципальных служащих. В новом издании учтены изменения в законодательстве. Авторский коллектив за написание учебника «Система муниципального управления» под редакцией советника мэра Москвы, члена правления ВЭО России В.Б. Зотова удостоен премии Правительства РФ в области образования за 2007 г.

SERGEI GLAZYEV, A LEAP INTO THE FUTURE

The presentation of the new book by Academician Glazyev was arranged by the Free Economic Society of Russia at the Economist House in Moscow. A Free Economy corresponded attended the event and recorded some opinions concerning the monograph.

SERGEI GLAZYEV,
Academician of the Russian Academy of Sciences, Adviser to the President of the Russian Federation

The book presented for your attention is written in a mixed genre. It includes a fundamental theory that outlines the patterns of long-term economic development, methods for the application of these patterns to economic policy, program-related proposals for the practical implementation of those scientifically sound recommendations which stem from fundamental knowledge and the understanding of our exact position, the processes occurring worldwide, and our capabilities. You will also find a number of empirical observations, which are intended to illustrate the problems we need to solve in order to set the country's economy on a trajectory of advanced economic development. And certain generalizations connected with the state of the economic theory itself, which, let's not hide this fact, has long been in crisis from the point of view of the theory and methodology of science. A large number of abnormalities have been registered that do not fit into the mainstream of economic theory, and today there's a need for a scientific revolution in economic theories connected with the development of a fundamentally new approach to analyzing the processes of economic development.

SERGEY BODRUNOV
President of the FES of Russia, Director of the S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

Nobody in this country has probably done as much as Sergei Yurievich in the theory of technological structures or the study of technological development of economy. A lot of works that came out from Sergei Yurievich's pen turned out to be revelatory for a bunch of people.

For myself, I would express the essence of the book with the words from page 445: «From the theory of economic development and the practice of developed countries follows the need for an integrated approach to the creation of money supply in tandem with the goals of economic development and with reliance on internal sources of monetary emission. The most important of these is the mechanism for limiting the refinancing of credit institutions to lending to the real sector of economy and investing in priority areas of development.» This is a very important point. I would add another phrase from the book: «Continuation of investment in the expansion of failing industries of the vanishing economic order and production facilities of the new technological order are mistakes that are typical for developed countries, which exacerbate the structural crisis in Russia, among other countries.»

This book is not merely a scientific statement, but also an action plan, a program for a government that might exist, if people like Sergei Yurevich were able to implement their ideas and proposals.

VICTOR IVANTER
Chief of Research at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences

Nothing in this book is boring, that's for sure. Everything that's written here is very interesting, controversial, and inspirational; that is, the book is a success. I think that this is not an accident, because the author is a politician, a political scientist, a statesman and a scholar, and all of this combined. It's all there. How to determine whether or not a scholar is successful? Very simple: if his name is associated with a result, then he is successful. I would say this: Sergei Yurievich and technological orders are quite naturally connected. I looked it up nearly 20 years ago, when I worked for the All-Russian Attestation Commission — there was a lot of papers on technology, and all those papers quoted him. He is held in high regard by the scientific community, and it is a tremendous success and he is expanding his studies. This is my first point.

The second point is that the author has pioneered critique of the reform that is taking place in the field of science in Russia. I hope many remember the first professional assessment of the reform which was published in *Nezavisimaya Gazeta* in July or August 1992. Surprisingly, it was written by the person who worked in the government, and I must say that he was very consistent in sticking by all of his original ideas, and, naturally, it is all reflected in these pages.

MIKHAIL ERSHOV

Member of the Presidium of the FES of Russia, Chief Financial Research Director of the Institute of Energy and Finance

What immediately catches one's eye is a combination of deep theoretical foundations and purely applied solutions interconnected with industrial, monetary, financial, fiscal and foreign exchange policies, structural and regional policies, and so on. It is similar to the human body: you cannot treat one organ without understanding the condition of the other, because one organ may cause problems in the others.

As for the relevance of the book, I remember, Sergei Yurievich, how we discussed tax problems at a meeting. We both proposed to reduce VAT as much as possible for it's an obsolete tax instrument which slows down our development. Now our regulators have proposed a VAT increase to fill the gap in the expenditure section of the budget. As a consequence, an increase in VAT, or any other tax, will impede economic growth. It is characteristic of all taxes. The quality of growth will drop, because the main burden of this tax will fall on the value-adding industries. We'll be in trouble since the President's decree has set the task of ensuring growth and simultaneously improving its quality...

I suggest that everyone should read this serious book, if possible. Just set yourself up for a very serious reading, because the book requires reading it with a pencil. I hope that if any of the recommendations set forth in this book are accepted for implementation, our country, our economy will have reasons to hope for more successful solutions to the problems that it has faced for many years.

KONSTANTIN BABKIN

President of Novoye Sodruzhestvo LLC and the Rosspetsmash Association

We have been pursuing a comprador economic policy aimed at

supporting speculators rather than the real sector, and therefore we are in need of a sound alternative. Sergei Yurievich is doing a great job, building an alternative. And this book is yet another step in creating a fundamental basis, a scientific substantiation for an alternative path of development, or rather a normal straight path which the country could follow to ensure effective development.

In my opinion, it is very important that the author pays much attention to monetary policy, but I would like even more attention drawn to tax policy and its stimulating nature, and to foreign trade policy aimed at supporting the industry.

BORIS TITOV

The Commissioner for Human Rights under the President of the Russian Federation

Today, Sergei Yuryevich is a representative of the entire direction of not just economic but scientific-economic thought who has persistently, vigorously, and bravely defended his position. His office is located in the Old Square, but he has few supporters. As businessmen, we were forced to intervene in the process of economic research and economic proposals because the things we heard did not correspond to our ideas on how the economy should and can develop.

So we have formed (and we appreciate mentioning our strategy in the book) our view of the Growth Strategy. We thank Sergei Yurievich for his active participation in the preliminary stage of its writing.

Yet, of course, we still do not consider some of the author's points as absolute truth... Today we need to analyze the new technological revolution in a special way, because it is not so simple, not even as simple as the invention of the Internet or the steam engine in the past.

The author criticizes our government, especially the monetary authorities, for copying Western models, but I would not say it is true. In our opinion, it's not. It's our own

invention. Our model is based on the fact that we have received serious revenues from oil exports. We don't need to think about income, that is, we lack the main goal. The government has proclaimed the need for building businesses, ensuring development and creating certain conditions, but in fact, it has always pushed for the development of a resource model. And it was very convenient to build a monetary policy which did not allow for unnecessary risks of destroying the balance, because such risks were better avoided.

MAO ENCHUI

Envoy of the Chinese Embassy in Russia

Sergei Yurievich is a Russian politician, scholar, economist who is well-known in China for his efforts aimed at creating a modern theory of economic development of the Russian Federation and building a development model for Russia, as evidenced once more by the release of his new book.

I think that Russia has every condition, every potential for continuous and sustainable economic development. Once the goals have been set — a leap forward and a breakthrough development — we have no doubt these goals will be reached.

Sergei Yurievich is a great friend of China. This is evidenced by the annual meetings with China's expert community. We are very grateful that Academician Glazyev pays much attention to supporting and advancing the decisions made by Chairman Xi Jinping and President Putin to ensure integration between the economic silk road and the Eurasian Economic Union.

ДОГНАЛИ И ПЕРЕГОНИМ?

Как Правительство видит промышленную политику

Закону «О промышленной политике в РФ» скоро четыре года, в некоторых странах — целый президентский срок. На итоговом заседании коллегии Минпромторга чиновники отчитались о том, что количество региональных индустриальных парков выросло больше чем в четыре раза по сравнению с 2012 годом, и привели много других цифр. Но насколько они отражают то, что реально можно назвать реиндустриализацией страны?

**ФРП БЫЛ СОЗДАН
В 2014 ГОДУ,
С ПОМОЩЬЮ ЗАЙМОВ
ФОНДА БЫЛО ОТКРЫТО**

260
НОВЫХ ПРОИЗВОДСТВ

В 60
РЕГИОНАХ,
ОБЪЕМ ИНВЕСТИЦИЙ
КОТОРЫХ В ЭКОНОМИКУ
БЕЗ УЧЕТА ЗАЙМОВ
ФОНДА СОСТАВИЛ

127
МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ.
ОБЩАЯ ВЫРУЧКА
ПРОФИНАНСИРОВАННЫХ
ФОНДОМ ПРОЕКТОВ —

1,4
ТРИЛЛИОНА РУБЛЕЙ.

ЧТО СДЕЛАНО

Четыре года назад были введены антироссийские санкции, и главным словом для всех отраслей экономики стало «импортозамещение». Сократить зависимость от оборудования, материалов, ИТ иностранного производства предстояло и в промышленности. На совещании по итогам деятельности в 2017 году Минпромторг рапортовал об успехах в импортозамещении и объявил новый фокус промышленной политики — наращивание экспорта.

В законе «О промышленной политике в РФ» особое внимание было уделено вовлечению в индустриальное развитие регионов и формированию в них разветвленной промышленной инфраструктуры. На итоговом заседании коллегии Минпромторга в апреле этого года было отмечено, что количество региональных индустриальных парков выросло больше чем в четыре раза по сравнению с 2012 годом. Сейчас в стране работают 110 таких площадок, на их территории разместились больше 2,5 тысяч российских и иностранных производителей. А в 45 промышленных технопарках более 3 тысяч компаний выпускают высокотехнологичную продукцию.

Для взаимодействия промпредприятий из разных регионов формируются промышленные кластеры, сегодня их 50. Еще один инструмент межрегиональ-

ного партнерства — государственная информационная система «Промышленность». Она начала работу в пилотном режиме два года назад, и за прошедшее время в ней собрана практически вся номенклатура высокотехнологичной продукции, которую уже производят или планируют выпускать российские предприятия.

Основными инструментами финансовой поддержки отраслей промышленности стали Фонд развития промышленности (ФРП) и специальные инвестиционные контракты (СПИК). Совокупный бюджет проектов, реализуемых с применением этих механизмов, превысил полтриллиона рублей. ФРП был создан в 2014 году, с помощью займов фонда было открыто 260 новых производств в 60 регионах, объем инвестиций которых в экономику без учета займов фонда составил 127 миллиардов рублей. Общая выручка профинансированных фондом проектов — 1,4 триллиона рублей.

Механизм региональных СПИКов позволил привлечь в крупные промышленные проекты около 170 миллиардов рублей. К осени правительство рассчитывает представить новый механизм специальных инвестиционных контрактов (СПИК 2.0). Об этом в начале июля сообщил вице-премьер РФ Дмитрий Козак на Международной промышленной выставке «Иннопром». Нормативную базу планируется создать до ноября — все необходимые решения уже приняты, принципиальные подходы к новому механизму согласованы.

«Здесь очень важно обеспечить открытость и предсказуемость государства для бизнеса, стабильные условия ведения бизнеса, именно на это нацелены специальные инвестиционные контракты, которые мы значительно усовершенствовали, — подчеркнул Дмитрий Козак. — В рамках этого механизма к этой работе будут привлечены региональные, муниципальные власти. Мы намерены обеспечить стабильные, надежные условия деятельности для бизнеса на весь период реализации специальных инвестиционных контрактов».

УСПЕХИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Все принятые меры, как подчеркнули в Минпромторге, позволили «оперативно реализовать задачу ускоренного импортозамещения». С 2014 года совокупный объем инвестиций в создание российских аналогов иностранной продукции превысил 600 миллиардов рублей, из них 120 миллиардов — это государственные средства. Было запущено около 1200 проектов импортозамещения, треть из них уже вышла на стадию серийного производства.

«Важнейшим условием успеха любых программ импортозамещения является систематическое и длительное применение стимулов, которое позволяет добиться эффекта масштаба и успеть исправить недостатки продукции первого поколения и перейти к реализации улучшенной версии продукта или услуги, — говорит первый вице-президент «Опоры России» Павел Сигал. — Кроме этого, действительно успешное импортозамещение чаще всего означает создание продукта с экспортным потенциалом и этим надо активно заниматься, помогая производителям занимать долю на развивающихся рынках Африки, Латинской Америки, Индии и ЮВА».

Он обратил внимание на то, что с точки зрения успешности импортозамещения интересные результаты получены в фармацевтике — доля лекарственных препаратов с отечественным производствомкратно выросла за десятилетие. Этот процесс, добавил Сигал, начался до санкций и связан с требованием к иностранным поставщикам иметь производство на территории России. «Часто это фактически может означать формирование лекформы и фасовку, но тем не менее в любом случае приводит к созданию новых технологичных рабочих мест и увеличению налоговых поступлений», — сказал эксперт.

По словам бывшего вице-премьера Аркадия Дворковича, по многим российским отраслям про-

НЕПРАВИЛЬНО ПОДСЧИТАЛИ

До 2022 года, согласно прогнозу Минэкономразвития, промпроизводство будет расти больше чем на 2% в год, а после превысит 3% (3,2% в 2022 году, 3,3% в 2023 году и 3,4% в 2024 году). Росстат между тем в июне значительно пересчитал данные по промпроизводству за 2017 год и начало 2018 года. Оценка роста промпроизводства за 2017 год увеличена более чем вдвое — с 1 до 2,1%. Цифры за первый квартал этого года также увеличились: 2,8% вместо 1,9. Такой рост оценок связан в первую очередь с новыми данными от малых и средних предприятий, в основном из сектора обрабатывающей промышленности.

промышленности уже удалось добиться показателя импортозамещения на уровне более 90%. Однако не во всех случаях созданы технологии, которые можно назвать самыми передовыми в мире и экспортировать. «Где-то это так, где-то мы можем продавать то, что создали. А где-то не совсем так. Экспортно-ориентированное импортозамещение еще не везде случилось», — отметил экс-вице-премьер.

На очереди — «ЭКСПОРТОЗАМЕ- ЩЕНИЕ»

Создавать конкурентоспособные на мировом рынке продукты во всех отраслях промышленности — новая амбициозная задача. К 2024 году объем неэнергетического несырьевого экспорта должен вырасти до 250 миллиардов долларов (140 миллиардов долларов по итогам 2017 года). На эту цель

в бюджете заложено 1,98 триллиона рублей, из них по промышленному экспорту — 885 миллиардов рублей. Минпромторг подготовил свои предложения по нацпроекту «Международная кооперация и экспорт». До конца следующего года должны быть обновлены отраслевые программы, также планируется изменить условия предоставления господдержки, утвердить единый перечень высокотехнологичной продукции.

До конца этого года предстоит разработать концепцию модернизации торговых представительств — теперь они переданы от Минэкономразвития Минпромторгу. По словам министра промышленности и торговли Дениса Мантурова, по результатам 2017 года удалось достичь значимых результатов: несырьевой неэнергетический экспорт России вырос на 22%. Но чтобы выйти на утвержденные объемы к 2024 году, обрабатывающему сектору необходимо наращивать несырьевой неэнергетический экспорт ежегодно темпами не ниже 10%, подчеркнул он.

Для этого потребуются диверсифицировать структуру внешних поставок в пользу продукции высоких переделов. Минпромторг совместно с Минсельхозом, Минтрансом, Минэкономразвития и другими ведомствами, а также Российским экспортным центром разрабатывает национальный проект развития экспорта. Эта работа должна быть закончена к 1 октября. А к сентябрю Минпромторг разработает экспортные стратегии по «прорывным» отраслям — химической промышленности, фармацевтике, металлургии и лесной промышленности. Для всех отраслей будут приняты регуляторные решения, направленные на минимизацию издержек, связанных с выходом на внешние рынки. Речь идет о смягчении валютного контроля и сокращении периода возмещения НДС по высокотехнологичным экспортным товарам.

«Принято решение о серьезной модернизации валютного регулирования, — рассказал на форуме «Иннопром» глава Российского экспортного центра Андрей Слепнев. — Уже даны необходимые поручения по разработке законопроекта, который позволит

экспортерам, всем профессиональным участникам внешнеэкономической деятельности отказаться от штрафных санкций за нарушение валютного законодательства. Будут предупреждения и мониторинг в плане анализа сомнительных сделок, но от «драконовских» мер по валютному законодательству договорились отказываться».

Автор: Кира Камнева

ИННОВАЦИЙ НЕДОСТАТОЧНО

Несмотря на рост, по уровню и динамике инновационного развития отечественная промышленность в 4–6 раз отстает от ведущих индустриальных стран, отмечают эксперты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ в информационном бюллетене серии «Наука, технологии, инновации». Так, в 2016 году уровень инновационной активности в промышленном производстве составил 9,2% (в Швейцарии — 60,2%, Бельгии — 59,7%, Германия — 58,9%). Однако это касается не всех отраслей. В высокотехнологичных секторах, например, уровень инновационной активности российских промышленных компаний достигает среднеевропейских значений (29,4%). Также неплохие показатели в химическом производстве (20,4%), производстве электрических машин и электрооборудования (20%), металлургии (17,7%).

К 2024
ГОДУ ОБЪЕМ
НЕЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА
ДОЛЖЕН ВЫРАСТИ ДО
250
МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ
(140 МИЛЛИАРДОВ
ДОЛЛАРОВ ПО ИТОГАМ
2017 ГОДА).
НА ЭТУ ЦЕЛЬ В БЮДЖЕТЕ
ЗАЛОЖЕНО
1,98
ТРИЛЛИОНА РУБЛЕЙ,
ИЗ НИХ ПО
ПРОМЫШЛЕННОМУ
ЭКСПОРТУ —
885
МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ.

КАКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НУЖНА РОССИИ?

Российская экономика до сих пор не может избавиться от «голландской болезни» («голландская болезнь», эффект Гронингена, — негативный эффект, оказываемый влиянием укрепления реального курса национальной валюты на экономическое развитие в результате бума в отдельном секторе экономики. — Прим. ред.). Для выхода на качественно новый уровень экономического роста и уровень благосостояния и качества жизни граждан необходимо принять конкретный комплексный план развития.

Борис Юрьевич Титов,
уполномоченный при Президенте по
защите прав предпринимателей,
глава Наблюдательного совета
Института экономики роста
им. П.А. Столыпина

**ДОКЛАДЫ СДЕЛАНЫ НА СЕКЦИИ ВЭО РОССИИ «УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ: ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ» В ХОДЕ III ЯЛТИНСКОГО ФОРУМА.**

За последние восемь лет ВВП России вырос на 6%. В среднем по миру этот показатель составил 35%, ВВП развивающихся стран вырос на 55%, показатели развитых стран, несмотря на низкие темпы роста, увеличились на 13%, что также выше, чем в России в период с 2011 по 2015 год. Страна продолжает терять ключевые позиции во всех отраслях мировой экономики. По статистике Института экономики роста, основанном на данных ФНС, российская экономика потеряла 6,8 млн рабочих мест. К таким результатам привела экономическая политика, которая реализовывалась в последние годы. Ее основной задачей является обеспечение макроэкономической, финансовой и социальной стабильности. Такой подход не нацелен на создание стимулов экономического роста.

Сегодня экономика России в «точке бифуркации». Если не изменить текущую финансовую и экономическую политику, неизбежны серьезные риски, связанные с нестабильными ценами на энергоресурсы. России до сих пор не удалось избавиться от «нефтяной зависимости» от металлического и энергетического экспорта. Российская экономика уже не реагирует ростом даже на повышение цены на нефть, неожиданное для многих, в марте 2018 года — 0,7% ВВП.

Становится очевидно, что риск «ничего неделания» в экономике сегодня выше, чем риски проведения необходимых реформ.

Что делать? Институт экономики роста совместно с более чем 800 ведущими экспертами, экономиста-

ми и представителями бизнеса по поручению Президента разработал программу социально-экономического развития страны «Стратегия роста». Основными экспертными площадками по подготовке Программы стали Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Вольное экономическое общество, МГИМО. Мы конкурируем с текущей экономической политикой, которая реализуется в течение многих лет, и предлагаем, прежде всего, стратегическое мышление. До сих пор необходимость в принятии стратегии появлялась только в период низкой цены на нефть. Хотя разрабатывать и реализовывать стратегии социально-экономического развития — успешная мировая практика. На сегодняшний день в России подобная стратегия отсутствует. Существуют ряд приоритетных направлений развития и национальные проекты, которые сегодня должны обеспечивать движение вперед. Однако разрозненные, не связанные между собой предложения не могут считаться стратегией.

Во-первых, для выработки стратегического плана важно опираться на международный опыт: создавать delivery unit, штаб реформ, который должен в первую очередь объединить все задействованные ведомства в целях создания стратегии. Необходимо создать аналитический и статистический аппарат для того, чтобы четко оценивать big data, которые уже сегодня есть в российской экономике и которые требуют систематизации и анализа, заниматься стратегическим планированием. Целью этих мер является выработка решений в области макроэкономики и промышленной политики, то есть микроэкономики и институциональных реформ.

Второе, важно подчеркнуть, что новая экономическая политика должна быть направлена на активную работу со стороны государства по стимулированию инвестиций. «Стратегия роста» включает в себя целый набор мер и инструментов по стимулированию инвестиционной политики, политики российского варианта количественного смягчения. Необходимость реализации подобных мер, направленных на рост экономики, подтверждается опытом других стран. Россия сегодня отстаивает устаревшие взгляды на приоритет сохранения стабильности как главного направления макроэкономической политики.

Два основных базовых элемента экономического роста: развитие внутреннего рынка и повышение уровня жизни и доходов граждан. На первом этапе в течение трех лет, как мы это отмечаем в «Стратегии роста», главным драйвером развития должен быть именно внутренний рынок. Повышение доходов и покупательной способности населения внутри страны — необходимое условие для реализации наших предложений.

Второй стратегии нет. Модернизация текущей политики, которую предлагают эксперты ЦСР под руководством Алексея Кудрина, не сможет суще-

ственно изменить текущую ситуацию. Это набор институциональных изменений, которые не отвечают на важные для населения и бизнеса вопросы: каковы будут налоги, какие будут тарифы, какие будут процентные ставки по кредитам?

Финансирование реформ, предложенных в «Стратегии роста», может быть осуществлено без внешних заимствований с использованием резервов внутри страны. Все возможно. Осталось только начать делать.

ОСУЩЕСТВИМО ЛИ ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА?

Александр Широ́в,
заместитель директора
Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, д.э.н.

— В Послании президента мы слышали тезис об увеличении подушевого ВВП в полтора раза. Если его переводить на темпы роста ВВП, мы получим среднегодовые темпы в период до 2026 г. порядка 6%. Это сверхзадача для нашей экономики. В длительный период времени, видимо, такие темпы роста невозможны, но в период ускорения экономического роста в отдельные годы, я думаю, что это вполне достижимо. И достижимо с разных точек зрения. Мы разложили эти возможные темпы роста по различным компонентам.

Прежде всего, это отдельные проекты. Если мы сможем наполнить экономическую динамику такими проектами, то понятно, что нужно профинансировать в первую очередь: это развитие инфраструктуры, это вводы жилья, это увеличение эффективности экспорта, это модернизация ключевых производств. Например, развитие инфраструктуры в ближайшие 6–7 лет способно увеличить темпы экономического роста примерно на один процентный пункт. То есть при текущей базе 1,5–2% мы уже будем иметь 3% роста. Увеличение вводов жилья до 120 млн кв. м в год — это еще 0,8 процентного пункта. Эффективность экспорта — еще 0,7. И таким образом искомые 5%, даже чуть больше, набираются...

Если мы говорим о темпах роста в терминах элементов использования ВВП, то чуть больше половины среднегодовых темпов роста в 5% должен обеспечить вклад со стороны инвестиций в основной капитал. Вторым важным направлением является потребление населения (вклад в формирование среднегодовых темпов роста ВВП в 2018–2026 гг. — 1,2 процентных пункта). Можно еще раз подчеркнуть, что сейчас невозможно запустить экономический рост без опоры на внутренний спрос. Внутренний спрос сейчас искусственно сдерживается и находится ниже равновесных уровней. И те дей-

ствия правительства, которые были в конце прошлого — начале этого года, связанные с повышением доходов населения, безусловно, на мой взгляд, это движение в правильном направлении, более того, это действия, которые в определенной степени восстанавливают социальную справедливость. Что касается чистого экспорта, то его вклад в экономическую динамику будет ограничен (менее одного процентного пункта). Еще менее значимым будет вклад со стороны государственного потребления.

Если мы посмотрим на региональное развитие, то, к сожалению, здесь у нас есть существенные проблемы, потому что, если мы будем развиваться так, как мы развиваемся сейчас, и у нас не будет изменений в пространственном развитии, то нам не хватает двух примерно процентных пунктов роста. Эти два процентных пункта должны быть сформированы в регионах.

НА ХИТРЫЕ САНКЦИИ — ТРАСТ С ВИНТОМ

Георгий Мурадов,
заместитель Председателя Совета
министров Республики Крым —
постоянный представитель
Республики Крым при Президенте
Российской Федерации

— Мы приняли стратегию развития Крыма до 2030 года. В ней говорится о том, что Крым может нормально развиваться только в том случае, если будут приняты серьезные меры к снятию антикрымской тотальной блокады. А у нас реальная блокада во всем, в том числе, как вы знаете, и со стороны наших крупнейших банков, корпораций, и даже ряда госорганизаций. Напомню, что не так давно выступал представитель Госдепа США К. Уолкер, который призвал не только иностранные, но и даже российские компании не работать с Крымом. В противном случае, он угрожал, что США будут наказывать компании-нарушители, будут принимать против них жесткие меры и противодействовать их работе в Крыму. И, между прочим, это все имеет свое влияние и воздействие. Мы предлагаем, уже почти три года, изменить это положение. Сейчас в Государственной Думе обсуждается создание специальных зон в Калининградской области и на острове Русский, которые представляются как некие офшорные зоны. Было бы важно, чтобы в этом же пакете документов предусмотреть возможность создания трастовых форм ведения бизнеса и «прикрытия» инвесторов-бенефициаров в Крыму в рамках свободной экономической зоны. И это, конечно бы, позволило активнее работать всем нашим друзьям, которые хотят инвестировать в Крыму.

И наконец, четвертое предложение, касающееся

**ЗА ВОСЕМЬ ЛЕТ ВВП
РОССИИ ВЫРОС НА
8%, В СРЕДНЕМ
В МИРЕ — НА 35%,
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАНАХ —
НА 55%.**

финансовых расчетов в иностранной валюте, которые сейчас заблокированы Западом. Как известно, крымские банки сегодня лишены возможности работать в иностранной валюте — в долларах, евро. Поэтому, наши «прорывные» ходы связаны с использованием блокчейн-технологий, криптовалют, создания здесь в Крыму соответствующего кластера.

Речь идет и о создании у нас криптовалютного инвестиционного фонда и Крымской криптовалютной биржи, которая могла бы действовать в форме ICO — первичного размещения монет. Нашими китайскими партнерами предлагается также инвестировать в производство высокотехнологичного оборудования для майнинга и для работы в блокчейн-технологиях. При этом о самом майнинге речь не идет, китайцы нам предлагают вложить миллиард долларов в производство в Свободной экономической зоне оборудования, которое пользуется высоким спросом на мировом рынке.

ПАДЕНИЕ ДОХОДОВ ЛЮДЕЙ

Андрей Клепач,

заместитель председателя (главный экономист) Внешэкономбанка, ведущий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к.э.н.

— Может быть, самое главное — это даже не то, будет ли у нас 5–6% роста. Главное — это огромное падение доходов населения и резкий рост неравенства. Выигрыш от роста обычно получает только 10% населения. У нас, возможно, даже не 10, а 2%. Надо отдать должное руководству страны: если брать экономическую политику после 2012 года, в связи с указами президента большие ресурсы были инвестированы в то, чтобы не только поднять зарплату учителям, врачам, ученым, но, по сути дела, существенно раздвинуть границы среднего класса. Можно по-разному оценивать пределы среднего класса, поэтому спектр оценок по России различный — от 12 до 20 с лишним процентов. Тем не менее это позволило существенно расширить границы среднего класса и создать прирост богатства для среднего класса. То есть это не только 2%, а уже порядка 10–15% населения.

Тем не менее то, что мы получили в последние годы, — это резкое падение доходов населения, что в реальном выражении составляет 13%. Существуют большие социальные дисбалансы и несбалансированные каналы того, как рост и доходы экономики превращаются в доходы людей. Без решения этой задачи мы не только не получим высоких темпов экономического роста, мы не получим другого качества общества. Кто выиграет от экономического роста и на кого в этом случае будет опираться

Россия? Это первая проблема, которая не решена. Если брать Послание президента, там акцент поставлен на сокращение бедности. Проблема у нас не только в том, что бедность возросла, а в увеличении числа тех, кто относится к так называемым малообеспеченным слоям населения, наиболее уязвимым, которые составляют больше трети населения. Переход в зону бедности из этих слоев происходит очень быстро в случае рождения нескольких детей или если один из работающих потерял работу. Итак, вопрос в том, какая модель экономического роста, во-первых, позволит сократить масштабы этого малообеспеченного слоя населения, а во-вторых, придаст новые качества развитию человеческого капитала. По сути дела, сейчас никаких идей нет, кроме того, чтобы просто поддерживать соотношение средней заработной платы по региону.

НЕ НУЖЕН ЦИРК

Виктор Ивантер,
научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозиро-
вания РАН, академик РАН, действительный член Сената ВЭО России

— У нас валютных резервов — ровно в 2,5 раза больше, чем вообще нужно. Долгов у нас практически нет, государственного долга нет, банк замечательно снизил инфляцию до беспредела, и вдруг оттого, что кому-то не нравится Дерипаска, упал рубль. Я не за и не против Дерипаски, он симпатичный человек, но при чем тут Дерипаска? У него проблемы там возникли, но почему рубль упал до такого странного значения?

Мы начали выпускать займы и предоставили возможность покупать эти займы нерезидентам. Чтобы они покупали, мы им какие-то приличные проценты должны платить, так? Не меньше 7% платим. А потом что с этими деньгами делаем? Мы их храним у них под 2%! Значит, получается за 7% берем, за 2% храним. Это такой бизнес по-русски: украли ящик водки, водку продали, а деньги пропили. Мы зачем это сделали-то? Нам зачем эти деньги? Но ведь именно с помощью этих денег мы взяли и установили курс 55 рублей за доллар, после чего отдали рынок спекулянтам. В результате что произошло — население более всего пострадало, так как оно у нас потребитель импорта, и для него цены возросли. Второе обстоятельство: а зачем нам такие валютные резервы? Деньги нужны в двух случаях: чтобы купить и чтобы продать. Купить — понятно, продать — понятно. А если мы ставим задачу резко увеличить несырьевой экспорт, то мы должны прокредитовать покупателя, у нас есть возможности для этого. Я боюсь, что произойдет? Мы скажем — да, мы все это сделаем и выделим аж пять миллиардов рублей! Все будут смеяться, цирк будет! Может произойти такой цирк? Может, к сожалению. Не нужно его устраивать...

КРЫМСКИЙ ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ ПРОЕКТ

Владимир Гелайко,
секретарь Крымского регионального
отделения ВЭО России, директор
ООО «Монтажно-строительное
управление МАЯК»

— Фундаментальная часть «Стратегии пространственного развития» — это инфраструктурный проект, который мы разработали в Крыму. По заданию Совета министров Крыма мы разрабатываем обоснование инвестиций комплексного развития железных дорог — мы сделали расчеты взаимодействия и баланса между морскими портами, авиационными портами, автодорогой «Таврида» и железной дорогой.

РЕЧЬ ИДЕТ О СОЗДАНИИ КРЫМСКОГО КРИПТОВАЛЮТНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ФОНДА

Железная дорога, которая обеспечивает прямое сообщение между Краснодаром через Керчь, Белогорск, на Симферополь, цементирует связь между всеми видами транспорта, потому что развивает предгорные и прибрежные территории.

Надеюсь, что мы в этом году разработаем обоснование инвестиций. В проекте «Стратегии пространственного развития» закладывается с 2018 по 2021 год реализация инфраструктурных проектов, и наш проект уже вошел туда как пример.

Помимо стратегий, мы разрабатываем и проекты новых железнодорожных технологий. Это в первую очередь магнитолевитационные технологии, которые сейчас используются в Китае, Южной Корее и Японии, у нас на Новой Риге есть полтора километра нового вида эстакадного транспорта «Стрела».

Такой вид транспорта позволяет как раз обеспечить взаимодействие между макрорегионами и внутри регионов.

БИЗНЕС ПО-РУССКИ

Мы начали выпускать займы и предоставили возможность их покупать нерезидентам, и платим по ним не меньше 7%, а потом эти деньги храним у них под 2%. Это такой бизнес по-русски: украли ящик водки, водку продали, а деньги пропили.

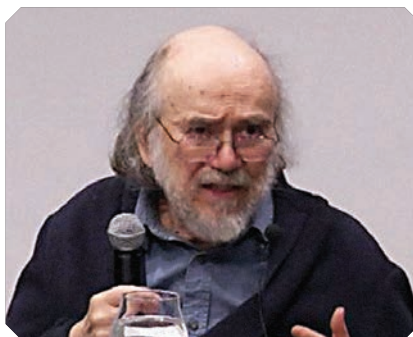
ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШИМ КАПИТАЛИЗМОМ?

«Сейчас мы вернулись в ранний капитализм и находимся на пути к феодализму»

Этим завершающимся летом ведущие независимые экономисты и политологи мира собрались в Нью-Йорке на Левом форуме. Это событие вышло далеко за рамки мероприятия «радикалов» и привлекло не только одних «леваков» и убежденных марксистов: глубокий кризис системы, в которую многие годы так верили сторонники свободного рынка, сейчас не замечают лишь те, кто не хочет его замечать, а состоятельность левых идей с каждым годом все ярче демонстрирует Китай. Название конференции говорило само за себя: «Разрушенная система: как мы до этого дошли». Одним из спикеров форума стал вице-президент ВЭО России и постоянный автор «Вольной экономики» — профессор Владимир Бузгалин. Он побеседовал с рядом ярких западных ученых, и вот одна из этих бесед, в которой приняли участие два мыслителя, представляющих альтернативное направление экономической мысли, — Майкл Хадсон и Бертел Оллман.

Владимир Бузгалин,
заслуженный профессор МГУ имени
М.В. Ломоносова, директор
Института социэкономки
Московского финансово-юридического
университета МФЮУ, вице-президент
ВЭО России, д. э. н.

Бертел Оллман,
экономист, политолог, марксист, про-
фессор политической науки Нью-
Йоркского университета

Майкл Хадсон,
профессор экономики Университета
Миссури, научный сотрудник
Экономического института Леви при
Бардколледже, бывший аналитик
Уолл-стрит, политический консуль-
тант, комментатор, публицист

See below for the English version of the article

ЭВОЛЮЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

Владимир Бузгалин: *Итак, первый вопрос. Что такое поздний капитализм или современное состояние капитализма? Есть ли разница по сравнению с капитализмом XIX века? Если да, то каковы основные отличия от классического капитализма?*

Майкл Хадсон: Думаю, поздний капитализм кончился в 1960-х. Сейчас мы вернулись в ранний капитализм и находимся на пути к феодализму. А все потому, что индустриальный капитализм не смог выполнить то, что, по словам Маркса, было ему предназначено судьбой — освободить общество от пережитков средневекового феодализма, освободить экономику от класса землевладельцев, извлекающих земельную ренту, от хищников-финансистов и от монополий, организованных финансовыми кругами для взимания монопольной ренты. Весь смысл современного капитализма — об этом говорили все экономисты, от Адама Смита до Джона Стюарта Милла, и, конечно же, Маркс, — заключался в развитии индустриального капитализма и в приведении цен в соответствие с фактическими издержками, дабы избавиться от наростов на теле производства, как говорил Маркс.

”

Важным поворотным пунктом стал 1980 год. Именно тогда начались захваты компаний с помощью «мусорных» облигаций, появились доступные кредиты. Маргарет Тэтчер победила на выборах 1979 года и начала приватизацию в Англии. А на следующий год Рональд Рейган победил на выборах в США. Оба они мечтали об избавлении от роли государства и о том, чтобы оставить только частный сектор — а это означало, что банки получают контроль над всей планетой.

”

ВБ: *Как вы сказали?*

МХ: Наростов, социально-ненужных издержек производства в виде экономической ренты. И еще Маркс говорил, что революции 1848 года делались для того, чтобы избавиться от землевладельцев, от старой аристократии, чтобы, по сути, позволить индустриальному капитализму оптимизировать экономику на пути к капитализму, частично путем создания смешанной экономики, при которой правительство взяло бы на себя расходы по созданию инфраструктуры, общественного здравоохранения, как в Англии (где за это ратовал премьер-министр Дизраэли), пенсионного обеспечения, как в Германии при Бисмарке, дорожной системы,

дешевого общественного транспорта, системы образования и иных инфраструктурных объектов, предназначенных для снижения стоимости жизни и стоимости ведения бизнеса. Такие смешанные экономики были бы капиталистическими в сочетании с серьезными государственными расходами на социальную сферу, и это делало бы их более конкурентоспособными, чем те, которые не прошли модернизацию.

ВБ: *Одну минуту. Я Вас прерву. Хотелось бы уточнить. По-Вашему, первое изменение состоит в отходе от классического индустриального капитализма со свободной конкуренцией, капиталом, наемным трудом, но без социальной защиты. Первый шаг — бесплатное образование, бесплатные или государственные пенсии, социальная инфраструктура и так далее. Это уже качественные изменения внутри капитализма. Ну хорошо, пусть это будет глубокое реформирование. Не качественные изменения, а глубокое реформирование. Правильно ли я излагаю Вашу позицию?*

МХ: Да, пока все правильно. Но я иду дальше. И говорю: Маркс считал, что одной из важнейших функций индустриального капитализма будет являться индустриализация финансовой системы. Что вместо того, чтобы хищнически изымать ренту путем кредитования правительства, путем выдачи кредитов, не связанных с производством, банки будут все больше и больше заниматься тем, чем они занимались в Германии, в Центральной Европе, то есть финансированием средств производства. В приводимых им примерах Маркс относил задолженность по кредитам к издержкам промышленных капиталистов на производство. Вместо этого произошло «офинансирование» промышленности. С точностью до наоборот. И это «офинансирование» промышленности не способствовало капиталовложениям в новые средства производства для снижения издержек. Издержки только возросли. Важным поворотным пунктом стал 1980 год. Именно тогда начались захваты компаний с помощью «мусорных» облигаций, появились доступные кредиты. Маргарет Тэтчер победила на выборах 1979 года и начала приватизацию в Англии. А на следующий год Рональд Рейган победил на выборах в США. Оба они мечтали об избавлении от роли государства и о том, чтобы оставить только частный сектор — а это означало, что банки получают контроль над всей планетой.

ВБ: *Здесь я хотел бы отметить: это очень важный пункт в Вашем изложении, нам надо не пропустить его в наших текстах. Про тэтчеризм и рейганомистику, про поворотный пункт и про то, что основной момент — отсутствие или ослабление государственного регулирования в первую очередь в финансовой сфере.*

МХ: В каждой экономике кто-то занимается планированием. По теории Маркса, при индустриальном капитализме планированием должны были заниматься крупные промышленники совместно

с государством, при постепенном увеличении роли государства, что явно происходило в Германии и Центральной Европе, где Рейхсбанк, правительство и крупные компании по производству стали и вооружений образовали триаду, которая превратила Германию в самую высокопроизводительную экономику Европы, и то же самое происходило...

ВБ: Это какой период?

МХ: От 1880 до начала Первой мировой войны. Первая мировая война все изменила. То же самое происходило в США, хотя официального статуса у марксизма там не было. США были вынуждены проводить протекционистскую политику, чтобы защитить себя, защитить и усилить отечественную промышленность. И это удалось сделать с помощью активных государственных субсидий, государственного планирования, государственного производства, образования, службы распространения сельскохозяйственных знаний для содействия развитию...

ВБ: Это было в XX веке?

МХ: Нет, в конце XIX. Наивысший подъем. Первым профессором бизнеса в США, профессором Бизнес-школы экономики, был Саймон Пэттен. И он, наряду со всеми ведущими американскими экономистами, учился в Германии, а вернувшись, рассказал, что в Германии начинают изучать экономику по Джону Стюарту Миллу, но кульминацией изучения должен быть Карл Маркс и даже Генри Джордж. Избавиться от землевладельцев, постепенно переложить на плечи государства базовую инфраструктуру, чтобы не допустить монополизации услуг по удовлетворению базовых потребностей людей по высоким ценам. И Саймон Пэттен говорил, что общественная инфраструктура, государственные инвестиции — это четвертый фактор производства наряду с трудом, землей и капиталом, и что в классической экономике этот фактор упущен. Вот каким должен был быть современный капитализм, при нем государство должно было нести все внешние расходы, оставляя капиталистам все затраты на труд и прибыли. Все это стало меняться, как только начали приватизировать железные дороги, школьную систему. Как только из всего принялись извлекать прибыль, целью стало не снижение стоимости жизни и стоимости ведения бизнеса, а увеличение поборов, взимаемых монополистами с трудящихся и общества.

ВБ: Вы сейчас перейдете к рейганомике?

МХ: Да. Все началось после Первой мировой войны, но решающий поворот произошел именно тогда.

СИСТЕМА ВНУТРИ СИСТЕМЫ

ВБ: Бертел, Вы согласны, что речь идет о двух типах капитализма?

Бертел Оллман: Давайте посмотрим на это под другим углом. Я изучаю системы. Что есть система, как та или иная система связана с системой, приходящей ей на смену. Многие системы существовали и до Маркса. Человечество представляет собой систему того, как люди живут сообща. Или разобщенно, как мы знаем на примере доклассового общества. Затем начинается история классов и появляется система... Из чего бы система ни состояла, она складывается из взаимодействий между важнейшими элементами этой системы, из совокупности процессов, взаимодействующих между собой. Они и определяют не только то, что может произойти, но и что реально происходит и кому все это выгодно. Основной предмет рассмотрения — экономика, но в систему включаются и другие области... Лучшая метафора — вихрь, то есть взаимодействие между элементами создает вихрь. Изначально имеется взаимодействие, которое впоследствии не заменяется, а дополняется вихревым взаимодействием с капитализмом в классовых обществах до того, как капитализм начинает доминировать, классово оформляться. Но затем, когда он становится преобладающим способом производства (это, разумеется, происходило постепенно, прежде всего — в Англии, а потом, по частям, и в других странах), на арену выходит другая, капиталистическая, система. Более девяноста процентов из того, о чем писал Маркс, посвящено этой капиталистической системе, которая не заменяет историю классов — ведь у феодализма и капитализма есть определенные общие черты, — а несет в себе уникальные черты капитализма. Большая часть исследований и работ Маркса посвящена целому ряду отличительных особенностей капитализма. Я имею в виду отношения между капиталистами и рабочими, эксплуатацию. Ту роль, которую играет стоимость, и то, что происходит с превращением стоимости на всех этапах развития экономики. Все эти элементы взаимодействуют, и на основе этого взаимодействия можно вывести своего рода закон движения. Чтобы лучше понять системы, надо иметь в виду, что у каждой из них есть свой уникальный закон движения. Более старые системы продолжают существовать, несмотря на зарождение новых. Когда Маркс писал свои работы о капитализме, эта система носила общий характер. Маркс уделял не слишком много внимания (кроме случаев, когда хотел проиллюстрировать какую-нибудь особенность) механике этой обобщенной системы, которая на тот момент уже существовала несколько лет и которой было суждено просуществовать еще несколько лет. Но внутри этой обобщенной системы, о которой писал Маркс и которая просуществовала в более или менее неизменном виде до начала XX века, начала зарождаться новая форма капитализма. В итоге появился другой вариант (а возможно, и два других варианта) капитализма, ведь система возникает, потому что возникают определенные ее элементы, которые начинают взаимодействовать и порождать новую динамику, новый закон движения.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

не смог выполнить то, что было ему предназначено судьбой, — освободить общество от пережитков средневекового феодализма.

Начался современный период, я имею в виду такие явления, как автоматизация, изменение климата, наличие у многих стран ядерного оружия. Но ряд других изменений (например, трансграничные перевозки), многое из того, что свойственно глобализации, подпадает и под описание этого нового современного варианта капитализма. Он не заменяет капитализм Маркса. Тут я не согласен с тем, что говорит Майкл. Марксов капитализм — необходимый контекст, в который следует поместить современный вариант капитализма. Система внутри системы. И этот современный вариант капитализма развивается примерно так, как об этом рассказывает Майкл. Но очень важно описать его в терминах перекрывающихся систем, у каждой из которых свой уникальный закон движения. Это крайне важно для спора между сторонниками революции и реформ, социал-демократии и коммунизма. Потому что сторонники коммунизма хотят избавиться от обоих вариантов капитализма, их не удовлетворяют изменения, даже если бы они были возможны. Маркс не был бы удовлетворен изменением худших сторон современного капитализма. Хотя эти стороны надо менять, но, во-первых, это не получится, а во-вторых, они вернутся — наблюдаем же мы возвращение целого ряда старых добрых социал-демократических реформ, восходящих не только к началу XX века, но и в некоторых местах, как, например, в Новой Зеландии, к концу века XIX. Теперь с этими реформами хотят покончить, чтобы они не стали постоянными на случай, если обобщенный капитализм — так я называю Марксов вариант капитализма — продолжит существовать. Поэтому мы не должны ограничиваться лишь попытками реформировать эти черты современного капитализма. Мы должны пойти дальше и избавиться от капитализма, который описывал Маркс с помощью отношений между трудом и капиталом, стоимости, превращения стоимости, капитализма с конкретным законом движения, который выводится из всего вышеперечисленного, капитализма, который продолжает существовать.

ВБ: Бертел, у меня есть вопрос. Я хочу понять, в чем именно Вы не согласны с Майклом. Во-первых, я понимаю проблему качественных изменений. Я думаю, и Майкл понимает и даст свой ответ. Но вопрос и вот в чем: когда количественные изменения в природе капитализма переходят в качественные? В какой точке?

БО: В способе производства. Это ключевой момент.

ВБ: Способ производства — это совокупность производительных сил и производственных отношений.

БО: Речь идет не только о производстве, но и о распределении, обмене и потреблении. Об этих четырех факторах в их взаимосвязи. Как только они вступают во взаимосвязь, они быстро начинают контактировать с государством и влиять на него, на характер культуры, религии и т. д.

ВБ: *Согласен. Так когда же наступают изменения?*

БО: Я думаю, в таких случаях трудно назвать конкретный год, а иногда и десятилетие. За исключением случая слома системы, как это было в Советском Союзе. Но обычно это происходит в течение десятилетия или двух. А когда возникает новая система... те элементы, которые характеризуют эту новую систему (и то, что говорил Майкл о банковском секторе, имеет к этому непосредственное отношение), должны соединиться с другими элементами, новыми для данного периода, и выстроить взаимосвязь...

ВБ: *Что за новые элементы. Назовите их по порядку — первый, второй, третий...*

БО: Я назвал Вам более трех, когда говорил о современной капиталистической системе. При глобализации многие изменения знаменуют собой переход из количества в качество, и это, разумеется, относится к марксистской диалектике — количественные изменения в какой-то момент переходят в качественные. Хотя некоторые из таких изменений мы уже наблюдали (не во времена Маркса, их тогда было не так много, но вскоре после него), их оказалось недостаточно, чтобы породить совершенно новую систему. Но рассматривать это нужно именно так, потому что иначе слишком сосредотачиваешься на том или ином отдельно взятом аспекте проблемы, в то время как мы видим, что проблема существует в виде ряда перекрывающихся систем, и все эти системы, ну пусть самые крупные из них, необходимо отбросить, включая современный капитализм, как я его называю, обобщенный капитализм по Марксу — Маркс не углублялся в специфику, он описывал общие черты капитализма, который начинал доминировать в современном ему производстве. А также и классовое общество. Покончить со всеми классовыми обществами.

ЗАКОН ДЕНЕГ

ВБ: Майкл, с чем Вы не согласны, а с чем согласны?

МХ: Мне кажется, я никогда не выражал несогласия с Бертелом. Мы говорим о различных аспектах капитализма, и я сосредоточился на том аспекте, который я лучше всего знаю, — на финансовом секторе. У Бертела более широкий подход, я же сосредотачиваюсь на том, что считаю наиболее важным. Если говорить о законах движения — Маркс на протяжении двух томов «Капитала» описывал их, но в третьем томе перешел на финансы и указал, что там действует совершенно другой закон, поскольку речь идет о расчете сложного процента, о деньгах, даваемых взаймы под процент, и это не закон капиталистической системы. Это не экономический, а чисто математический закон, который не зависит от способа производства. По Марксу, именно рост финансового долга ведет к возникновению кризиса каждые 11 лет. Он пытался описать эти кризисы и финансовый сектор, который он считал хищническим и чужеродным по отноше-

СОВРЕМЕННОЕ РАБСТВО

Чтобы получить работу, студент должен оформить пожизненный кредит на обучение — 300 000 долларов, чтобы купить дом, он должен выплачивать 43% своего дохода (максимум, гарантированный государством) за обслуживание долга по ипотеке на покрытие всех жилищных издержек в штате Нью-Йорк, да и в Лондоне на содержание жилья уходит свыше 40% бюджета наемного работника. Если к долгу за обучение (который может составлять 10–15% от дохода) прибавить долг за жилье, автомобильный долг, долг по кредитной карте, то получится долговое ярмо. Люди тратят всю жизнь, чтобы расплатиться с долгами.

нию к капитализму. Иностранное тело, которое, как он думал, современный ему индустриальный капитализм, исторгнет из себя. Но этого не произошло, а в конечном итоге финансовый сектор возродился после Первой мировой войны и начал подминать под себя индустриальный капитализм, и этот процесс закончился в 1980 году. По моему убеждению, сейчас мы живем в эпоху капиталистического постмодерна, а вовсе не модерна. Капиталистический же постмодерн на деле является возрождением феодального (Маркс называл его античным) способа производства, характеризующегося ростовщицеством и рабством (которое приняло форму долговой кабалы). Так что мы живем в период перехода от одного способа производства к другому.

”

По моему убеждению, сейчас мы живем в эпоху капиталистического постмодерна, а вовсе не модерна. Капиталистический же постмодерн на деле является возрождением феодального (Маркс называл его античным) способа производства, характеризующегося ростовщицеством и рабством (которое приняло форму долговой кабалы). Так что мы живем в период перехода от одного способа производства к другому.

”

СОВРЕМЕННОЕ РАБСТВО

ВВ: Что считать рабством сегодня?

МХ: Чтобы получить работу, студент должен оформить пожизненный кредит на обучение, 300 000 долларов, вот здесь у нас в стоматологическом колледже Университета Нью-Йорка, а кроме этого долга, чтобы купить дом, он должен выплачивать 43% своего дохода (максимум, гарантированный государством) за обслуживание долга по ипотеке на покрытие всех жилищных издержек в штате Нью-Йорк. Да и в Лондоне на содержание жилья уходит свыше 40% бюджета наемного работника. Так что если к долгу за обучение (который может составлять 10–15% от дохода) прибавить долг за жилье, автомобильный долг, в который нужно влезть для приобретения машины, чтобы добраться на работу (во многих местностях это необходимо), долг по кредитной карте, то получится долговое ярмо. Люди тратят всю жизнь, чтобы расплатиться с долгами, в которые они влезли. В отличие от античности, у них есть свобода перемещения, они не крепостные и не принадлежат какому-то хозяину. Однако все экономические излишки выкачиваются финансовым сектором, оставляя капиталисту все меньше и меньше про-

мышленной прибыли, поскольку если наемные рабочие вынуждены столько тратить на обслуживание долгов и уплачивать монопольные цены на медицинское обслуживание и иные услуги, которые приватизированы, а не предоставляются бесплатно, то рынок товаров и услуг, производимых капиталистами, будет постоянно сжиматься. Поэтому когда в Нью-Йорке идешь по Восьмой улице, то видишь, что у половины магазинов опущены шторы. Они закрыты. Они уходят из бизнеса.

ВВ: Бертел, Вы согласны, что капитализм возвращается к докапиталистическим способам производства?

БО: Я согласен с теми подробностями, которые сообщает Майкл, они весьма насыщены. Думаю, они в целом характеризуют современный капитализм, как я его называю. Он может существовать только по закону движения, в рамках которого осуществляется сложная взаимосвязь, (Майкл думает, что он куда-то пропал). Он может существовать только внутри определенного уровня обобщения, внутри более глобальной системы общего капитализма, о которой писал Маркс.

Единственное, с чем я явно не согласен, — это с тем, что Майкл сказал о причине возникновения кризисов. Этот вопрос, разумеется, часто обсуждается учеными-марксистами, но я считаю — и Маркс об этом пишет в разных местах — что причиной кризисов является сам капитализм в целом. Это не исключает того, что некоторые факторы могут оказывать большее влияние на надвигающийся кризис. Думаю, следует разделять эти факторы на те, что делают кризис вероятным, возможным, неизбежным... Нет, «неизбежный» — это слишком сильно для меня. А «возможный», «весьма вероятный» подходят... С учетом того, что дает начало кризису. Есть три пути для понимания кризисов. И первый из них важнее всего — что именно делает кризис возможным. А возможными их делает капитализм крупных воротил. Лучшее всего это, конечно, изучено у Маркса, но понять это можно и с точки зрения современного капитализма. Мои разногласия с Майклом я рассматриваю не с точки зрения отдельных деталей, а с точки зрения несистемного подхода к этим деталям. Майкл проделал большую работу и продолжает работать по теме долга в древнем мире. Но он недостаточно внимания уделяет изучению различных систем, того, как они накладываются друг на друга и влияют друг на друга. Ведь внутри каждой системы действует свой закон движения, который очень важен для определения того, что в этой системе происходит.

ВВ: Бертел, Майкл предложил относительно точную периодизацию: описанный Марксом классический капитализм, затем усиление государственного регулирования в той или иной форме, начиная с конца XIX века до Первой мировой войны включительно, плюс период до Первой мировой войны в Германии. Затем — различные попытки ввести государственное регулирование,

социал-демократия, даже фашизм, на основе капитализма, процветание 60-х, затем тэтчеризм, рейганомика, упадок и восстановление свободного движения капитала в финансовой сфере, и рефеодализация. Примерно три периода. Классический капитализм, период регулирования, период дерегулирования. Согласны с этой схемой?

БО: Эти периоды не сменяют друг друга. Они встроены друг в друга. Те, что Вы упомянули в конце, встроены в те, что Вы упомянули в начале, их и изучал Маркс. И они оказывают друг на друга воздействие. Но самое большое и непосредственное воздействие на каждый из них оказывает закон движения, выводимый из взаимодействия явлений, возникших совсем недавно по большей части в сфере экономики. Анализировать это нужно методом перекрывающихся систем, чтобы понять, как следует реагировать. В противном случае социал-демократическая политика выглядит весьма заманчиво. Думаю, что это очень важно с точки зрения выбора политической линии.

ВБ: Я спрашиваю потому, что и на Левом форуме, и ранее многие, в том числе Дэвид Коц и некоторые другие, утверждали, что мы должны вернуться к социал-демократической модели капитализма с государственным регулированием. Идея вот в чем: есть закон движения классического капитализма, капитализма по Марксу, фундаментальный закон движения... Происходит модификация во взаимосвязи с социальным регулированием и подрывом некоторых основ капитализма (это вопрос к вам обоим). Затем — дерегуляция, и некоторые элементы возвращаются к основному закону и частично еще дальше, в докапиталистическую эпоху, к феодальному полурабству или, скажем, монетаризму XV века. К меркантилистской модели. Это так?

БО: Нет, не так, поскольку регулирование и дерегулирование не столь важны при капитализме, сколь та система, с которой мы начали, — обобщенный капитализм Маркса. Во времена Маркса уже была определенная степень регулирования. Фабричные инспектора, которые немного улучшали жизнь людей, работавших на фабриках в жутких условиях. Все это уже было в середине XIX века. И это продолжается, и кое-где ситуация серьезно улучшается. И все же то, что люди могут использовать термин «регулирование», и то, что жизнь некоторых людей несколько улучшилась, не очень сильно влияет на закон движения. Поэтому-то закон движения так важен. Затем настанет время перехода изменений из количественных в качественные, особенно в связи с другими событиями в капиталистическом обществе, которые еще не произошли. И тогда мы сможем говорить о появлении новой системы внутри системы, которую описывал Маркс. Маркс явно проявлял излишний оптимизм, но я не думаю, что те изменения, которые происходят в современном капитализме, подрывают принципы обобщенного капитализма, сформулированные Марксом. Эти принципы по-прежнему важны, ясны и деструктивны.

КАЖДАЯ ЭКОНОМИКА — ПЛАНОВАЯ

ВБ: Хорошо. Майкл, что Вы думаете?

МХ: Бертел прав, рассматривая все явления системно. Конечно, система — понятие более широкое, чем финансы, о которых я говорил. Он анализирует диалектику системы. Я удивлен тем, что Вы используете слово «дерегулирование». Мы говорим не о дерегулированной экономике. И не о неплановой экономике. Каждая экономика — плановая. Вопрос в том, кто именно планирует и регулирует. Сегодняшняя экономика в основном планируется и регулируется финансовым сектором. А не правительством. В этом суть либертарианского учения о свободном рынке. Говоря «свободный рынок», они имеют в виду, что им нужен централизованный тоталитарный рынок, который планируется исключительно банками. «Свобода» означает тоталитарный контроль со стороны банков, нацеленный исключительно на изъятие, и в итоге приводящий к обнищанию общества, и, в силу этого, оборачивающийся полной противоположностью тому, чем должен был бы стать успешный индустриальный капитализм.

Сегодня вопрос о том, кто получает финансирование, кто получает кредиты, решается исключительно банками и все чаще — мошенническим и преступным путем. Бизнес-планирование Ситибанка, Банка Америки и других крупных банков, по сути, является мошенническим. Конечно, Маркс изучал и эту сторону вопроса, описывая мошеннические банковские схемы XVI, XVII и XVIII веков. У нас и сегодня все это присутствует, но Маркс никак не ожидал, что экстрактивное планирование банков станет независимым от правительства и фактически подомнет под себя правительство, подчинив его финансовой сфере, а не интересам индустриального капитализма. Это было наиболее заметно при президенте Обама, когда мошенничество цвело пышным цветом, но в тюрьму за это никого не сажали. Еще заметнее это при Трампе — все планирование поставлено на либертарианские рельсы. Попраны природоохранные нормативы, защита потребителя, защита от мошенничества, правопорядок. Надвигается эпоха варварства, о чем всегда предупреждал Бертел.

ВБ: Я это и говорил о дерегулировании. Вы просто сказали: дерегулирование раз, дерегулирование два, дерегулирование три. Это была моя идея. Но я согласен, что сегодня финансовый капитал определяет все функционирование — не только воспроизводство — функционирование капитализма.

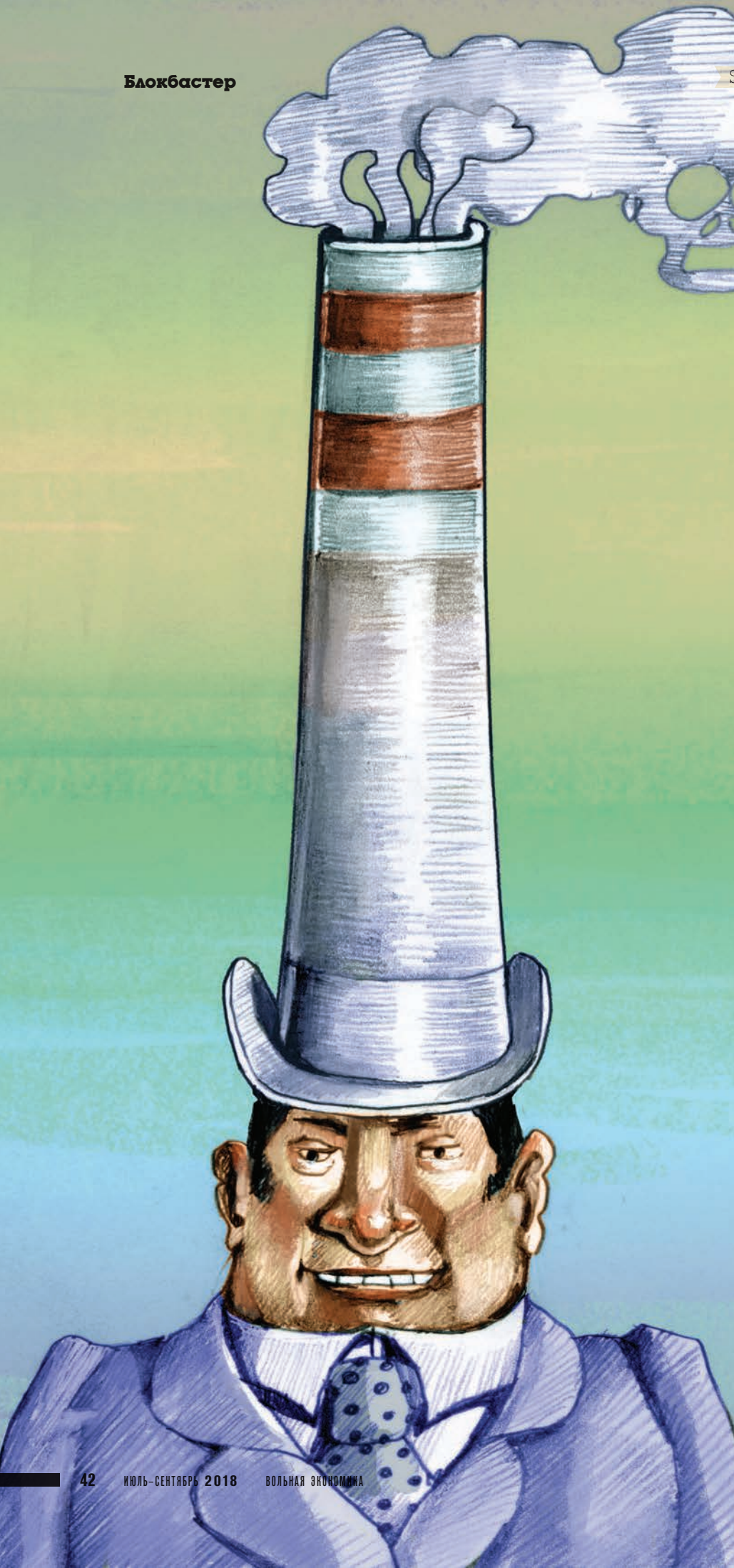
МХ: Финансовый капитал препятствует воспроизводству. За последние два десятилетия 92% корпоративной прибыли компаний из рейтинга Standard and Poor 500 потрачено на увеличение выплат по дивиден-

Б. ОЛЛМАН:

ДУМАЮ, НИ У КОГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ УСПЕХ КИТАЯ В КАЧЕСТВЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Не думаю, что такая возможность есть у России. Особенно при быстром развитии автоматизации. Этот фактор хоть и сможет изменить ситуацию на нескольких предприятиях, но не окажет существенного влияния на проблемы громадного большинства рабочих страны, не приведет к появлению нормальных, высокооплачиваемых рабо-

дендам и на программы выкупа собственных акций. Компания использует свою прибыль для выкупа собственных акций, чтобы поднять на них цены. Только 8% прибыли идет на капиталовложения. Это наиболее низкий показатель за все время существования индустриального капитализма. Маркс думал, что индустриальный капитализм будет носить экспансионистский характер и распространится на весь мир. Но с финансовой точки зрения он сжимается.

БО: Думаю, нужно как следует уяснить, что именно Маркс понимал под капиталом. Он допускал наличие у капитала нескольких сторон. Например, в начале, в ранний период он включал землевладельцев в свою трактовку капитала и, соответственно, капиталистов, хотя мы сейчас говорим в основном о капитале. Это — место в системе и функция, связанная с этим местом. Не так важны отдельные элементы капитала, доминирующие в тот или иной период, как тот факт, что капитал остается капиталом и пытается максимизировать прибыль безотносительно того, с кем он делит офисное здание, из которого ведет свою деятельность. А у государства, о чем неоднократно тут говорил Майкл, никогда не было возможности рулить экономикой. За все время существования капитализма государство всегда состояло в услужении у класса капиталистов, из которого бы он ни состоял в каждый конкретно-исторический момент. Это касается и Обамы, и всех правительств, не только в США, но и в других странах, даже в странах социал-демократии, поскольку зачастую социал-демократы занимаются тем, что спасают задницу государства, которое попадает в беду из-за проблем в обществе. Мне кажется, не стоит преувеличивать роль государства, которое на всем протяжении существования капитализма обслуживало интересы капитала наряду с религией и культурой. Многие элементы общества в широком понимании обслуживают интересы капитала, а сам капитал претерпевает определенные изменения — как я говорил, основные черты того вихря, в котором мы кружимся сегодня, с течением времени меняются, при этом более ранняя система продолжает оставаться на месте. Опять-таки это важно для выбора той политической линии, которая в данный момент необходима. Если мы будем сосредотачиваться на частностях, как Майкл, мы рискуем получить социал-демократические реформы, которые покончат...

МХ: Вы правы, об этом говорил Маркс, критикуя Жореса и последователей Жореса. Они считали, что если излечить класс землевладельцев или монополии, то можно излечить и индустриальный капитализм. Нельзя. Решение финансовой проблемы не решит проблем, о которых говорит Бертел, но позволит, наконец, заняться этими проблемами, проблемами индустриального капитализма.

БО: Но при этом станет ясно, насколько далеко мы сможем зайти.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ НАМ НЕ ПОДХОДИТ

ВБ: *Еще один вопрос. Идут споры о реиндустриализации и о государстве как институте, могущем ограничить роль и власть финансового капитала. Так дело обстоит в России, поскольку мы столкнулись с очень серьезной проблемой деиндустриализации страны. Думаю, это актуально и для США, и, в меньшей степени, для стран Европы. Если мы хотим вернуться к материальному производству и в то же время перейти к материальному производству на основе творческого или универсального труда (если использовать категории Карла Маркса), где наука является основной производительной силой, а человек находится по ту сторону материального производства, то мы должны обеспечить развитие материального производства.*

Согласны ли Вы с тем, что внутри капитализма можно осуществить некие реформы, которые ограничат, по крайней мере частично, власть финансового капитала, стимулируя тем самым развитие высоких технологий. В качестве примера можно привести относительно жесткое регулирование финансовой системы в Китае, национализацию, огосударствление крупнейших банков. Крайне доступные кредиты для предприятий высокотехнологичных отраслей. Удорожание финансовых операций посредством введения налога Тобина или аналогичных мер. Открытость капитала для контроля.

Социал-демократическая программа. Реалистична ли она? Нужно ли двигаться в этом направлении? И как далеко? Или же это абсолютно глупая затея? Можем ли мы также учесть опыт, скажем, 50-х и 60-х годов, когда в Европе быстро развивались промышленность, высокие технологии, образование, здравоохранение, строительство доступного жилья, инфраструктура и т. д.? Это был период регулирования. Можем ли мы использовать этот опыт? Можете ли Вы посоветовать использовать этот опыт для России, например?

МХ: Дилемма социал-демократов: что ответить капитализму — «да, пожалуйста!» или «да, спасибо!». Их провал связан с их полной неспособностью понимания природы денег и абсолютной коррумпированностью социал-демократических политиков во всех странах. Задача социал-демократов — предотвращение социалистической альтернативы и позиционирование самих себя как реалистично мыслящих центристов. Реально же они поддерживают лишь правых. В США, например,

Демократическую партию называют социал-демократической. Ее задача — постоянно смещаться вправо, чтобы республиканцы могли быть еще правее демократов и при этом все больше смещаться вправо, чтобы не оставить места для реальной социалистической альтернативы. Как говорил Троцкий в своей критике фашизма, фашизм возникает, когда социалисты не в силах предложить альтернативу надвигающемуся кризису, а позиция социал-демократов выражается в затягивании кризиса, в усугублении кризиса и в разрешении кризиса таким образом, чтобы им оказаться у власти в интересах крупного капитала и финансовых капиталистов.

БО: При всем при том, с чем я в основном согласен, я бы добавил, что в разных странах складываются разные ситуации. Например, в Китае удалось применить планирование, социал-демократические методы...

ВБ: *Социальные, но не демократические...*

БО: Виноват, пусть будут недемократические социал-демократические. Но им удалось наладить производство качественных товаров, достаточно дешевых для конкуренции на международной арене. Но это удалось потому, что рабочий класс умел читать и писать и рабочие смогли быстро

”

У государства никогда не было возможности рулить экономикой. За все время существования капитализма государство всегда состояло в услужении у класса капиталистов, из кого бы он ни состоял в каждый конкретно-исторический момент. Это касается и Обамы, и всех правительств, не только в США, но и в других странах, даже в странах социал-демократии, поскольку зачастую социал-демократы занимаются тем, что спасают задницу государства, которое попадает в беду из-за проблем в обществе.

”

развить в себе навыки, существовавшие в других странах, во всех областях производства. Китай смог продавать эти товары более дешево, чем почти все развитые страны. Не думаю, что такая возможность есть у Советского Союза. Особенно при быстром развитии автоматизации. Этот фактор хоть и сможет изменить ситуацию на нескольких предприятиях, но не окажет существенного влияния на проблемы громадного большинства рабочих страны, не приведет к появлению нормальных, высокооплачиваемых рабочих мест и гарантий их сохранения. Думаю, ни у кого

не получится использовать относительный успех Китая в качестве модели развития.

ВБ: Майкл, но Вы ведь говорили, что тэтчеризм и рейганомика во многом изменили систему капиталистических отношений, а поворотный пункт пришелся на 1980 г. Если этот поворот произошел от плохого к худшему, можно ли вернуться назад? Если тэтчеризм и рейганомика — хуже, чем было раньше, нельзя ли вернуться к ситуации, когда было лучше?

”

МХ: Стратегия финансового капитализма, как и любой диктатуры, — сделать изменения необратимыми. Есть лишь один способ вернуться к ситуации до 1980 года — обнулить долги. Потому что,

Дилемма социал-демократов: что ответить капитализму — «да, пожалуйста!» или «да, спасибо!». Их провал связан с их полной неспособностью понимания природы денег и абсолютной коррумпированностью социал-демократических политиков во всех странах. Задача социал-демократов — предотвращение социалистической альтернативы и позиционирование самих себя как реалистично мыслящих центристов. Реально же они поддерживают лишь правых.

”

если обнулятся долги, то обнулятся и накопления — огромная концентрация накоплений. Если посмотреть на график распределения богатства после Первой мировой войны, то видно, что оно происходило более или менее равномерно. До 1980 года. Потом произошел резкий разворот. Настолько огромное количество средств было сосредоточено в руках у одного процента населения (что зеркально отражает ситуацию с долгами у 99%), что если не трогать долги — личные, корпоративные, государственные долги, которые уничтожают экономику Аргентины, Венесуэлы, Греции и других стран, — если оставить эти долги, то это все равно что оставить частную собственность на землю и европейскую аристократию.

С этим ярмом надо что-то делать, необходимо сбросить его, как это сделали в России после революции. И по крайней мере до 1991 г., какие бы дополнительные издержки ни несла российская экономика, там не было издержек на землевладельцев, финансовых, долговых издержек или издержек монопольных цен. Вот что надо менять. Социал-демократы никогда не будут заниматься теми структурными изменениями, о которых говорим мы с Бертелом, потому что это вопрос структурирования. А как структурировать экономическую систему для предотвращения ее развала под действием вну-

тренных противоречий методами, которые предлагают социал-демократы, джорджи соросы всего мира, работающие, по сути, на банковскую систему?

ТРЕТИЙ ВАРИАНТ

ВБ: Уточню свой вопрос (мы планируем опубликовать этот материал в России). У нас идут споры об индустриальной политике. У нас есть два вида бизнеса и два типа представителей бизнеса в политических структурах. Либеральное, монетаристское крыло выступает за единую шкалу налога, за регулирование кредита так называемыми законами свободного рынка, за невмешательство государства в этот процесс. Государственные инвестиции должны быть снижены до минимума, образование и здравоохранение — поставлены на коммерческую основу. И все будет хорошо, а капитал обеспечит развитие, в том числе и производительных сил. Это один вариант.

Второй вариант — разумеется, не коммунистическая революция, но если у нас имеется государство, которое проводит сильную промышленную политику, в рамках которой будут снижены налоги на бизнес в сферах высоких технологий, образования, науки, НИОКР и медицины, и государство будет выдавать дешевые кредиты частным и государственным предприятиям, создающим новое оборудование, например, для машиностроения, которого у нас нет, которое мы утратили, то мы будем строить самолеты (сейчас мы используем «боинги» и «эйрбасы») и так далее. В этих сферах будут дешевый кредит, государственные и частные инвестиции, низкие налоги, институциональная поддержка. Плюс лимиты на транзакции, высокие налоги на транзакции. Вот две фракции, два направления. Каковы будут Ваши рекомендации? Оба варианта плохие?

БО: Первый хуже, чем второй, без сомнения. Но оба плохи. А что насчет третьего варианта?

ВБ: Третий вариант отсутствует.

БО: У меня есть рекомендации. Мне очень не нравится первый вариант. И второй тоже не нравится. Так что разница есть. Но я вижу, что второй вариант может понравиться многим социал-демократам... Сердцем они все понимают. Да, некоторые из них — циники, какими их описывает Майкл, но многие из них очень наивны...

МХ: Сердце ни при чем, тут нужен мозг.

ВБ: Это не наивность. Много, о чем я говорил, было реализовано после Второй мировой войны во многих странах.

БО: Но условия были совсем другие. Как можно это сегодня использовать в качестве примера? Слушайте, там ведь все было разрушено, была смута, люди не знали, какой нужно сделать политический

выбор. В течение нескольких лет были открыты многие возможности, и некоторые народы воспользовались ими и — с помощью холодной войны, коль речь идет о Европе, — сумели извлечь гигантскую выгоду из холодной войны, получив американскую помощь, если, конечно, были достаточно настроены против Советского Союза. Сейчас нет таких условий...

ВБ: Хорошо. А Вы как думаете, Майкл?

МХ: Я просто поражен, что русские оказались столь доверчивы и поверили, что в результате приватизации снизится стоимость жизни и ведения бизнеса. Если приватизировать транспортную или школьную систему, у вас не только будут непосредственные материальные издержки производства, труда и материального капитала, но к ним прибавятся еще и прибыль, процентные ставки, прирост капитала, прибавятся выплаты управленцам. Плюс тот факт, что приватизируемые объекты веками находились в общенародной собственности, поскольку они являются естественными монополиями. Поэтому в дополнение к процентам, дивидендам, программам выкупа акций, выплатам руководству и воровству вы получите монопольные цены.

Нужно просто взглянуть на то, что стало с железными дорогами при Маргарет Тэтчер. Цены на жилье выросли в 10 раз, население покидает Лондон, по крайней мере англичане. Теперь он в основном принадлежит иностранцам. Я поражен... Как будто русских не учили марксизму! Как будто они не читают западную прессу и не знают, что произошло в Англии, в США, как будто не видят, что приватизация — это, по сути, офинансирование.

Маргарет Тэтчер продала телефонную компанию British Telephone и другие компании в частные руки. Продала за малую долю их реальной потенциальной стоимости, потому что, как она сказала, правительство не может сделать то, что могут частные управленцы. А что могут частные управленцы? Сломить профсоюзы. Напугать их, чтобы не вышли на забастовку. Это поднимет стоимость жизни на такую высоту, и люди влезут в такие долги, что побоятся не то что выйти на забастовку, но даже протестовать против условий жизни. Финансисты имеют долю абсолютно от всего, при каждой продаже получаемый ими доход они употребляют не на модернизацию средств производства, а на урезание услуг. Приватизация заново разжигает классовую борьбу.

ЗАЧЕМ ГОЛОСОВАТЬ ЗА ТРАМПА

ВБ: Майкл, Вы прекрасно все изложили. Можете дать такой же анализ социал-демократического варианта?

МХ: По-моему, это и было про социал-демократический вариант.

БО: Да, но есть и другой, где государство... Есть другой вариант, если я правильно Вас понял, где государство выступает в роли планирующего органа. Государство в некоторых областях использует общественную собственность, это делается в намного более плановом порядке, но с ограничениями...

”

Если приватизировать транспортную или школьную систему, у вас не только будут непосредственные материальные издержки производства, труда и материального капитала, но к ним прибавятся еще и прибыль, процентные ставки, прирост капитала, прибавятся выплаты управленцам. Плюс тот факт, что приватизируемые объекты веками находились в общенародной собственности, поскольку они являются естественными монополиями. Поэтому в дополнение к процентам, дивидендам, программам выкупа акций, выплатам руководству и воровству вы получите монопольные цены.

ВБ: Идея в том, что у вас имеется результат, сегодня блестящий, а завтра, может быть, не очень. Сандерс в роли президента США. Лидер британских лейбористов Корбин — премьер-министр Великобритании. Что они смогут сделать? Немного. Но они немного изменят систему, и вместо тэтчеризма будет корбинизм, вместо либеральной экономической политики США — социал-демократическая, в духе Рузвельта. Или, с Вашей точки зрения, это абсолютно невозможно? Даже при широкой поддержке народа?

”

БО: Зависит от того, останется ли Корбин Корбином. Вы упомянули двоих. Берни Сандерса и Корбина. Они очень разные. Берни Сандерс — социал-демократ. Не думаю, что Корбин — социал-демократ, думаю, что потенциально Корбин весьма радикальный деятель. Но он — радикал, который в настоящее время занят тем, что пытается сплотить вокруг себя различные партийные фракции, на кото-

рые разбилась партия. Интересный момент по поводу Лейбористской партии (с которой я стараюсь поддерживать близкие отношения) — в нее стали вступать коммунисты. И Корбин здесь играет в сложную игру. Не знаю, как он будет действовать, но ясно, что это будет иметь решающее значение, поскольку он имеет отличный шанс стать премьер-министром.

Что касается Берни Сандерса, то он бы произвел некоторые существенные изменения по улучшению жизни людей и не стал бы продавать запасы страны. Но не думаю, что он смог бы зайти достаточно далеко и действовать достаточно быстро. Решил бы некоторые проблемы, связанные с безработицей, с невозможностью продавать наши товары в других странах, достаточный их объем, чтобы поддерживать доминирующее положение нашей промышленности на мировой арене. Но из-за того, что он не смог бы действовать достаточно последовательно и достаточно быстро, есть опасность, что фашистская реакция, которую мы наблюдаем в Америке, еще усилилась бы, поскольку многие рабочие, представители рабочего класса, оказались падкими на сладкие речи демагогов, которые, не употребляя слова «коммунизм», обещают им нечто вроде коммунистического будущего, где у каждого есть хорошая работа, каждый получает хорошую зарплату, и во всем винят совсем не тех, кто реально виноват, а иммигрантов и людей с другим цветом кожи. Дело в том, что если в администрации Берни Сандерса не произойдут действительно значимые и серьезные изменения, то, думаю, он может столкнуться с еще более сильной фашистской реакцией, чем та, что имеет место при Трампе с его придурковатостью.

Трампа слишком глуп, чтобы стать вторым Гитлером, но в его окружении есть неглупые люди, готовые на все... например, тот тип, который был

вынужден уйти, забыл, как его зовут, один из его главных советников, осуществлявший связь с фашистским крылом в партии. Вокруг Трампа много таких людей, и они могут выйти на авансцену, если придет какой-нибудь Берни Сандерс, у которого одна рука будет связана за спиной усилиями половины Демократической партии, а вторая хоть и будет пытаться действовать быстрее при решении проблем, но не сможет убедить конгресс поддержать радикальные предложения, которых, по-видимому, будет немного. Это может создать еще большую проблему. Поэтому в нынешней ситуации социал-демократы могут повести нас в, так сказать, фашистское будущее.

В: Спасибо. Ценная мысль, и наконец-то Вы объяснили, почему мы должны голосовать за Трампа на следующих выборах.

”

Есть опасность, что фашистская реакция, которую мы наблюдаем в Америке, еще усилилась бы, поскольку многие рабочие, представители рабочего класса, оказались падкими на сладкие речи демагогов, которые, не употребляя слова «коммунизм», обещают им нечто вроде коммунистического будущего, где у каждого есть хорошая работа, каждый получает хорошую зарплату, и во всем винят совсем не тех, кто реально виноват, а иммигрантов и людей с другим цветом кожи.

”

See below for the English version of the article

Блокбастер

WHATEVER HAPPENED TO OUR CAPITALISM?

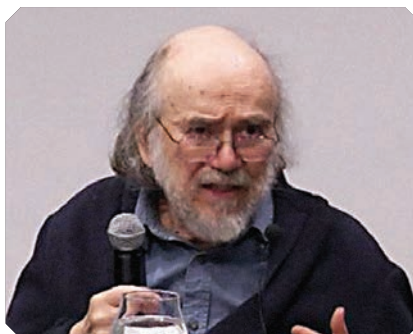
“We are now back to early capitalism and we are on our way back to feudalism”

This summer, which is now coming to an end, the leading independent economists and political scientists from around the world gathered in New York to attend the Left Forum. The event has long shed its “radical” feel. It drew in a lot of participants, not just “leftists” or convinced Marxists. The fact that the system in which free market proponents were putting their trust for so long is in deep crisis is evident to anybody unless they don’t want to see it. And the correctness of leftist ideas has been vividly demonstrated by China. The name of the conference speaks for itself: “A Broken System: How We Got Here”. One of the forum speakers was Professor Vladimir Buzgalin, Vice President of the FES of Russia and a constant writer for Free Economy. He interviewed a number of Western scholars, and here’s one of those interviews with Michael Hudson and Bertell Ollman, two thinkers who represent an alternative school of economic thought.

Vladimir Buzgalin

Professor emeritus of the M.V. Lomonosov MSU, Director of the Socio-Economics Institute of the Moscow University of Finance and Law, Vice President of the FES of Russia, doctor of economic sciences.

Bertell Ollman

Economist, political scientist, Marxist, a professor of politics at New York University

Michael Hudson

Professor of economics at the University of Missouri in Kansas City and a researcher at the Levy Economics Institute at Bard College, former Wall Street analyst, political consultant, commentator and journalist

EVOLUTION OF CAPITALISM

Vladimir Buzgalin: So, the first question is: what is late capitalism or the modern state of capitalism? Is [there] any difference from the 19th century capitalism? If yes, what are the key features different from the classic capitalism?

Michael Hudson: I think late capitalism ended in the 1960s. We are now back to early capitalism and we are on our way back to feudalism. Because what happened is that industrial capitalism failed in what Marx said was its historical destiny — to free society from the carryover of medieval feudalism, to free economies from the landlord class extracting rent, to free from predatory finance, and to free from the monopolies that finance organized in order to extract monopoly rent. The whole idea of modern capitalism from Adam Smith to John Stuart Mill, culminating in Marx, was to develop industrial capitalism and bring prices in line with actual cost value to get rid of what Marx called the excrescences of production.

VB: What?

MH: The excrescences, socially unnecessary costs of production in the form of economic rent. And Marx said that was what the 1848 revolutions were all about — to get rid of the landlords, to get rid of the old aristocracy and let industrial capitalism essentially streamline economies on the way to capitalism partly by developing a mixed economy with a government taking the expense

of building infrastructure, public health as in England (where the Prime Minister Disraeli said health, all is health), retirement and pensions as in Germany under Bismarck, and roads, transportation, low-cost public transportation, educational system, and all of the infrastructure to lower the cost of living so as to lower the cost of business, and this would make mixed economies capitalism with a strong social government spending more competitive than economies that didn't modernize.

VB: One minute. I will interrupt you. Just for clarification. The first change according to your opinion now is [the] change from classic industrial capitalism with free competition, capital, wage labor but without social protection. Then, [the] first step is free-of-charge education, free-of-charge pensions, or state pensions, social infrastructure and so on. It's already a qualitative change inside capitalism, OK, let's say, a deep reform. Not a qualitative change, a deep reform. Is it your position or not? Am I right or not?

MH: Yes, you are right so far in what you say. But I go further. And I say: Marx thought that one of the major functions of industrial capitalism would be to industrialize the financial system. That instead of banks becoming extractive and predatory by lending the government, by making loans that were not part of the production system banks would do more and more what they were doing in Germany, in Central Europe. They would finance the means of production. And in Marx's examples he would have debt as part of the cost of production for the industrial capitalists. What has happened instead was that industry has become financialized. Just exactly the reverse. And the financializing industry has not helped to fund... invest capital investment in new means of production to lower the cost. But it's added to the cost. The great turning point was in 1980. That's when junk bond takeovers began, that's when the easy credit began, that's when

The great turning point was in 1980. That's when junk bond takeovers began, that's when the easy credit began, that's when Margaret Thatcher won the 1979 elections and started privatization in Britain, and the following year Ronald Raegan won the US election and both of their ideals was to get rid of the government's role and have a pure private sector role which meant that the banks would be in control of the planet.

Margaret Thatcher won the 1979 elections and started privatization in Britain, and the following year Ronald Raegan won the US election and both of their ideals was to get rid of the government's role and have a pure private sector role which meant that the banks would be in control of the planet.

VB: *Here I want to say: it's a very important point in your presentation not to miss this in our texts: the idea that Thatcherism and Reaganomics and this is a turning point and the key question is no state regulation or decline of state regulation in financial sphere, first of all.*

MH: Every economy is planned by somebody. And in Marx's theory industrial capitalism would be planned by the big industrialists increasingly in conjunction with government as occurred most clearly in Germany and in Central Europe where the Reichsbank and the government and the large steel companies and arms manufacturers were all part of the triad that was making Germany the most productive economy in Europe and the same thing was happening...

VB: *In what period?*

MH: From 1880 up through World War I. World War I changed everything. The same thing had been occurring in the United States although there wasn't any official Marxism in the United States. The United States had to be protectionist to protect itself, to protect its domestic industry and build it up. And it did by very active government subsidy, government planning, government tier of production, education, agricultural extension to help develop...

VB: *This is 20th century?*

MH: No, late 19th century. The high point. And the first business professor in the United States, its Business School of Economics Professor was Simon Patten, and he, along with all the leading American economists, had studied in Germany and he came back and said that in Germany they started economics with John Stuart Mill but economics should really culminate in Karl Marx and even Henry George. You get rid of the landlords, and you have to increasingly have the government take over the basic infrastructure so that the basic needs will not be monopolized at a high price. So, Simon Patten said

that public infrastructure, government investment was a fourth factor of production along with labor, land and capital, and that that was left out of the classical economics. And that's what modern capitalism was supposed to be, with the government carrying all of the external costs leaving all of the labor costs and profits to the capitalists. All that began to change once you began to privatize the railroads, the school system, once you began to run everything for profit the idea was not to lower the cost of living and the cost of doing business but to increase what the monopolists could charge at labor and the society.

VB: *So, now you've jumped to the Reaganomics.*

MH: Yes. It all began after World War I but it really finally the turning point came then.

A SYSTEM WITHIN a SYSTEM

VB: *So, Bertell, will you agree that it was these two types of capitalism?*

Bertell Ollman: I'll come at it from a different direction. I make a study of systems. What's a system and how a particular system relates to the system that comes afterwards. And there are many systems which go back even before Marx. Human condition represents a system of how people live together and not so together as we know in pre-class period. And then class history enters the picture and you have a system... whatever constitutes a system, it is the interaction between the most important features of that system understood as processes, and they interact in such a way which establishes not only what can be done but what is done, who benefits, and the main focus is on the economy but other areas are included in that system and... The best metaphor is of the whirlpool, that the interaction between elements constitutes a whirlpool. So you have an interaction which then is not replaced by but supplemented by the kind of whirlpool interaction which occurs in class periods with capitalism before it becomes dominant anywhere, constitutes one form of class but then when it becomes a dominant mode of production, and that of course occurs over time and in

England before other places, all of it in pieces had occurred in other countries, then another system begins to take over with capitalism, and Marx, 90 plus percent of what he writes is about this capitalist system which not replaces class history where feudalism and capitalism shared certain features but constitutes what's different about capitalism and a whole number of things which are special to capitalism constitute the greater part of Marx's research and writings. I'm talking about the relation between capitalists and workers, the exploitation which occurs. The role that value plays, what happens with the metamorphosis of value throughout the economy. And these kinds of things are interacting and then they kind of... a law of motion. A good way to understand each of the systems is [that] they all have a distinctive law of motion. And the older ones continue to exist when a new one gets started. After Marx did his work on the capitalism it was very general. Marx did not deal too much, except to illustrate something more specific, with the workings of this system, this general system which had been around already for a number of years and was going to be around for a number of years longer. But a new form of capitalism began to grow inside the more general form that Marx focused on in his writings and which continued to exist more or less in that way until the early part of the 20th century. And what you have is one or maybe even two other versions of capitalism which came into existence, now recall how a system comes into existence because there are certain features which emerge, which then begin to interact and create a new dynamic, and a new law of motion.

Some thinking it through was in the modern period, I'm thinking of such things as automation, as climate change, as many countries having nuclear weapons. But a whole number of other things, the way that things can be shipped from country to country, a lot of what goes under globalization falls under this modern version of capitalism. It doesn't replace Marx's capitalism. That's what I disagree with, what Michael was suggesting. Marx's capitalism is the necessary context in which to place the modern version of capitalism, as a system within a system, and this modern version is moving ahead in something like the ways that Michael describes. But it's very important to set it up in terms of overlapping systems, each of which has a distinctive law

of motion, and this is terribly relevant for the whole debate between revolution and reform, social democracy and communism. Because communism wants to get rid of both of the capitalisms, it's not satisfied with changing, even if that were possible. The worst things about modern... Marx is not satisfied with changing the worst things about modern capitalism. Although these things need to be changed — first of all, you couldn't do it, second of all, they would come back as you see the return of the whole number of good social democratic reforms which go back not to the early part of the 20th century but in places like New Zealand [they] go back to the end of the 19th century, and they are now being done away with so that they can't be permanent if capitalism in general, which is what I would call Marx's version of capitalism, remains in place. Therefore, we can't simply limit our attempt at reforms of these features of modern capitalism. We have to go on and get rid of that capitalism which Marx described with capital-labor relation, with value, with the metamorphosis of value, with that particular law of motion which emerged out of all of that and continues to exist.

VB: Bertell, I have one question because I want to understand where you disagree with Michael. First of all, I understand the problem of qualitative changes and I think Michael understands and he will respond. But the question is also: when you see any deep changes in the nature of capitalism — what period and what are the — I don't know — point, border where we have this change. Not the year but the quality of change.

BO: In the mode of production. That is crucial in all of the difference.

VB: Mode of production is the unity of productive forces and production relations.

BO: Not just production but distribution and exchange and consumption. And those four things in their interaction. But as soon as they engage in an interaction they quickly begin to connect to, and affect, the character of the state, the character of the culture, the character of religion and so on...

VB: Agreed. So, where was the changing point?

MARX IS NOT SATISFIED WITH CHANGING THE WORST THINGS ABOUT MODERN CAPITALISM.

Although these things need to be changed — first of all, you couldn't do it, second of all, they would come back as you see the return of the whole number of good social democratic reforms which go back not to the early part of the 20th century but in places like New Zealand [they] go back to the end of the 19th century, and they are now being done away with so that they can't be permanent if capitalism in general, which is what I would call Marx's version of capitalism, remains in place. Therefore, we can't simply limit our attempt at reforms of these features of modern capitalism. We have to go on and get rid of that capitalism.

”

And to me, we are in a postmodern capitalism, not a modern capitalism, but the postmodern capitalism is really a resurgence of the feudal, and what Marx called the “ancient”, mode of production characterized by usury and slavery, in this case debt peonage. So, we are between modes of production.

”

BO: I think that here it's not easy to give a year, and maybe sometimes even a decade to the changing point. Except when a system was down as happened in the Soviet Union. But usually it's more like a decade or two. And where a new system is emerging... what has to happen is that the various elements which distinguish this new system, and certainly Michael's emphasis on what's happening in the banking sector is very relevant, those elements have to connect with the other elements which are new to that period and constitute a kind of interaction...

VB: *What new elements? One, two, three...*

BO: I gave you more than three in talking about modern capitalist system. I think that most of what goes with globalization or... in the case of globalization a lot of the changes really constitute quantity/quality changes, and this is of course part of Marx's dialectic: that things which change quantitatively at a certain point become a quality change. So, though we can see some of those changes occurring already, not so much in Marx's life but a little after Marx, that really wasn't enough to constitute an all-new new system. But this is the way to see it because otherwise one tends to focus too much on one or another aspect of the problem. Whereas we see that the problem exists in a series of overlapping systems all of which, the major ones, need to be rejected including the modern capitalism, what I call modern capitalism, capitalism in general, Marx's version. What he emphasized — Marx didn't get too specific, he talks about the general features of capitalism, the one that begins to dominate modern production. And then within that, of course, and because of that, also class society. To do away with all class societies.

LAW OF MOTION

VB: *Michael, where will you disagree? And where will you agree?*

MH: I don't think I've ever disagreed with Bertell. We are talking about different aspects of capitalism, and I'm focusing on the aspect that I know best, which is the financial sector. He has a broader point of reference than I do, and I'm trying to focus on what I find is the

most important. When you talk about the law of motions — Marx spent the first two volumes of Capital talking about the law of motion — but then in volume three he talks about finance and he says: that's a completely different law of motion because it's the mathematics of compound interest, of money that's let out at interest, are not part of the capitalist system. They are not economic, it's a purely mathematical law that is independent of the mode of production. And he said this build-up of financial debt is what leads to crises every eleven years. He tried to describe these crises and this financial sector that he described as being predatory as being extraneous to capitalism, an intrusion that he expected the modern capitalism of his day, the industrial capitalism, to get rid of. But it didn't get rid of it, it ended up making a resurgence after World War I to actually overpower... it began to overpower industrial capitalism, which it finally did after 1980. And to me, we are in a postmodern capitalism, not a modern capitalism, but the postmodern capitalism is really a resurgence of the feudal, and what Marx called the “ancient”, mode of production characterized by usury and slavery, in this case debt peonage. So, we are between modes of production.

MODERN SLAVERY

VB: *What is slavery today?*

MH: In order to get a job a student will have to take on a lifetime student debt, \$300,000 here at NYU Dental School, and in addition to taking debt he has to, then when he buys a home, has to pay a government guaranteed forty-three percent of his income for a debt service mortgage interest to support all the housing costs in New York. And as in London, housing costs over 40% of the wage earner's budget, so if you add the housing cost to the cost of student debt which can be ten percent or fifteen percent of your income to your automobile debt that you have to take on in order to get a car to drive to work in many areas, to the credit card debt you have what's called debt peonage — people spending their whole life paying off the debts they're encumbered with. And unlike antiquity, they are free to leave wherever they want, unlike serfdom they don't belong to a personal owner but all the economic surplus

is siphoned off by the financial sector leaving less and less industrial profit for the capitalist because if workers have to pay... some wage owners have to pay so much money in debt service and the monopoly pricing for medical care and for other services that are now privatized instead of [being] offered for free, that the market for goods and services produced by capitalists is going to shrink and shrink, which is why here in New York if you walk down 8th Street you'll find half of the stores all shuttered. They are all closed. They are going out of business.

VB: So, Bertell, will you agree that capitalism is coming back to pre-capitalist modes of production?

BO: I agree with the details that Michael offers and they are very rich. And for me they constitute a lot of what I've called modern capitalism. It only can exist inside a law of motion where it's interrelated in lots of complex ways, what Michael thinks has somehow disappeared or went away somewhere. It can only exist within the particular level of generality, of which modern capitalism has become, and exist inside the bigger system of capitalism in general which Marx had focused on.

And the one place where there's a clear disagreement is when he talks about the cause of the crises. This has been of course a much-discussed question among Marxist scholars but I believe — and Marx says in a few places — that it's the whole of capitalism which causes crises. But the point is that it doesn't rule out that certain things can have a bigger effect on the coming crisis. I think one has to break down the crises into crises in general, crises that are... break it down into what makes crises possible, what makes crises likely, possible, "inevitable" breaching the point, likely... for me "inevitable" is a bit too strong. But "possible", "very likely"... And what triggers a particular crisis. And you have to understand crises in all three of these ways. And the first way is the most important, which is about what makes crises possible. And what makes crises possible is bigwig capitalism, and that is best studied of course in Marx but you can even get at that in terms of modern capitalism. I think of my differences with Michael not so much in terms of the details but the way it contextualizes the system or the lack of thinking in terms of systems in which he places those details, so that

his moving through history, it's not irrelevant, and Michael has done some great work and continues to work on debt in the ancient world. So, in other words, he doesn't really deal enough with different systems that he is in fact studying in terms of how they overlap and affect each other but that inside each system is a law of motion which is crucial for determining the main things that happen in that system.

VB: Bertell, Michael proposed a relatively exact periodization: the classic capitalism described by Marx, then the growth of state regulation, in one or another form from the late 19th century through World War I, even the pre-World War I period in Germany, then the different attempts to introduce state regulation, social democracy, even fascism, on the basis of capitalism, the prosperity in [the] 60s, and then Thatcherism, Reaganomics, the decline and restoration of free movement of capital in the financial sphere, and re-feudalization. So, more or less three periods. Classic capitalism, a period of regulation, a period of deregulation. Will you agree with this logic?

BO: Not replacing each other. They don't replace each other. They sit inside each other. Rather the last ones you mentioned sit inside the one you mentioned first, the one that Marx studied. And they affect each other. But what has the biggest effect, and the most immediate effect, in each of them is the particular law of motion which is established by the interaction of those phenomena, mostly in the economic sphere, which have come into existence most recently. And I think we have to break down that analysis into overlapping systems in order to know how to react to them because otherwise social democracy makes so much sense. And I think this has very important implications for the kind of politics that one engages in.

VB: I ask because on the Left Forum and before many other people, David Kotz and some others, said that we have to come back to the social democratic model of capitalism with state regulation... The idea is: if we can say it was the law of motion of classic capitalism, Marx's capitalism, a fundamental law of motion. Then, modification interconnected with social regulation and the undermining of some features of

capitalism. (It's a question for both of you.) Then we again have deregulation, and some aspects return back to the basic law of motion and partly even worse, partly even behind capitalism to feudal semi-slavery and, let's say, the monetarism of the 15th century. The mercantilist model. Is it the case?

BO: Well, it isn't the case insofar as regulation and deregulation aren't as important in capitalism as what we started with, which is what I call Marx's capitalism in general. Because there's a certain degree of regulation which is already beginning in Marx's day. The factory inspectors, improving slightly the lives of people working under terrible conditions in factories. So, this is already beginning in the middle of the 19th century. And this continues, and in some places gets better without... in any serious way. Still just because people can now use the word "regulation" and some people's lives have somewhat improved this does not really affect too much the law of motion. This is why the law of motion is so important. And then it reaches the point of quantity/quality change, especially in connection with other developments in capitalism which haven't occurred yet, and that's where we can begin to talk of the introduction of a new system inside the system that Marx was describing. And Marx, he was obviously too optimistic, but the kinds of changes which have occurred in modern capitalism I don't think undermine the truth or the importance of any of the kinds of things Marx said about capitalism in general. They remain as important, and as evident, and as destructive as ever.

EVERY ECONOMY IS PLANNED

VB: *OK, Michael, what is your vision?*

MH: Bertell is quite right to look at everything as a system. And the system is obviously much broader than the finance which I'm talking about. He's looking at the dialectics of this system. I'm surprised that you use the word "deregulation". This is not a deregulated economy. And it's not unplanned economy. Every economy is planned. The question is: who is going to do the planning and the regulation? Today's economy is planned and regulated mainly by the financial sector.

Not the government. That's the essence of libertarian free market thought. By "free market" they mean: we want a centralized, totalitarian market planned only by the banks. "Freedom" means totalitarian control by the banks to become purely extractive and ending up impoverishing the society and thereby being the exact opposite of what a successful industrial capitalism would be.

Today the question of who gets the funding, who gets the credit is entirely [decided] by the banks, increasingly in a fraudulent criminalized way. The business planning of Citibank and the Bank of America and the large banks is basically fraud. And Marx certainly went into this, describing the fraudulent banking of the 16th, 17th and 18th centuries. We're having that today but he never expected that extractive planning of banks would become independent of government and actually take over the government as a branch not of industrial capitalism but as a branch of finance, which you found most nakedly under President Obama who permitted the vast amount of fraud without throwing anyone in jail, and even more so under Trump that is very explicitly turned all the planners over to the libertarians to dismantle environmental regulations, dismantle consumer protection, dismantle anti-fraud protection, dismantle the rule of law, and the move towards what Bertell is always warning about — barbarism.

VB: *That's what I said about deregulation. You just said: deregulation one, deregulation two, deregulation three. That was my idea. But I agree that financial capital now determines the whole of functioning, not maybe reproduction but the functioning, performance of capitalism.*

MH: It prevents reproduction. Ninety two percent of the corporate profits of the Standard and Poor 500 companies in the last decade, ninety two percent have been spent on higher dividend payouts and stock buyback programs, buying their own stock. Buyback. A company will use its profits to buy its stock to raise the price. To buy the shares. Only eight percent of corporate cash flow, profits, have been used to increase capital investment. This is the lowest that it's been at any time under industrial capitalism. Marx thought industrial capitalism would be self-expanding and spread over the world. But financially, it's been shrunk.

”

The state never, never was in the position of running the economy.

Throughout capitalism the state was always functioning in order to serve the interests of the capitalist class as constituted at that time. And Obama and all the governments, not only this country but other countries, even the social-democratic countries, because what they did often was saving the ass of the state which was in deep trouble because of the problems of that particular society.

”

BO: I think we have to look more closely at what Marx meant by capital. And by capital he allowed for there being different sides to it. For example, at the beginning, in the early period landowners were included in his treatment of capital and, therefore, capitalists, although capital is the main focus. It's a place in the system, and a function connected to that place in the system, and the particular element in capital which is dominant in any one period is less important than the fact that it's still capital trying to maximize its profits from whatever shared building they happen to be operating from. And the state, which Michael pointed out, spoke about it a couple of times, never, never was in the position of running the economy. Throughout capitalism the state was always functioning in order to serve the interests of the capitalist class as constituted at that time. And Obama and all the governments, not only this country but other countries, even the social-democratic countries, because what they did often was saving the ass of the state which was in deep trouble because of the problems of that particular society and managed to save enough of the power and profits for them so they could make a kind of comeback which capital has made. So, I think we want to play down the role of the state throughout the capitalist system as serving along with religion, along with culture. There's a whole number of areas in the larger society which serve the interests of capital, and capital itself has been going through certain changes of the kind that I suggested which is that the main features in that whirlpool, in which we're playing a bigger role in this current period, take place over time without making the earlier system disappear. For example, we are still living in a period of class history. There's just one kind of class which is dominant now, and the forms of that class have changed over time. And I think this is important again, because of the kind of politics which it seems to call for. That if we focus as well, but also as narrowly as Michael does, we have the danger of acquiring social-democratic reforms which will do away with...

MH: You're right, that's what Marx said. That was his critique of Jaures and Jaures followers and Proudhon saying, they think that if you cure the landlord class you cure monopolies you'll cure industrial capitalism. And it wouldn't cure it. Curing the financial problem will not

cure the problems that Bertell is talking about but it will make it possible finally to begin dealing with the problems Bertell is talking about, begin dealing with the problems of industrial capitalism.

BO: But it also sets a boundary to how far that can go.

NO SOCIAL- DEMOCRATIC ALTERNATIVE

VB: *There is one more question maybe because we have now a lot of debates about re-industrialization and the state as an institution which can restrict the role and the power of financial capital. And this is the case for Russia because we have this very important problem of the deindustrialization of the country. I think this is the case for the United States, a little less for Europe. And if we want to move back to material production and at the same time forward for material production based on creative labor or universal labor, if I can use the categories of Karl Marx, where science is the main productive force and where man is standing beyond material production. But for that we must have the development of material production.*

So, will you agree or not that it's possible to make some reforms inside capitalism which will restrict, at least partially, the power of financial capital, which will increase the motivation for the development of high tech technologies and so on. For example, a relatively strong regulation of the financial system in China, even nationalization of, the state status of the biggest banks. Very cheap credit for high tech industrial enterprises. A very high level for financial operations, like the Tobin tax or something like that. And more or less, open behavior of capital, open for the control.

A social-democratic program. Is it realistic or not? Is it necessary to move in this direction? How far can we move? Or is it an absolutely stupid idea? And can we also take into account the experience of, let's say, the 1950s, 1960s when Europe, let's use this example, had a very big and rapid development of industry,

The social-democratic position is: do we say “yes, please” or “yes, thank you” to capitalism. Their failure is the utter inability to understand money and the utter corruption of the social-democratic politicians in every country. The job of social-democrats is to prevent a socialist alternative and to try to position themselves as the realistic people in the middle while backing entirely the right-wing.

high tech, education, health care, constructions for the people, apartments for the people, infrastructure and so on. So, it was a period of such regulations. Can we use this experience? Can you advise to use this experience for Russia for example?

MH: The social-democratic position is: do we say “yes, please” or “yes, thank you” to capitalism. Their failure is the utter inability to understand money and the utter corruption of the social-democratic politicians in every country. The job of social-democrats is to prevent a socialist alternative and to try to position themselves as the realistic people in the middle while backing entirely the right-wing. In the United States, for instance, the Democratic Party is called the Social-Democratic Party. Its job is to keep moving so far to the right that the Republicans can be even more to the right of the Democrats and they can move further and further so that [it] leaves no room for a really socialist alternative. And as Trotsky said in his critique of fascism, fascism arises when the Socialists do not provide an alternative to the crisis that there is and the Social-Democrats’ position is to continue the crisis, to aggravate the crisis and to make sure that it resolves itself in a position of their own personal power in keeping with the largest capitalists and finance capitalists.

BO: Having said that, which is I think mostly my view too, I would [point out] there is a lot also from country to country what situation they find themselves in. For example, China which was able to use its planning, its social democratic kinds of practices in the last twenty...

VB: *Social, non-democratic...*

BO: Sorry, it’s not democratic social-democratic. But they were able to produce things of quality, cheap enough to really make a run for it in the international trade. But that was because of how the working class could all read and write and they would quickly develop skills of the kind that existed elsewhere in the world in all sorts of areas of production. And China could sell these things more cheaply than people in most [of the] more developed countries could make them, in those countries. I’m not sure that that kind of opportunity exists for the Soviet Union. Especially with the rapid advances in automation so that insofar as it might

happen in one or in a few places they would make no real dent in the problems of most of the great majority of the workers in the country — for jobs, for decent jobs, for well-paying jobs, and for job security. So, I think that taking the relative success of China as a model for anyone is a non-starter.

VB: *But going back, Michael, you said that Thatcherism and Reaganomics changed a lot the system of capitalist relations and it was [a] turning point in 1980. So, if it was [a] turning point from bad to the worse, is it possible to go back? If Thatcherism and Reaganomics are much worse than it was before, and we go back to the situation which was better?*

MH: The strategy of finance capitalism and as any dictatorship is to make its change irreversible. There is only one way to go back to the pre-1980 situation. And that’s to cancel the debts, because if you cancel the debts you cancel the savings, the immense concentration of savings that have been built up. If you look at the chart of wealth distribution after World War I, the wealth distribution became more and more equal. Until 1980. And ever since it was an abrupt turnabout. And now it’s more and more unequal. There is such a concentration of savings by the one percent which finds its counterparts in the debts of the 99 percent, that as long as you leave the existing debt overhead in place, the personal debt, the corporate debt, the government debt that is destroying Argentina, Venezuela, Greece and other countries. As long as this debt is in place, that’s like leaving the private ownership of the land and aristocracy in Europe in place.

That is the burden that has to be coped with, it’s necessary to wipe it out just like Russia wiped it out after its revolution. And until 1991 at least, no matter what the overhead was in the Russian economy, it didn’t have a landlord overhead, it didn’t have a financial, a debt overhead, and it didn’t have a monopoly price overhead. These are the things that have to be changed. The social-democrats are never going to deal with the kind of structural change that Bertell and I are talking about because it’s a question of structure. And how do you structure an economic system to prevent the internal contradictions from tearing it apart in a way that the social democrats, essentially working for the banks, the George Soros people of the world, would like to structure.

A THIRD ALTERNATIVE

VB: *I will maybe put a more precise question because we plan to publish this material in Russia. For example, we have debates about industrial policy. And we have two types of business and two types of representatives of business in political structures. One wing which we have now, more liberal and, let's say, more monetarist. The idea that everywhere we have to have equal taxes, that credit must be regulated by so-called market laws, free market laws, and the state must not interfere in this process. State investments must be minimized and education and health care and culture must be commercialized. And it will be very profitable, and capital will develop everything including productive forces. One variant.*

The second variant, of course, not [a] communist revolution but if we have a state which will create a strong industrial policy where material production with high tech technologies, the education, science, research and development spheres, medicine, business in these spheres will have small taxes, the state will give cheap credits for the private and state enterprises which are creating new equipment, for example, new equipment for machinery we don't have, we lost this, we will create airplanes because we are using Boeings and Airbus, and so on. Here, in these spheres [we will get] very cheap credit, state investments together with private investments, low taxes, and the institutional support. Plus some limits for transactions and high taxes for transactions. The two factions. The two directions. What will be your advice? To say both are wrong?

BO: One is more wrong than the other, surely. But they are both wrong. What about the third group?

VB: *The third group is absent.*

BO: Your group?

VB: *No. Again, I'm asking about... Bertell, it's very important. We want to publish your interview in a mainstream journal. Not in alternatives. That's why you can say: I abstain, I don't have any suggestions.*

BO: I have suggestions. I hate the first alternative. And I don't like the second one. So, there's a difference. But I can see where the second one would appeal to many social democrats and it represents... their hearts are in the right place, some of them are as cynical as Michael suggests but a lot of them are very naive...

MH: The heart doesn't count, you need a brain.

VB: *No, it's not naïve because what I said was realized after World War II in many countries.*

BO: But the conditions were so different. How can you use that as an example for anything today? Come on, everything was destroyed there, things were in turmoil, people didn't know which direction to go politically and all sorts of possibilities existed for a few years and some people used the possibility to achieve, with the help of the Cold War as far as Europe is concerned, they really benefitted enormously from the Cold war because they got all this American help if they

I THINK THAT TAKING THE RELATIVE SUCCESS OF CHINA AS A MODEL FOR ANYONE IS A NON-STARTER.

Not am I sure that this kind of opportunity exists for Russia. Especially with the rapid advances in automation so that insofar as it might happen in one or in a few places they would make no real dent in the problems of most of the great majority of the workers in the country — for jobs, for decent jobs, for well-paying jobs, and for job security.

”

The strategy of finance capitalism and as any dictatorship is to make its change irreversible. There is only one way to go back to the pre-1980 situation. And that's to cancel the debts, because if you cancel the debts you cancel the savings, the immense concentration of savings that have been built up. If you look at the chart of wealth distribution after World War I, the wealth distribution became more and more equal. Until 1980. And ever since it was an abrupt turnabout. There is a concentration of savings by the one percent which finds its counterparts in the debts of the 99 percent.

would be sufficiently anti-Soviet Union. So that these situations don't exist now ...

Look, you've got to see a bigger picture, you are looking at some piece of history in some countries like

”

”

If you privatize a transportation or school system not only will you have a direct material cost of production, labor and physical capital, you'll add profits, you'll add interest rates, you'll add capital gains, you'll add managerial fees and increasingly the fact that what will be privatized had been for centuries in the public domain because they are natural monopolies. So, on top of the interest, the dividends, the stock buyback programs, the management payments, and the looting you'll have the monopoly pricing.

”

these and you are not seeing the context which allowed whatever happened there to happen. Because I don't think right now, given what I see happening and a bigger picture, I don't see either of those solutions being really very good. And therefore, but maybe we need an atomic war for us before we even begin to look for, to pursue more general solutions which would include obviously many different countries, the whole business of countries has to be put aside at a certain point.

VB: *OK, and what is your opinion, Michael?*

MH: It amazes me that Russians can be gullible enough to believe the arguments that privatization will lower the cost of living and doing business. If you privatize a transportation or school system not only will you have a direct material cost of production, labor and physical capital, you'll add profits, you'll add interest rates, you'll add capital gains, you'll add managerial fees and increasingly the fact that what will be privatized had been for centuries in the public domain because they are natural monopolies. So, on top of the interest, the dividends, the stock buyback programs, the management payments, and the looting you'll have the monopoly pricing.

All you have to do is look at what happened to the railroads under Margaret Thatcher. What happened to privatizing public housing under Margaret Thatcher. Housing prices going up 10 times, London is now depopulated, at least of Englishmen, and is mainly foreign-owned. It amazes me that the Russians... [It is] as if they had no background in Marx. And as if they don't read the Western press to see what happened in England, in the United States, to see that privatization basically is financialization.

Margaret Thatcher sold the phone company, British Telephone, and other companies. She sold them for a fraction of their actual potential value because, she said, the government can't do what private management can do. What can private management do? It can break the labor unions. It can make them so frightened that they would not go on strike. It will push the cost of living so high that they will be so much in debt they are afraid not only to go on strike but afraid to protest living conditions. The finance people will take a cut of absolutely everything, that is every sale that's done they

will use the income they get not to modernize the means of production but to cut back services. Stage Coach that became the largest British bus company, cut back services that don't pay, lowered the standard of living for the labor force. Privatization is putting the class war back in business.

WHY VOTE FOR TRUMP

BO: Can I ask Michael a question? That was a brilliant summary. Let's see you do something of the same toward the social democratic alternative that you offered.

MH: I think that is a social democratic alternative.

BO: Well, OK, but there is another one where he said the state... There is the other alternative as I understood you, was to have the state actually be the planner. And that the state was going to use public ownership in certain areas but it was going to be done in a much more planned way but limited...

VB: *The idea is if you have result which is fantastic now but maybe tomorrow [it] will not be fantastic. Sanders as the President of the United States. This leader of the Labor Party in Britain, Corbin as the Prime Minister of Britain. What will they do? Not too much. But they will change the system a little bit and instead of Thatcherism there will be a Corbinism, instead of the United States' not even social-democratic but liberal economic policy it can be a little bit social democratic policy, a Roosevelt-style policy. Or is this absolutely impossible from your point of view? Even if there's a relatively big mass support from the people.*

BO: It depends on Corbin staying Corbin. You mentioned two people. You mentioned Bernie Sanders and you mentioned Corbin. They are very different. Bernie Sanders is [tied in a role of] a social democrat. I don't think Corbin is, I think Corbin is potentially quite a radical figure. But he's a radical figure who is now trying to keep the sections of his party together because the party has broken into various factions. One of the

interesting things about the Labor Party, which I try to keep close to, is that communists are moving into the Labor Party. There's been a movement, and various communist traditions have now joined the Labor Party and there's a real attack on them on the basis of their anti-Semitism, you must have seen some of this. And that is really a way of getting at them because they are afraid they are much too radical and what would they do if they come into power. And Corbin is playing a difficult game here. I don't know how he's going to come down and clearly that will be decisive because I think he has an excellent chance of becoming Prime Minister.

But in the case of Bernie Sanders, he would just make some significant changes in terms of improving people's lives and would not sell the country's store. But I don't think he would go far enough or fast enough. So therefore some of the problems of unemployment, some of the problems of not being able to sell our goods in other countries, enough of them to keep our industries as important, as dominant in the world as they had been. So, I think that by not going far enough and fast enough there's the danger of this fascist reaction which we have in America becoming even bigger because so many workers, working class people, have shown themselves to be amenable to demagogues who promise them, without using the word "communism", they promise them a kind of communist future where everyone has a good job, everyone makes a good salary, and blaming of course why we don't have that on the wrong people, on the immigrants, on the people of color. But the point is that insofar as there is not really significant and solid changes in the Bernie Sanders administration I think he might face even a bigger fascist reaction than we have with Trump and his silliness.

Trump, after all, is too silly to become a Hitler but there's people in the wings, including probably in his cabinet, who are not to have the same rules and they are not so foolish and maybe would be more inclined... like the guy who eventually had to go out, I forget his name, the one who was... one of his main advisors, the link to the fascists in the party. There's a lot of people in and around Trump who are like that and I think they could in fact make a big comeback if a Bernie Sanders came in and still had one arm tied behind his back by half of the Democratic Party and the other arm maybe even more

interested in moving quicker on some of these problems we had but not being able to get the Congress to go along with the more radical of his proposals of which I don't expect many. That could create an even bigger problem. So, in the present situation social democracy might lead us into some kind of fascist future.

VB: *Thank you, it's [a] good idea, and finally you explained why we have to vote for Trump in the next elections.*

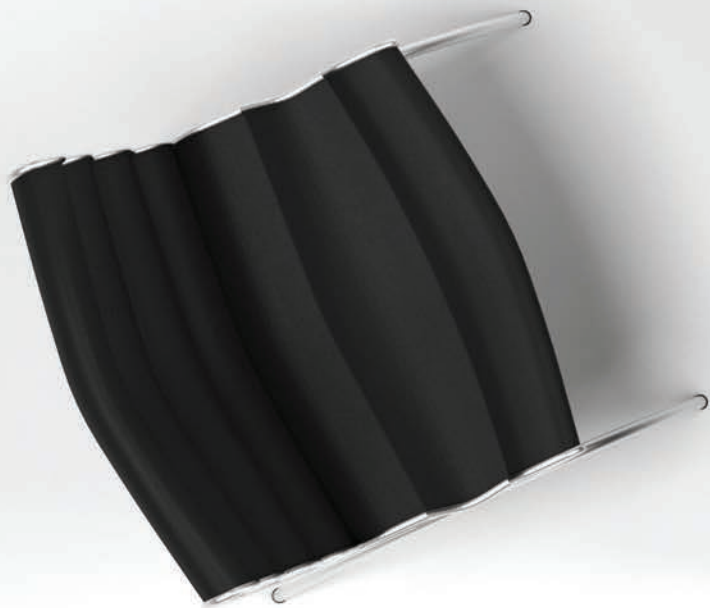
”

There's the danger of this fascist reaction which we have in America becoming even bigger because so many workers, working class people, have shown themselves to be amenable to demagogues who promise them, without using the word "communism", they promise them a kind of communist future where everyone has a good job, everyone makes a good salary, and blaming of course why we don't have that on the wrong people, on the immigrants, on the people of color.

”

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

Известная российская проблема — отставание в росте производительности труда. Что, мы действительно неэффективно работаем? С чем это связано? И как зависит экономический рост и качество жизни от роста производительности нашего труда? Есть разные мнения.

Дмитрий Владимирович Пицальников,
председатель комитета по эффективному производству, повышению производительности труда Общероссийской общественной организации «Опора России», председатель совета директоров Краснокаменского завода металлических сеток

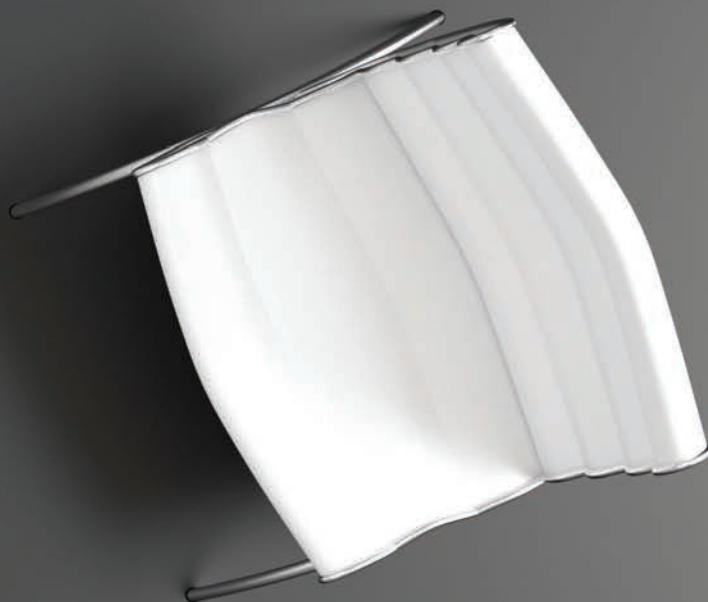
Сергей Бодрунов,

главный редактор журнала «Вольная экономика»,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте, д. э. н., профессор

**Георгий Владимирович
Остапкович,**

директор Центра конъюнктурных
исследований Национального исследова-
тельского университета «Высшая
школа экономики»

Counterview (англ., каунтервью) — противоположная точка зрения.

КАК ОЦЕНИТЬ РЕАЛЬНУЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ- НОСТЬ?

Бодрунов: Начну с двух простых тезисов. Первый тезис: мы реально здорово отстаем от многих стран, которые выходят на передовой уровень в технологическом развитии, в экономике. Второй: есть мнение, что многие проблемы экономического роста России можно решить только за счет того, что мы сумеем существенно и быстро поднять производительность труда.

Пищальников: Но что такое производительность труда на практике? Это не количество деталей в единицу времени, это слишком упрощенно. Это

**ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ
ФАКТОРОВ, ИЗ-ЗА
КОТОРЫХ
МЫ ОТСТАЕМ, —
ВЫСОКИЙ ИЗНОС
ОСНОВНЫХ ФОНДОВ**

производство и последующая продажа конкурентоспособной продукции. Я думаю, что это самый правильный подход оценки, и он объясняет это комплексное, большое явление. Мы либо производим конкурентоспособную продукцию, либо нет.

А какие товары мы сегодня с вами покупаем? По некоторым данным, до 90% продукции в некоторых отраслях, особенно технологичных, мы просто завозим из-за границы... И вот, не дай бог, полные санкции случатся, так даже памперсы производить мы не сможем сегодня — это просто смешно. Этот вопрос решается на уровне микроэкономики страны.

Сегодня производственные предприятия по сути являются центрами подготовки людей, ведь качество сотрудников, которые приходят на предприятие, очень низкое, как мы можем видеть. Приходит человек молодой, с амбициями, окончил вуз. Он знает таблицу умножения и имеет какое-то отдаленное представление о реальной жизни, и мы вынуждены его переучивать и социализировать, заново должны обучать. Это касается не только специалистов, которые окончили высшие школы, это касается и профтехучилища, и ребят после школы. Более-менее готовы работать ребята после армии, там все-таки серьезная школа, которая дает представление о труде.

Остапкович: Конечно, производительность труда — это один из главнейших факторов роста экономики, роста производства и вообще создания благоприятной ситуации экономической в стране. Если оценивать полностью, есть даже такая терминология — совокупность факторной производительности. Это не просто количество изделий. Адам Смит приводил известный пример в своем бестселлере «Богатство народов» по поводу производства булавок: один человек может за день сделать 20 булавок, но 20 человек, если разбить на 18 функций эту булавку, сделают 48 тысяч этих булавок, то есть в 240 раз больше, чем один человек. Организация труда — та же самая производительность, и я считаю одним из основных факторов, из-за которых мы отстаем в производительности труда, очень высокий износ основных фондов. У нас износ основных фондов в целом по экономике где-то порядка 48,5%. А в самой инновационной, в самой производительной отрасли, где работают наиболее квалифицированные кадры в промышленности, — износ больше 50%. Добыча — лидер по износу основных фондов в стране (57%). Две отрасли, которые занимают первые два места, — это добывающая промышленность и здравоохранение. Вы можете представить, что у нас со здравоохранением, если там

такой износ фондов? А это отрасль, связанная с людьми. Обрабатывающая промышленность — 50% износ фондов. Более того, в обработке где-то 25–30% оборудования работает с истекшим по нормативам сроком эксплуатации. На таком оборудовании поднимать производительность труда крайне затруднительно. Низкая производительность — это не из-за того, что у нас люди мало работают...

Бодрунов: Я так понимаю, что речь также не может идти о том, чтобы вместо старого станка поставить новый, такой же точно? Наверное, новый станок должен соответствовать новым требованиям.

Остапкович: Конечно. В совокупную как раз факторную производительность входят именно технологии, именно инновации.

Бодрунов: Когда мы говорим об инновационном прорыве, мы, конечно, подразумеваем в том числе и вот такой способ — убирать амортизированное, ставить новое оборудование.

Остапкович: Совершенно верно, нужно менять парк оборудования, особенно на высокотехнологичных отраслях.

Бодрунов: Иначе мы будем производить то же самое количество булавок, которое производили.

Остапкович: Ну конечно.

О КУЛЬТУРЕ ПРОИЗВОДСТВА

Пищальников: Я не могу с вами согласиться до конца. Я согласен, что новое оборудование нужно. Но, как первый шаг, и об этом говорит моя практика, самый главный фактор — это низкая производительная культура.

Бодрунов: То есть Вы полагаете, что основная беда больше все-таки в культуре производства?

Пищальников: Об износе основных фондов я знаю не понаслышке: знаю, что такое пожар на предприятии, знаю, что такое сломанный станок, который разлетается в разные стороны по заводу. Но тогда возникает вопрос: а как же так получается, что на новом оборудовании, которое мы привозим, мы выдаем показатели производительности в два

раза ниже, чем японцы, или американцы, или те же немцы? То есть оборудование само по себе, оно нужно, безусловно. Но на первом этапе необходимо заняться научной организацией труда.

Бодрунов: Когда мы говорим о современном производственном процессе, то организация производства выступает одним из четырех базовых факторов.

Пищальников: Конечно, научная организация труда, конечно, кадры... Сейчас поступают на производство выпускники или со специальным, или с высшим образованием, которые обладают определенным уровнем знаний, но не обладают компетенциями, не обладают навыками. Он великолепно знает, я условно говорю, арифметику, но для производства он должен знать, как внедрять свои знания. Вот в чем главная задача сейчас.

Бодрунов: Я думаю, что и управление производством, и управление персоналом, и другие задачи, связанные с организацией самого производственного процесса, — это все входит в большой комплекс организации производства. И если заниматься повышением эффективности в этой части, рост может быть очень большой.

ПРИЧИНА — В АЛГОРИТМЕ

Пищальников: В России мы традиционно отстаем. Вопрос производительности труда поднимался Петром Первым, Столыпиным, на всех съездах ЦК КПСС заявлялось, что надо догнать и перегнать по производительности труда. Эта проблема была всегда, и показатели были примерно одинаковые: в два, три, четыре раза догнать по производительности труда. Когда мы говорим так, мы понимаем, что проблема есть, но непонятно, как ее решить. Есть в этом клубке задач самая главная проблема, с которой нужно начинать. Мы вынуждены были заняться разработкой программы по производительности труда.

Бодрунов: Вы, Дмитрий Владимирович, — один из разработчиков программы «Опоры России» по повышению производительности труда и росту экономики...

Пищальников: Она разработана совместно с общественным объединением по повышению производительности труда, прошла оценку в РАН. Было исследовано более 600 предприятий в современной России, которые повышали производительность труда в течение 15 лет в 2, 3, 4 раза. Оказалось, что главное звено кроется в нашей низкой производительной культуре. Что такое культура? Это всего лишь алгоритм принятия решений человеком. Как он приходит на работу, во сколько, как он относится к начальнику, как он относится к своим подчиненным, к своей работе.

Бодрунов: К перекурам.

Пищальников: К перекурам, к станку. И за счет регламентации работы, исходя из практики, на старом оборудовании можно повысить производительность труда от 30 до 200% за счет своевременной наладки, за счет своевременной подачи материалов, за счет своевременного обслуживания трансформаторов.

Причины, почему старое оборудование не работает, могут быть разными, в том числе люди, которые бьют себя в грудь и говорят, что 30 лет на заводе работают, а сами ничего не знают толком, кроме двух операций. Когда мы открываем инструкцию станка, то выясняем, что он не знает, как переналадку правильно делать. Доказательством этому служит тот факт, что на многих предприятиях Европы станки стоят 1956 года, 1972 года. Даже «Тойота» говорит, что, если есть станок, который не нужно модернизировать и заменять, какой смысл это делать?

Бодрунов: У меня был опыт работы директором одного из холдингов, и до этого директором завода, и в нижестоящих звеньях управленческой пирамиды я тоже поучаствовал в более молодом возрасте. Могу согласиться, что очень часто причиной была вот эта так называемая бесхозяйственность, безалаберность в организации работы, необязательность в выполнении. Как только начинали наводить элементарный порядок, производительность труда росла, и причем росла иногда действительно на десятки процентов, а может, и в разы. Другое дело, что одними такими мерами нельзя добиться всего. Все равно надо рано или поздно заниматься, конечно, выборочно, селективно, если вы разумный предприниматель, руководитель по производству, заменой оборудования.

Пищальников: Совершенно верно, самое слабое звено.

Бодрунов: Но это тоже входит в организационную часть, потому что вы должны сначала посмотреть, оценить состояние, разобраться. При этом понятно, что надо ориентироваться не на общие показатели и все подряд менять — так не должно быть.

Пищальников: Есть несколько тезисов, которые я бы хотел сегодня подчеркнуть: только эффективное предприятие может быть честным, только эффективным предприятиям нужно помогать и поддерживать, и только эффективные предприятия способны к инновациям.

НЕ МЕНЯТЬ ПРАВИЛА ИГРЫ

Остапкович: С этим я полностью не согласен, конечно...

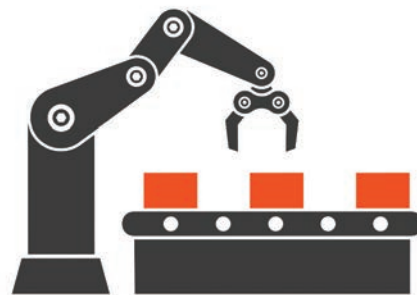
Бодрунов: А ваше мнение?

Остапкович: Ни в коем случае не надо помогать эффективным предприятиям. Эффективные предприятия — они и так эффективны. Вы тогда снижаете конкуренцию. Помогать надо среднему ряду и даже нижнему ряду, чтобы выводить их на уровень эффективности. Эффективным можно дать заказы и т. п. Но не дай бог напрямую деньгами помогать точке роста. Мы это уже проходили. Эффективные предприятия все равно не спасут всю экономику. Экономика должна диверсифицироваться и расширяться.

КАК ТОЛЬКО МЫ НАЧИНАЛИ НАВОДИТЬ ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ ПОРЯДОК, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ПОДНИМАЛАСЬ ИНОГДА В РАЗЫ

**ЯНОВ МИРКИН,
ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
РЫНКОВ КАПИТАЛА
ИМЭМО РАН, Д. Э. Н.,
ПРОФЕССОР**

У нас очень неблагоприятные условия в кредите, в проценте, валютном курсе. Это во многом — экономика наказания, где правила растут по экспоненте. Производительность труда — это тогда, когда вместо асфальтового полотна, из-под которого выбиваются немногие, наоборот, животворная почва, когда все, кто готов работать, инициируют новые идеи, новые проекты и автоматически получают поддержку, и не только тогда, когда они находятся в крупных, очень крупных образованиях, очень крупных компаниях. Вот в этом супе из среднего и малого бизнеса, из стартапов, животворном бульоне растет производительность, тогда мы незамедлительно, очень быстро начнем решать эту задачу.

АСФАЛЬТ ДЛЯ БИЗНЕСА

Остапкович: Я полностью согласен с мнением господина Миркина (см. на 65 стр.). И мы пока не затронули административные барьеры. Это же какой-то караул!

Бодрунов: Да, это общая болевая точка — то, о чем сказал Яков Моисеевич, тот самый асфальт, который закатывает бизнес.

Остапкович: Дело даже не в асфальте. За последние 4–5 лет мы с сотого места в рейтинге Doing Business перешли на 35-е. Прекрасно. Но есть, например, такая позиция, как получение разрешения на строительство.

Бодрунов: Я об этом, собственно, и говорю.

Остапкович: Мы — на 115-м месте, ниже нас — Белиз, мы — чуть-чуть выше Гватемалы. 240 дней нужно, чтобы получить разрешение в среднем. Ну почему Южная Корея 37 дней тратит, Грузия — 60 дней?

Бодрунов: Почему?

Остапкович: Это и вопрос к административным барьерам. Значит, есть люди, которые заинтересованы в подобном. Вы представляете, что такое 240 дней? Это сметная стоимость строительства меняется, это ценовые расклады меняются.

Бодрунов: Естественно, рынок меняется.

Остапкович: Рынок меняется, заказчики, подрядчики могут смениться, банки лопнуть, как они у нас сейчас.

Пищальников: Ну, мы так с вами никогда приоритета не выберем. Что бы я хотел сказать про нашу административную систему: ни «Тойоте», ни «Мерседесу», ни «Киа» это не мешает работать здесь эффективно.

Бодрунов: Кстати, в той самой «Тойоте» говорят, что надо сначала научиться делать не машины, а людей, а потом машины.

Пищальников: Это верно, но мы говорим про административный фактор. То есть они заходят, спокойно работают и говорят: «Ну да, у вас есть такая специфика, ну да, 240 дней на строительство, ну, мы сидим, спокойно ждем, закладываем в бюджет два года. А потом, когда получаем разрешение, все остальные затраты формируем». Это очень важно для наших предпринимателей. Те, кто вырос за 100 лет, — международные монстры, вообще никаких проблем не испытывают. Я считаю, это не самое главное — административные барьеры можно отрегулировать. Но, если вы начнете сейчас реформировать те более 2 миллионов регулирующих воздействий, которые существуют, то, во-первых, мы столкнемся с сопротивлением, во-вторых, это выльется во временные, денежные затраты. Это, конечно, нужно делать, но у нас другая проблема — денег в бюджете не хватает, нам нужно наполнять бюджет, поэтому в первую очередь необходимо создавать добавленную стоимость, увеличивать поступления в бюджет, увеличивать зарплату. Что такое рост производительности труда? Это в первую очередь рост добавленной стоимости, поступление денег, рост заработной платы.

Остапкович: Я общаюсь часто с предпринимателями, причем разного уровня — малых предприятий, средних предприятий, крупных. Спрашиваю: «Ребята, какой вот вам нужен самый главный маневр, чтобы у вас производительность труда выросла, что вас лимитирует?» Думаю, сейчас скажут: высокое налогообложение, недостаточный спрос, нехватка оборудования. Но из десяти восемь человек говорят: «Установите жесткие и продолжительные правила игры».

ОТ СПРОСА К ПРЕДЛОЖЕНИЮ

Остапкович: Перед нами сейчас — очень опасный перекресток. Весь мир и мы вместе с ним вступаем в четвертую промышленную революцию, входим в цифровую эпоху. Но вот проблема в чем: будут меняться не только профессии, но и виды деятельности.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

**«ЗАРЯЖЕННЫЕ
НА РЕЗУЛЬТАТ.
КУЛЬТУРА ВЫСОКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
НА ПРАКТИКЕ»,
НИЛ ДОШИ, ЛИНДСИ
МАКГРЕГОР. М.: 2017**

Опираясь на исследования в области психологии, авторы показывают, что ключ к успеху в бизнесе — высокоэффективная корпоративная культура. Авторы доказывают, что вдохновляющая культура не возникает из ниоткуда: она опирается на научные методы. Из книги вы узнаете, как выстроить в компании культуру с нуля, как оценить нынешнюю культуру и какие изменения внести, если она испытывает трудности.

Бодрунов: Многие уйдут в прошлое.

Остапкович: Потребуется компетенции. Повысится поляризация между низкоквалифицированным и высококвалифицированным. Усилится неравенство в доходах, хочешь ты этого или не хочешь. Возникнет масса проблем. Плюс мы попадаем сейчас в демографическую яму. Можно как угодно к этому относиться, но вот для той же отрасли инновационной и производительной промышленности будет сокращаться численность высокообразованных людей в возрасте от 28 до 52 лет — это самый инновационный, производительный возраст. К чему я подвожу: нужно менять в принципе модель экономики, уходить от экономики спроса на углеводород и переходить на предложение продукции с высокой добавленной стоимостью, высокой степенью передела...

Бодрунов: Хотите верить, хотите нет, как в известной кинокомедии, но ровно 10 лет назад я публиковал статью, которая называлась «От экономики спроса к экономике предложения». Прошло 10 лет, и мы говорим о том же самом. Модель надо действительно менять. Я думаю, что, когда мы говорим о специальных мерах поддержки государства для развития производительности труда, все позиции, которые мы сегодня называли, — от организации производства до мотивации персонала — должны найти отражение в комплексных документах...

АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ

Экономисты обсуждают «Стратегию пространственного развития», которую готовит Правительство

Стратегия пространственного развития — документ, который совсем недавно появился в правовом поле Российской Федерации, с лета 2014 года выработываются основные подходы к созданию такого масштабного аналитического труда. В ходе работы возникает немало противоречий. Документ сложен хотя бы тем, что должен объединить в себе две отраслевые специфики (то есть, грубо говоря, два ведомства): с одной стороны, стратегическое планирование, с другой — элементы территориального планирования. Таким образом, и градостроители, и экономисты должны подготовить единый документ. Каковы подходы к этому документу, как могла бы выглядеть «Стратегия пространственного развития», какие могут быть проблемы и компромиссы? «Вольная экономика» выслушала доклад профессора Елены Чугуевской, которая сформулировала подходы к созданию «Стратегии», и комментарии видных российских ученых.

Елена Чугуевская,
действительный государственный
советник РФ 2-го класса, профессор

По материалам 15-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России. На дискуссии присутствовали: Алексей Еремеев, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе, Егор Насонов, советник Контрольного управления Администрации Президента Российской Федерации, Олег Фадеев, заместитель полномочного представителя Президента России в Северокавказском федеральном округе.

Коридоры власти

Из указа Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года:

15. Правительству Российской Федерации на основе стратегии пространственного развития Российской Федерации разработать с участием органов государственной власти субъектов Российской Федерации и до 1 октября 2018 г. утвердить комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, предусматривающий обеспечение в 2024 году:

а) развития транспортных коридоров «Запад — Восток» и «Север — Юг» для перевозки грузов, в том числе за счет:

- строительства и модернизации российских участков автомобильных дорог, относящихся к международному транспортному маршруту «Европа — Западный Китай»;
- увеличения мощностей морских портов Российской Федерации, включая порты Дальневосточного, Северо-Западного, Волго-Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов;
- развития Северного морского пути и увеличения грузопотока по нему до 80 млн тонн;
- сокращения времени перевозки контейнеров железнодорожным транспортом, в частности с Дальнего Востока до западной границы Российской Федерации до семи дней, и увеличения объема транзитных перевозок контейнеров железнодорожным транспортом в четыре раза;
- формирования узловых грузовых мультимодальных транспортно-логистических центров;
- увеличения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей в полтора раза, до 180 млн тонн;
- увеличения пропускной способности железнодорожных подходов к морским портам Азово-Черноморского бассейна;

б) повышения уровня экономической связанности территории Российской Федерации посредством расширения и модернизации железнодорожной, авиационной, автодорожной, морской и речной инфраструктуры, в том числе за счет:

- поэтапного развития транспортных коммуникаций между административными центрами субъектов Российской Федерации и другими городами — центрами экономического роста, включая ликвидацию инфраструктурных ограничений на имеющих перспективы развития территориях, прилегающих к таким транспортным коммуникациям;
- реконструкции инфраструктуры региональных аэропортов и расширения сети межрегиональных регулярных пассажирских авиационных маршрутов, минуя Москву, до 50% от общего количества внутренних регулярных авиационных маршрутов;
- создания основы для развития скоростного и высокоскоростного железнодорожного сообщения между крупными городами;
- увеличения пропускной способности внутренних водных путей.

Как такое СТРАТЕГИРОВАТЬ?

Наша страна — самая большая в мире, площадь — 17,1 млн квадратных километров. Благо или проклятие, это — наша территория, как правильно стратегировать ее пространственное развитие?

На протяжении всей истории России предпринимались подходы к стратегическому пространственному обустройству страны. В период царской России — это ранжирование городов на губернские и уездные, строительство Транссиба. В период индустриализации — это планирование и т. д. Моя цель в данном случае — не дать большую историческую справку, а просто напомнить, что государство все время занималось пространственной организацией своей территории.

Важно отметить, что территория Российской Федерации достаточно сложная, на 60% — неблагоприятна для проживания. Зона Севера составляет 11 миллионов квадратных километров. Очень много территорий с неблагоприятными для строительства условиями, это и зоны вечной мерзлоты, и гляциологические территории, и оползневые территории, сейсмозоны.

Пара слов о системе расселения в том виде, как она на сегодня существует в Российской Федерации. Она состоит из двух трансконтинентальных расселенческих структур — основная полоса расселения, где проживают три четверти населения, и зона очагового расселения, в основном это зона Севера. Количество населенных пунктов по переписи 2014 года — 1100 городов, 1200 поселений городского типа, 52 000 населенных пунктов. В этом числе — 36 агломераций с городами-миллионниками (точнее, 15 миллионников и 21 город с населением более 500 000). Процессы урбанизации в основном отражаются на системе расселения — сокращается число населенных пунктов, в основном сельских, увеличивается население в миллионниках и малых городах за счет деградации сельской поселенческой системы.

ПО ПЕРЕПИСИ 2014 ГОДА В РОССИИ —

1100 городов,
1200 поселений городского типа,
52 000 других населенных пунктов.

генеральная схема

Предыдущий документ, который относился к пространственной стратегии Российской Федерации, назывался генеральной схемой расселения. Она была разработана в 1994 году, и с того времени подобными документами мы не занимались. Генеральная схема расселения рассматривала территорию страны как систему расселенческих систем. 11 крупных региональных систем, 77 систем областного типа и около 2000 местных систем в границах сельских районов. Опорными межрайонными центрами по этому документу должны были стать города с населением 100 000 — они создали бы тот самый опорный каркас России. Я приведу несколько тезисов, чтобы пояснить, какова была суть документа и как он на самом деле применялся.

Была подчеркнута необходимость дальнейшего развития Тихоокеанского региона и совершенствования расселения в районах Крайнего Севера. (Это и на сегодня открытый вопрос: нужно переосмыслить систему расселения Севера, которая была запланирована.) Речь шла и об интеграции и урбанизировании сельских местностей, были отмечены позиции Московского региона и изменение традиционных рекреационных потоков.

Напомню, этот документ разрабатывался, когда уже распался Советский Союз, и осмысливалась территория в новых границах России. Речь шла и о «совершенствовании и развитии сложившейся системы расселения как основы территориальной целостности, адаптации системы расселения к структурным преобразованиям», о «модернизации и развитии целостного транспортно-коммуникационного комплекса». Приоритет отдавался развитию инфраструктурных комплексов и связей: Москва, Санкт-Петербург, Балтийские порты, Тверь, Астрахань, Благовещенск, Каспий, Владивосток, Находка. Была предложена ориентация на бассейновый принцип территориальной организации страны.

Генеральная схема расселения коррелировала с комплексной схемой территориального, экономического и социального развития Российской Федерации, которая фиксировала размещение производительных сил. В документе были отмечены территориально-отраслевые сдвиги в развитии производительных сил: в Европейской части страны необходимо было сокращение производства ресурсоемкой и энергоемкой продукции, в восточной части страны — приоритет производству и комплексной переработке сырья. Быстрейшая реконструкция экономики старопромышленных районов была определена как приоритет так же, как и расширение наукоемкой продукции оборонных предприятий Урала и сохранение высокого уровня добычи топливно-энергетических ресурсов. Подчеркивалась важность формирования региональных структур, хозяйственных комплексов, выделения региональных точек роста, имеющих наиболее благоприятные условия для прогрессивных отраслей. Многие эти позиции были поддержаны в последующем.

ПО РЫНОЧНОМУ ПРИНЦИПУ

Итак, документ работал с 1994 года, но вместе с тем основной рыночной модели организации пространства в постсоветский период было то, что 20 лет мы не смотрели на страну как на единый пространственный организм. По сути дела, государство отошло от регулирования пространственной организации экономики, произошел переход от комплексного планирования развития территории к физическому планированию инфраструктурных объектов — мы перешли к инфраструктурному планированию, а в утверждаемых документах была упущена важная аналитическая часть.

Во многом вся территориальная политика сводилась к следующим характерным чертам: 1) поддержке деятельности естественных монополий и вертикально интегрированных компаний, 2) росту территорий крупных городов и сокращению количества малых (по сути дела, неуправляемое сжатие происходило и происходит), 3) поддержке имиджевых мегапроектов, 4) усилению межрегиональных диспропорций, 5) отстающему развитию транспортной инфраструктуры, 6) конкуренции субъектов за федеральную поддержку приоритетных проектов, 7) ослаблению межрегиональной кооперации.

Постсоветская территориальная политика сводилась к следующим характерным чертам: 1) поддержке деятельности естественных монополий и вертикально интегрированных компаний, 2) росту территорий крупных городов и сокращению количества малых (по сути дела, неуправляемое сжатие происходило и происходит), 3) поддержке имиджевых мегапроектов, 4) усилению межрегиональных диспропорций, 5) отстающему развитию транспортной инфраструктуры, 6) конкуренции субъектов за федеральную поддержку приоритетных проектов, 7) ослаблению межрегиональной кооперации.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РЕТРАНСЛЯТОР

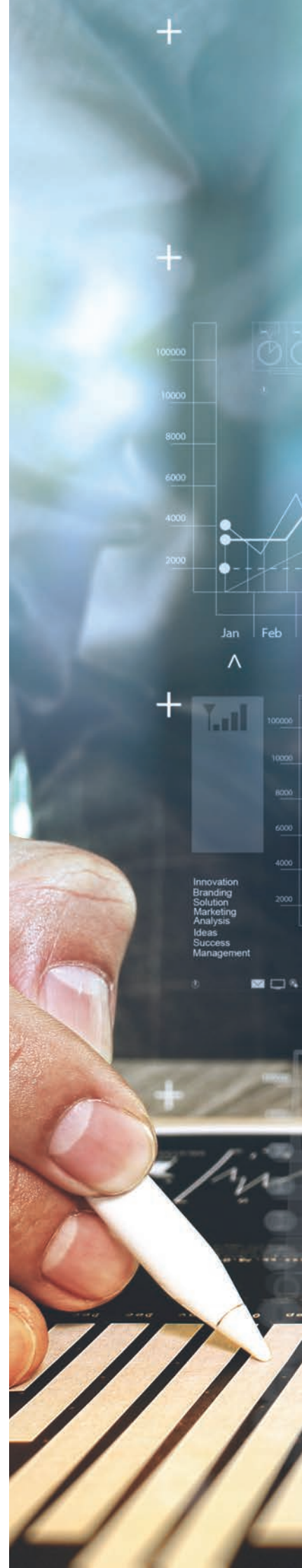
«Стратегия пространственного развития» была задумана как ретранслятор, переводчик приоритетов социально-экономического развития в приоритеты территориального развития. Она должна переводить основы государственной политики регионального развития, стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии национальной безопасности в документы территориального планирования федерального уровня.

Предмет стратегии пространственного развития — комплексный анализ трех крупных структур — системы расселения (с анализом диспропорций и изменений, прошедших в последнее время), размещения производительных сил (определение приоритетных конкурентоспособных видов экономической деятельности для субъектов Российской Федерации), выявления разрывов инфраструктурного каркаса и определения приоритетов, которые должны стать приоритетными и принесут максимальный экономический и социальный эффект.

РИСКИ ПРИ СОЗДАНИИ СТРАТЕГИИ

Пространство как фактор развития — достаточно сложная категория. Я выделила бы три укрупненных составляющих пространства: социальное пространство, экономическое пространство и физическое пространство. Стратегия пространственного развития все-таки ближе к физической части. Между тем при подготовке этого документа возникают следующие риски и вопросы по сути.

Риски подмены стратегии пространственного развития стратегией регионального развития. Разделение этих двух направлений заложено в 172-м Федеральном законе, где пространственная экономика включает региональную экономику и определены базовые цели подготовки стратегии. Тем не

менее при подготовке сейчас проектируемого документа не учтена работа Российской академии наук по проблемам пространственного развития.

Технологические риски: стратегия пространственного развития задумана как цифровая карта, которая должна была быть подготовлена на единой цифровой основе схем территориального планирования Российской Федерации. Анализа и сопоставления трех пространственных блоков сейчас в документе нет.

Методологические риски: не сформирована методика пространственного анализа экономики и моделирования экономических эффектов, нет блока показателей пространственного развития, не учтен опыт документов предыдущих периодов, те, которых я касалась.

Организационный риск: документ разрабатывается очень кулуарно. Несмотря на то что в постановлении Правительства была предусмотрена межведомственная рабочая группа, она перестала собираться. По проектному управлению внутри министерства создана проектная группа, но из-за подобной закрытости возникают домыслы, предположения, сложное отношение к документу. Я считаю, что он должен быть более публичен.

МИГРАЦИЯ И ИННОВАЦИИ

В процессе подготовки к разработке «Стратегии» был выполнен анализ пространственных аспектов развития. На их основании следует отметить следующее: изменение территориальной структуры населения идет под воздействием двух процессов. Первый — это, естественно, прирост иммиграции, — уровень доходов населения стал существенным фактором, определяющим миграционные потоки. Если раньше важнее был климатический вектор, то сейчас основное — возможность зарабатывать. Таким образом, притягательными остаются регионы с высоким экономическим потенциалом и крупными городами. Второй процесс — крайне не нормированное распределение инновационного потенциала Российской Федерации. Регионы с низким инновационным потенциалом — это Северокавказский, Сибирский, Дальневосточный. В пространстве структура занятости не совпадает со структурой распределения населения: тенденция в сторону увеличения западных и южных регионов и сокращения доли восточных, а также к концентрации экономического потенциала в небольшом количестве регионов. По сути дела, 10 регионов у нас занимают в ВВП 55%. С 2011 года одна треть всех инвестиций в основной капитал были вложены в Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Тюменскую области.

В ЧЕМ ПРОБЛЕМА НАШЕЙ ТЕРРИТОРИИ?

Глобальные вызовы территориального развития: 1) завершение цикла развития мировой экономики и переход к новому технологическому укладу, 2) постепенное изменение географической конфигурации мировых центров глобального экономического влияния, 3) достижение критического уровня антропогенного и техногенного воздействия, 4) глобальные изменения территориальной структуры расселения. Внутренние проблемы: 1) существующие демографические ограничения, 2) процессы концентрации населения, экономически активной его части, в крупных городах и агломерациях, 3) межрегиональная дифференциация социально-экономического развития, 4) проблемы инфраструктурной обустроенности, 5) низкий уровень развития ряда геополитически значимых территорий, 6) неразвитость институтов пространственного развития как таковых.

ОСНОВНЫМ ФАКТОРОМ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЯВЛЯЕТСЯ РОСТ ДОЛИ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ ЗА СЧЕТ ВОСТОЧНЫХ

КАК РАЗВИВАТЬ СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ?

Предметом анализа на уровне производительных сил должна стать занятость населения и состояние основных фондов, вывод и выделение территорий инновационного развития, выделение экономических и технологических связей, определение диспропорций, выделение территорий с избыточной и недостаточной занятостью.

На уровне системы расселения — демография, миграционная подвижность, выделение городов, их ранжирование и агломерации. Определение урбанизированных и неурбанизированных территорий, формирование межрегиональных систем расселения, выделение стратегически важных территорий.

На уровне инфраструктурного каркаса: транспорт, энергетика, связь. Определение приоритетов для снятия инфраструктурных ограничений и, обязательно, учет национальных богатств, природных ресурсов, объектов культурного наследия, определение конкурентных преимуществ территорий.

На всех уровнях после выявления диспропорций результаты должны быть проиграны через сценарии развития, а на их основе — предложены варианты пространственной организации страны.

Если говорить о дальнейшей структуре пространственного развития, она масштабируется следующим образом на стратегии разного уровня: Российская Федерация в целом — макрорегионы — субъекты РФ — муниципальные образования. Все эти стратегии также должны содержать пространственную компоненту. Если на уровне Российской Федерации результатом стратегии должны стать приоритеты пространственного развития, приоритеты развития инфраструктурного каркаса и сформи-

рованы макрорегионы, то на уровне макрорегионов основная задача — обеспечение межрегиональной интеграции, на уровне субъектов Российской Федерации — приоритеты инфраструктурного развития и развития субъектов, то же — и на уровне муниципальных образований.

Общий принцип — дифференциация задач по полномочиям на каждом уровне управления, четкие требования к единому формату данных цифровых карт пространственной модели и формирование единого пространственного каркаса страны.

Основные выводы

Подготовка «Стратегии пространственного развития» должна вестись по принципу целостного системно-структурного представления о пространстве страны. В процессе работы необходимо выявление реального пространственного каркаса страны.

Методы подготовки документов стратегического пространства и планирования на сегодня невозможны без использования цифровых технологий.

Для решения этой масштабной задачи необходимо активное включение научного сообщества, необходимо создание национальной онтологической платформы пространственного развития с привлечением ведущих специалистов РАН и других специалистов в этой области.

РЫНОК — БЛИЗОРУК

Руслан Гринберг,
научный руководитель
Института экономики
РАН, член-корреспондент
РАН, профессор, вице-президент ВЭО России

Если у вас на квадратный километр приходится 5 или 6 человек, при этом в стране 11 часовых зон, то по определению эта страна не может развиваться в чисто рыночном режиме, поскольку рынок, несмотря на всю его могущественность, все-таки близорук. Поэтому, когда у нас произошла антисоциалистическая революция, то мы, конечно же, сразу забыли про планирование. Сегодня мы находимся у разбитого корыта, когда приступать к освоению пространства, к связанности, к преодолению фрагментарности рынка труда — очень рискованная задача. Я этот аспект особенно хочу подчеркнуть, потому что у нас есть большой разрыв между обсуждениями и началом процесса. Надо сказать, что Вольное экономическое общество должно утроить свои усилия для того, чтобы начинать реализовывать эту идею. Коротко скажу, что нам нужно сделать.

Во-первых, старая геополитика вернулась в отвратительном виде — угрозы, взаимные санкции. Мы должны это принимать во внимание. Китайская затея Великого шелкового пути — хорошая и сопрягается формально с Евразийским союзом, но пока не видно, что мы там будем равноправным партнером. Поэтому наша задача, в моем представлении, построить Транссиб-2 севернее того пути, который делает Китай.

Второй очень важный момент — это экономический рост. В оживлении экономики и ускорении драйвером может быть только государственная инвестиция. Любим мы государство, не любим мы государство, нет никакой альтернативы государственным инвестициям. Всякие причитания по поводу отсутствия денег — это полная ерунда. У нас есть много разных выкладок: есть деньги.

Третий момент — коллективная промышленная политика Евразийского союза. Мы в Институте занимаемся этим, встречаемся и с казахами, и с белорусами: все соскучились по какому-то мегапроекту. Нас уже не очень боятся в том смысле, что

мы будем диктовать свою логику, эти страны также хотят прекратить примитивизацию структур своей экономики, и это очень важно.

И конечно, обезлюдивание территории — это очень серьезная проблема.

Вместо того чтобы возродить гиперцентрализм, надо начинать реализовывать идею транспортной инфраструктуры. В моем представлении, здесь нужно отходить от всяких идеологий свободного рынка. Необходимо жестко реализовывать тот план, который уже намечен. Этих планов много, но надо их свести, несмотря на проблемы с координацией.

НАМ НУЖЕН ТРАНССИБ-2

Иван Стариков,
ведущий научный
сотрудник Института
экономики РАН, действительный
государственный
советник РФ

Транссиб, который сначала назывался «Великий сибирский рельсовый путь», — это самый успешный инфраструктурный проект в мировой истории из реализованных на суше, даже не в российской — мировой. Если бы Александр III не принял этого решения, то мы, безусловно, потеряли бы наши восточные сибирские территории. Я назову только одну цифру: в среднем после того, как Транссиб был достроен до Восточной Сибири, за Урал в год переселялось в среднем полмиллиона человек — малоземельных крестьян из европейской части нашей страны. Два года почти уже действует так называемый закон о Дальневосточном гектаре. Подали заявки 130 000 человек, но только треть — из Европы, остальные — дальневосточники.

За 30 последних лет, пусть не совсем совершенно, слегка деформированно, но рыночную экономику нам удалось построить. И теперь есть тотальное несоответствие в размещении производительных сил, которое образовалось уже под воздействием других законов — законов рыночной экономики, отсюда все проблемы.

Средняя скорость движения грузов в системе Российских железных дорог — 12 километров в час, ну максимум 20 вы сделаете из-за кривизны пути. Все проектировалось под паровозную тягу. Нужны совершенно другие скорости. Поэтому

сколько бы мы ни откладывали, нам необходима новая магистраль. Логика международной торговли требует выхода к портам в Северной Атлантике, в первую очередь к Роттердаму, поэтому российский путь должен пройти от Владивостока, а точнее, от Посьета до Роттердама. В этом смысле он должен сбалансировать Китайский шелковый путь, который предлагает обойти Восточную Сибирь, Дальний Восток, а нырнуть из Казахстана, где он проходит, в районе Кургана на территорию России, дальше 3050 километров в сторону Бреста, потом на Берлин. Наш маршрут — 9255 километров. Он сшивает 23 субъекта Российской Федерации.

Почему это важно в геополитическом плане? Созданное Транстихоокеанское партнерство, куда вошли уже 13 стран сегодня, от Канады с Австралией до Сингапура, Кореи, Японии и так далее, не включает Китай, и большинство стран, входящих в ТТП, — это исторические противники, оппоненты Китая, поэтому им нужен маршрут, альтернативный и Шелковому пути и Суэцкому каналу. И кроме российского маршрута другой альтернативы здесь нет.

Российская часть пути — 9255 километров — 18 триллионов рублей в ценах 2017 года, то есть около 300 миллиардов долларов. Давайте мы с вами посмотрим на три вероятных источника финансирования. Первое: 23 субъекта Российской Федерации, которые можно заинтересовать в выпуске субфедеральных облигаций. Второй источник: на 1 июня вклады физических лиц в российских банках составляют 27 триллионов рублей, 14 триллионов — юридических лиц. Сегодня Сбербанк дает 5,5%, максимум — 6% годовых. Давайте выпустим облигации с периодом 20 лет с гарантированной доходностью 10%, разрешим включать эти облигации в имущественный комплекс физического лица с тем, чтобы можно было заложить в банк, продать, передать по наследству.

И наконец, последнее — репатриация капитала российского происхождения оттуда, где ему сегодня неудобно. Поскольку срок строительства занимает восемь лет, а окупаемость этой магистрали — 22 года (все расчеты у нас сделаны и готовы), то мы с вами абсолютно однозначно можем сказать, что у нас есть такие деньги, даже без создания международного консорциума.

БЕСПЛАТНЫХ ДОРОГ НЕ БУДЕТ

Михаил Блинкин,
директор Института экономики, транспорта и транспортной политики Национально-исследовательского университета «Высшая

школа экономики»

В отчете Всемирного экономического форума о состоянии инфраструктуры Россия находится примерно на уровне своего национального богатства — насколько мы богаты, такая у нас инфраструктура. Конечно, мы ниже среднемировой линии, но не катастрофически. А вот в части автомобильных дорог мы находимся на три лаптя ниже мировой линии. Попросту говоря, этих дорог в макроисчислении просто нет. По коэффициенту Энгеля (коэффициент Энгеля — плотность дорожной сети, скорректированный на плотность населения) мы отстаем не то что от развитых стран, но и от Польши, от Турции. Европейская часть России догонит Турцию при нынешних темпах дорожного строительства через 100 лет.

Дорог высших технических категорий, по-русски это называется — автомобильные магистрали и скоростные автомобильные дороги, по-английски — highway и expressway — в Китае не было вовсе до знаменитого выступления Дэн Сяопина в начале 1990-х о том, что надо связать страну. Сейчас они в полтора раза опережают Америку. У нас маленькими кусочками собирается 5000 таких дорог, это в основном вокруг Москвы, Питера, Сочи, то есть это тоже близко к нулю. Как мы строим? По данным Росстата, всяких дорог, в том числе второстепенных, частных, корпоративных, городских улиц и так далее мы вводим в год 1700 километров. Для сравнения: у китайцев только по дорогам высшей технической категории был рекорд — 11 000 в год в 2016 году.

Теперь про железную дорогу. Мир строит высокоскоростные магистрали. В Китае их сейчас — 22 000 км, к концу 2019 года будет — 38 000, в тесненькой Европе — почти 15 000. У нас — 0, поскольку наш «Сапсан» в эту категорию не попадает.

А теперь очень важная штука. В сегменте мобильной связи (в отличие от дорог, где

мы находимся во второй сотне) мы находимся в первой десятке, причем стабильно находимся. Вы знаете почему? Потому что в мобильной связи мы не только покупаем гаджеты, но и платим за трафик. А вот разговоры о халявных дорогах, каких-то инфраструктурных пакетах, дорожных фондах можно продолжать еще 20 лет.

СИСТЕМА КОРИДОРНАЯ

Андрей Бокон,
почетный президент Союза архитекторов России, руководитель Центра пространственного планирования

Московского архитектурного института, академик Российской академии архитектуры, народный архитектор России

Мы принадлежим группе молодых стран, пространство которых неравномерно и основано на транспортных коридорах, о которых, кстати, в указе Президента говорится. Создание этих коридоров и должно быть основным направлением, как мне представляется, нашей политики пространственного развития.

Что это такое? Это та инфраструктура, которая живет не сама по себе, а формирует пространство страны, та инфраструктура, которая опирается на основные порты, транс-

граничные переходы и так далее и на которую нанизаны все наши агломерации, а также те образования, о которых в 80-е годы в России говорили очень много, — групповые системы расселения, а именно малые города, которые образуют сообщества, когда функция большого города делится между малой группой городов. Достаточно много было сказано на эту тему и сделано, это чрезвычайно перспективно, это то, что исчисляется не десятками, как агломерации, а сотнями, потому что у нас тысяча малых городов, и это тот путь, который может поддержать их состояние. У нас утрачена культура проектирования этих образований. Нет институтов, нет экспертов, нет специалистов, и с этим надо что-то делать. Должна быть комплексная программа, которая предполагала бы создание каких-то центров обучения, исследований и всего остального. Коридоры, о которых идет речь, должны быть объектом исследования, проектирования, осмысления комплексного: так, как это было сделано в том числе и в Советском Союзе, опытом которого сегодня пользуется замечательным образом Китай.

ДВА ГОРИЗОНТА

Сергей Малков,
научный руководитель Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования МГУ, профессор

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ ВВП РФ
(по сравнению с базовым сценарием развития российской экономики)
В СЛУЧАЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА
(с учетом прямых и косвенных эффектов)

ЭФФЕКТ	К 2030 Г.	К 2050 Г.
РОСТ ПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ	5,2%	7,2%
РОСТ РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ	2,9%	4,2%
УКРЕПЛЕНИЕ ДОЛГОСРОЧНОГО РЕАЛЬНОГО КУРСА РУБЛЯ	4,7%	5,4%
УВЕЛИЧЕНИЕ ВВП (В % ОТ БАЗОВОГО СЦЕНАРИЯ)	3,2%	4,2%

Таблица проф. Сергея Малкова

Мы буквально на прошлой неделе закончили отчет, заказчиком которого был президиум РАН, а научными руководителями — академики Садовничий и Осипов, по оценке долгосрочных макроэкономических, социальных, геополитических проектов и реализации проекта по развитию железнодорожных сетей Сибири и Дальнего Востока (имеется в виду Транссиб и БАМ). Рассматривались два горизонта. Первый — это модернизация в рамках существующих инвестиционных проектов, и второй горизонт — это развитие железнодорожной сети и создание перспективной скоростной дороги.

Были проанализированы 55 крупномасштабных проектов, включая создание 12 крупных производств, освоение 40 месторождений, реализацию трех масштабных инфраструктурных проектов.

В результате модернизации Транссиба и БАМа, включая строительство новых железнодорожных путей протяженностью 2,5 тыс. км, станет возможной реализация более 50 масштабных инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 3,7 трлн рублей (из них 1,2 трлн рублей — в развитие железнодорожной инфраструктуры). Количество создаваемых новых рабочих мест в этих проектах — 110 тысяч (из них примерно половина — высокотехнологические рабочие места). С учетом сопутствующих рабочих мест, которые нужны для функционирования этих инвестиционных проектов, цифра занятых достигает 500 000. Средний срок окупаемости проектов — 13 лет.

Главным результатом второго горизонта развития железнодорожной сети Сибири и Дальнего Востока является обеспечение скоростного (с максимальной скоростью поездов на линии от 200 км/час и выше) перемещения грузов и пассажиров с Дальнего Востока страны до ее западной границы и обратно. Это позволит одновременно решить как внутреннюю задачу — повышение связности территории России, перевод ее экономики с сырьевой на новую индустриальную модель развития, так и внешнюю задачу — использование уникального транспортно-транзитного потенциала России для повышения ее роли в мировом экономическом пространстве.

Россия находится на пути между крупнейшими мировыми экономическими кластерами Европы и Азии и должна получать преимущество от такого стратегического положения.

ПОНЯТИЙНЫЕ ВЕЩИ

Андрей Городецкий,
руководитель научного направления, современной экономики и инновационного развития
Института экономики РАН, заслуженный деятель науки России, профессор

Если мы в проектах, которые будут обсуждаться как официальные документы, все-таки исходим не из макрорегионов, как это предлагается, а от агломераций, от базирования центров развития именно на базе агломераций, и на целом ряде допущений, которые говорят о том, что все механизмы и инструменты пространственного развития и территориального планирования делегируются регионам, и фундаментальной государственной стратегии и политики, то не приходится ожидать, что у нас будут какие-то серьезные подвижки в плане пространственного развития, управления этим развитием и, соответственно, транспортной инфраструктуры.

Очень много чисто понятийных вещей, которые не приняты во внимание. Не приняты во внимание те огромные советские наработки, которые были сделаны при переходе от чисто экономико-географического подхода к системам экономического планирования. Отсюда и транспортная инфраструктура в том виде, как она формулируется и в большом документе, и в краткой записке, — набор пожеланий без соответствующих подкреплений.

Почему я об этом говорю? Если у нас под этой стратегией не будет очень четкого государственного видения, провидения, четкого отношения к стратегическому плану, к стратегическому контуру развития государства, все остальное станет, в том числе и шестилетка президента, на том уровне, на котором мы оставили майские указы 2012 года.

НЕИЗЛЕ- ЧИМЫЕ БОЛЕЗНИ КАПИТАЛА

«Мы празднуем 200-летие со дня рождения Маркса, жизнь и труды которого послужили вдохновением для целых поколений политических активистов и ученых. Для меня сейчас важнее всего, пожалуй, попытаться разобраться в том, что же не так с современным капитализмом»

Дэвид Харви,

член Британской академии, профессор антропологии и географии аспирантуры (graduate center) Городского университета Нью-Йорка

Из беседы с профессором Александром Бузгалиным

See below for the English version of the article

Фронт мен номера

ДЭВИД ХАРВИ

(род. 31 октября 1935 г. в Медуэе, Великобритания) — один из крупнейших географов современности, марксист, обладатель (1995 г.) премии Вотрена Люда, которую называют Нобелевской премией географов. В 2007 году *The Times* включил его в список из 18 самых цитируемых интеллектуалов всех времен в области гуманитарных и общественных наук.

Книги:

- «Научное объяснение в географии: Общая методология науки и методология географии», 1974
- «Краткая история неолиберализма», 2007
- «Неолиберализм и реставрация классовой власти», 2009
- «Крах мировой капиталистической системы неизбежен», 2009
- «Действительно ли это конец неолиберализма?», 2009
- «Судный день для партии Уолл-стрит», 2011

«КАПИТАЛ» — ВЕСЬМА КСТАТИ

Думаю, что во многом тот анализ капитализма, который представил Маркс в середине XIX века, еще более актуален в наши дни, потому что в то время промышленный капитализм существовал лишь на очень небольшой территории с развитой экономикой — в Западной Европе, в Британии, на Восточном побережье Соединенных Штатов. Теперь он приобрел глобальный характер, но при этом, по-моему, столкнулся с глобальными проблемами. Спрашивается, откуда почерпнуть знания, которые помогут нам понять эти проблемы?

Думаю, что для начала «Капитал» Маркса придется нам весьма кстати — ведь в нем вскрыты многие из противоречий, присущие динамике капитализма. Эта книга очень полезна, если читать ее внимательно, понимая все ее ограничения и допущения. Она поможет вам действительно разобраться в том, что же с нами происходит. Очень рад, что именно сейчас есть возможность применить содержащиеся в «Капитале» знания в рамках нынешней экономической конъюнктуры и вслед за этим предложить людям начать поиск путей выхода из сложившейся капиталистической системы.

НАЗАД, В XIX ВЕК

Сам я — антикапиталист. Не потому, что у меня что-то не в порядке с ДНК, и не потому, что так учила меня бабушка... На самом деле я начал читать Маркса лишь в 35-летнем возрасте. Я начал читать его, потому что другие книги по обществознанию не объясняли мне ситуацию конца 1960-х годов. Я взял Маркса и сказал себе, что, может быть, там что-то есть. Почитав немного, я воскликнул: «Вот это да, здесь именно то, что я хотел узнать!» С тех пор это чтение стало еще более актуальным — ведь в конце 1960-х в том месте, где я жил, было социальное государство, роль государства была очень велика. В Британии, например, командные высоты экономики были национализированы и находились под контролем у государства. Так что сложно было совместить реальность с тем, что написано в первом томе «Капитала». Но вот прошло 20 лет жизни при неолиберализме, и уже к концу 1990-х вы открывали газету, затем открывали главу Маркса о рабочем дне и поражались их идентичности: вот тебе на, мы вернулись в капитализм XIX века! Но при этом мы могли наблюдать за условиями труда в Индонезии, Мексике и Китае и других странах...

Иными словами, мы имели возможность наблюдать не только за фабриками Манчестера, но и за фабриками всего мира и воочию видеть все ужасы неолиберального консенсуса, который сложился в 1990-х и стал доминировать в системе глобального капитализма, что привело к ужасающим последствиям для всего остального мира. Второе, что нужно отметить, это то, что в данном случае мы имеем дело не просто с кризисом труда, а с кризисом общих условий жизни.

Что касается самого существования кризисов — возьмем, к примеру, гигантский кризис, обрушившийся на Восточную и Юго-Восточную Азию в 1997–1998 годах, а затем распространившийся на Россию и за ней на Латинскую Америку, — то внезапно обнаруживаешь, что кризисы-то не разрешаются, а просто перемещаются из одной части света в другую. И вот происходит большой кризис 2007–2008 годов (для США он большой, потому что произошел в США, все остальные кризисы для них маленькие). Думаю, что именно с 2007–2008 годов люди стали задаваться серьезными вопросами о том, что же происходит с этой неолиберальной формой капитализма?

See below for the English version of the article

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ НА СТРАЖЕ НЕРАВЕНСТВА

Если ознакомиться с рассказами людей, например, о росте социального неравенства (он прекрасно задокументирован на протяжении последних 30 лет, например, в данных Пикетти), то можно убедиться, что неравенство выросло необычайно. И все говорят: странно, как это могло случиться? Здесь что-то не так. Но если встать на позиции неолиберализма (что я и сделал с самого начала), то это всего лишь «проект» имущих классов по возврату себе богатства и власти. Ведь социальное неравенство все росло и росло потому, что мы все ближе и ближе подходили к рыночной экономике.

Один из тезисов Маркса, который он очень хорошо проработал в первом томе «Капитала», гласит, что чем ближе мы к рыночной экономике, тем богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Поэтому, по определению, конкурентная рыночная экономика порождает все более и более высокие уровни социального неравенства. Так что неудивительно, что в 1970-х годах имущие классы (испытывавшие в то время определенные затруднения) пришли к выводу, что нужно перейти на рыночную экономику, — и тут же стали богатеть. Этот опыт они получили и никогда от него не откажутся, если им не поставить преграду. Поэтому, я считаю, что нам сейчас необходимо антикапиталистическое движение. В противном случае придет глобальная олигархия и на этом все закончится. Нам будут сверху диктовать все.

ПОЧЕМУ НАДО БЫТЬ АНТИКАПИ- ТАЛИСТОМ

Я заявляю, что я антикапиталист, в том числе и потому, что так учит Маркс, но Маркс еще и объясняет, почему нужно быть антикапиталистом. Для меня это послание очень важно: нам необходимо антикапиталистическое движение для ответа на вопрос, как выбраться из нынешнего болота, из

ситуации, когда богатые богатеют, а бедные — беднеют. Замечу, что со времен кризиса 2007–2008 гг. 1% богатейших людей увеличил свое богатство примерно на 14–15%, а все остальные либо потеряли деньги, либо остались с чем были. И это — классический результат процесса, описанного Марксом в первом томе «Капитала». Разумеется, Маркс описывал и другие процессы в третьем томе «Капитала» — финансовые спекуляции и то, как капиталистам стало гораздо легче зарабатывать деньги на таких спекуляциях, чем связываться с реальным производством. Именно это мы зачастую и наблюдаем на протяжении последних 30–40 лет. Так что третий том «Капитала» во многом помогает мне понять, как и почему финансовые спекуляции оттесняют капитал.

Маркс ведь изобрел прекрасную категорию — «фиктивный капитал». Капитал порождает фиктивный капитал, капиталист богатеет, просто вводя в обращение этот фиктивный капитал, ровным счетом ничего не делая и не создавая. Вот что происхо-

как у друзей или знакомых. Безумно и преступно тратить все богатство на строительство домов для сверхбогатых. То есть капитализм не только аморален, но и безумен. Вот и еще одна причина, по которой я как находящийся в здравом уме человек, да и все другие находящиеся в здравом уме люди, должны быть антикапиталистами.

ГРАБИТЕЛЬСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ

При изучении процессов накопления у меня возникла мысль, что, хотя многие из них являются прямым продолжением процессов первоначального накопления, целый ряд их все же относится к процессам иного рода, которые тем не менее ведут к обогащению крупных капиталистов. Например, в 1992 г. Джордж Сорос сделал ставку на ослабление

британского фунта по отношению к дойчмарке. Британское правительство заявило, что будет поддерживать фунт в рамках определенного коридора, но Сорос решил, что фунт удержат в коридоре не удастся, если объем спекуляций будет достаточно велик. Он поступил так: занял фунты и купил на них дойчмарки по курсу. Из-за создавшегося давления фунт пришлось девальвировать. Тогда Сорос обменял все дойчмарки

обратно на фунты, вернул заемные средства и оставил себе курсовую разницу, возникшую из-за девальвации. За семь дней он заработал миллиард долларов. Чей это был миллиард? Уверен, что британских налогоплательщиков. Фактически Сорос ограбил британских налогоплательщиков, украв у них миллиард долларов за семь дней.

Подобные операции совершались повсеместно. Взять, к примеру, кризис 1997 г. в Юго-Восточной Азии. Совершенно работоспособные фирмы были вынуждены объявить себя банкротами, поскольку внезапно лишились кредитов. Так как они не могли продлить кредиты, им пришлось распродавать свои

ТРЕТИЙ ТОМ «КАПИТАЛА» ПОМОГАЕТ ПОНЯТЬ, КАК И ПОЧЕМУ ФИНАНСОВЫЕ СПЕКУЛЯЦИИ ОТТЕСНЯЮТ КАПИТАЛ

дит, если спустить с поводка эту во многих отношениях безумную капиталистическую систему. Все признаки безумия налицо: мой любимый пример — Нью-Йорк. Мы имеем кризис доступного жилья. И мы строим огромное количество жилья для сверхбогатых. Ведь сверхбогатым хочется там жить. Российские олигархи, саудовские шейхи — все хотят иметь пентхаусы на Парк-авеню, чтобы раз в году приезжать туда пожить на недельку-другую. Получается, что мы строим города не для жителей, а для инвесторов. У нас 60 000 бездомных в Нью-Йорке. Треть детей Нью-Йорка практически бездомные. На улицах их не видно, они ночуют на кушет-

See below for the English version of the article

Фронт мен номера

активы. Они и распродали их по крайне низким ценам. Тут пришли банки, все это скупили, выдали кредиты и вновь все эти фирмы продали, заработав на этом миллиарды за счет всех жителей Восточной и Юго-Восточной Азии. То же дважды проделали и в Мексике. А ведь это — разновидность ограбления, которому придается законный вид с помощью финансовой системы.

Поэтому я и решил, что не стоит называть это первоначальным накоплением. Ведь это же современная разновидность ограбления. Я предпочитаю называть ее накоплением путем отъема собственности, потому что в данном случае происходит обогащение за счет отъема собственности у людей.

Вот другой пример: авиакомпания сталкивается с экономическими трудностями, объявляет себя банкротом, а на суде говорит: мы вернемся на рынок, нет вопросов, нам бы только избавиться от всех наших пенсионных обязательств, обязательств по медицинскому страхованию. Работники, которые надеялись, что у них будет пенсия, внезапно узнают, что пенсий у них не будет — так и происходит отъем собственности. Ведь это их право, это обязательство, и компания его не исполнила.

А посмотрите, что произошло в Греции. Там у правительства с самого начала был выбор: либо не платить по долгам, но тогда будет плохо немецким и французским банкам, либо не исполнять своих обязательств перед собственным народом. И оно решило не исполнять обязательств перед собственным народом. Банкам хорошо, Европе хорошо, только греческий народ пострадал и продолжает страдать по сей день от этого жуткого процесса. Вот и хочется это назвать накоплением путем отъема собственности.

Интересная особенность современного капитализма заключается в том, что мы все чаще наблюдаем, что процесс накопления протекает на фоне подобных эпизодов, а не традиционным путем, когда что-то производится и из труда извлекается прибавочная стоимость. В той мере, в какой стало труднее найти способы извлечения прибавочной стоимости из труда, переходят на эту разновидность накопления, которая по сути равнозначна ограблению, хищению, отмыванию денег и тому подобным преступным деяниям. Все это характерно для современного капитализма.

INCUR- RABLE DISEASES OF CAPITAL

This is an occasion for the celebration of the 200th anniversary of Marx's birth. Marx was an inspirational figure partly by the manner of his life and of course his writings. They've inspired generations of activists and scholars and all the rest of it. But I think that for me perhaps one of the most important things right now is to try to get a really good grasp of what is wrong with contemporary capitalism.

David W. Harvey,

*Fellow of the British Academy, Distinguished
Professor of anthropology and geography at the
Graduate Center of the City University
of New York*

Discussion with prof. Alexander Buzgalin

BACK TO THE 19TH CENTURY

DAVID HARVEY

(born 31 October 1935 in Medway, United Kingdom) — one of the most prominent contemporary geographers, a Marxist, a recipient of the Vautrin Lud International Prize (dubbed the Nobel Prize in Geography). In 2007, The Times included him in the list of most cited authors of books in the humanities.

Bibliography:

Explanation in Geography: General Methodology and Methodology In Geography, 1974

A Brief History of Neoliberalism, 2007

Neoliberalism and the Restoration of Class Power, 2009

The Collapse of The World Capitalist System Is Inevitable, 2009

Is This Really the End of Neoliberalism? 2009

The Urban Experience, 2009

The Party of Wall Street Meets Its Nemesis, 2011

START WITH THE CAPITAL

I think that in many respects the analysis he wrote way back then, in the middle of the 19th century, is more relevant today than it was then. Because back when Marx was writing industrial capitalism was only in a very developed and very small part of the world, Western Europe, Britain, Eastern Seaboard of the United States, but now it's global, and globally is in a lot of trouble, in my view, and the question is: where is a body of knowledge that helps us understand the trouble.

And I think that Marx's Capital is a very very good place to start because it shows us a lot of the contradictions which exist within the capitalist dynamic. It does a fantastic job when you read it carefully and with a certain understanding of its limitations and its assumptions, it helps you really understand what is going on right now. And I'm very very excited at this particular moment to try to bring a knowledge of Capital to bear on a current conjuncture economically and then suggest to people that we really have to find a way out of this capitalist system. I'm an anti-capitalist. I'm not an anti-capitalist because my DNA is weird or because my grandmother taught me to be so the family... Actually, I only started reading Marx when I was 35 years old and I really started reading it because most of the social science I was reading was not making sense of the situation at the end of the 1960s, so I just picked up Marx and said, maybe I'll find something in here. And after a bit I'm saying, oh my god, this is fantastic, just tells me exactly what I want to know. And since then it's become even more relevant because back in the 1960s in the part of the world I was living in there was a welfare state, there was a lot of state intervention, in Britain, for example, the commanding heights of the economy were nationalized and in state control. So it was hard to make Volume 1 of Capital fit with what was going on.

By the time we went through twenty years of neoliberalism, by the time we got to the mid-1990s you would pick up a newspaper and read it and then you would read Marx's chapter on the working day — and it was identical, and you would say: oh my god, we are going back to 19th century capitalism. But it was 19th century capitalism where now we were looking at labor conditions in Indonesia, Mexico, China and the like... in other words, instead of looking just at the factories in Manchester, we were just looking at factories all over the world and seeing this kind of terrifying stuff going on, of the neoliberal consensus which emerged in the 1990s and which started to dominate global capitalism in ways which had horrendous consequences for the rest of the world. I suppose, the second thing about it is that it is not only the crisis of work but just a crisis of general living. And the existence of crises, for example in 1997-1998, that huge crisis that hit East Asia and Southeast Asia and then spread to Russia and then spread to Latin America. So you suddenly realize that crises were not being resolved, they were simply being moved around from one part of the world to another. Then occurs the big one of 2007-2008, which for the United States was a big one because it occurred in the United States. All the other crises were little ones as far as the United States was concerned. But in 2007-2008 I think people started really to ask some very serious questions about what's going on with this neoliberal form of capitalism?

NEOLIBERALISM IS ON GUARD OF INEQUALITY

When you look at simple anecdotes, for example the growth of social inequality, which has been well documented over the last 30 years in, for example, Piketty's data. Social inequality has increased

WE HAVE TO HAVE AN ANTI-CAPITALIST MOVE **RIGHT NOW**

immensely. And everybody says, this is strange, why did this happen? It must be an accident or there must be something that's odd. But if you take the view of neoliberalism, as I did from the very beginning, this was a class project to restore wealth and power, and actually the social inequalities got greater and greater and greater because we got more and more... closer to free market economy because one of the theses that Marx really developed very well in Volume 1 of Capital is that the closer you get to free market economy, the richer will the rich get and the poorer will the poor get. And therefore, by definition, a competitive capitalist economy is going to produce greater and greater levels of social inequality so, hardly surprisingly, what the affluent classes of the 1970s that were in difficulty at that time found was switch to a market economy and they found themselves getting richer and richer and they

know that experience now so there's no way they are going to switch away from it unless something absolutely stops them.

That's why I think we have to have an anti-capitalist move right now because otherwise it's all going to end up with a global oligarchy and that's going to be it. They will tell us everything that... to do. So that's why I'm kind of saying right now I'm an anti-capitalist in part because of what Marx teaches, but Marx also teaches us why we should be anti-capitalist and that to me is a very important message and we should have a global anti-capitalist movement addressing the question: how do we get out of this mess ... the rich getting richer and the poor getting poorer. And I would note that since the crisis of 2007-2008 in the United States the top 1% has increased its wealth by something like 14-15% while everybody else has either lost or remained static. And this is a classic kind of result of the process that Marx described very well in Volume 1 of Capital.

Of course Marx described other processes in Volume 3 of Capital which were about financial speculation and how actually it became much easier for the capitalist to make money through financial speculation than to bother with production. And so what you are seeing is a great deal of that going on over the last 30 or 40 years as well, so again I take a lot of inspiration from Volume 3 of Capital in terms of looking at why and how financial speculation

pushes capital to one side, and Marx comes up with these categories, they are wonderful categories, called fictitious capital, fictitious capital. Capital actually makes fictitious capital, and they get wealthy and rich by circularizing fictitious capital without actually making anything or doing anything. But that's what happens when you actually let a crazy capitalist system, which is insane in many ways, loose upon the land. And I think that just looking around at the signs of insanity, for example my favorite one is New York City: we have a crisis of affordable housing. We are building massive amounts of housing for the ultra-rich. The ultra-rich, they want to live there. The Russian oligarchs, the Saudi princes — all want to have penthouses on Park Avenue, come live there maybe a couple weeks a year or something like that. So we are building cities for people

to invest in, not cities for people to live in. We have 60,000 homeless people in New York City. A third of the children in New York City are technically homeless. We don't see them on the street, they are sleeping on couches in friends' houses or something of that kind. This is criminally insane when there's all that wealth which is going into building these ultra-rich buildings for the ultra-rich. I mean, not only capitalism is immoral, it's also insane. And that's the other reason that me as a relatively sane person and I think any sane person right now has to be anti-capitalist.

ACCUMULATION AS A FORM OF ROBBERY

It occurred to me that when you start to look at some of the processes whereby accumulation was occurring, they are continuations, many of them, of multiple primitive accumulation, but then there's a whole set of other accumulations going on which really are not of that sort but from which big capitalists are benefitting, for example, George Soros bet against the value of the British pound against the Deutsche mark in 1992. And the British declared they were going to keep their currency in a certain band but Soros decided that it wouldn't stay there if he speculated enough. So basically what he did was he borrowed pounds and bought Deutsche marks at the rate and after it had put so much pressure on the pound they had to devalue the pound he then sold all Deutsche marks back into pounds and paid off his debt that he borrowed and then took the difference from the devaluation. And he made a billion dollars in seven days. Now, whose billion dollars was that? I'm sure it was British taxpayers'. And so actually he robbed British taxpayers of one billion dollars in seven days. Now, operations like that were going on all over the place.

And you'll see in 1997 Southeast Asian crisis. Perfectly good firms were forced into bankruptcy because suddenly their credit was cut off. And since they couldn't roll over their credit they had nothing to do so they had to sell out. And they sold out at a very low price, all the banks came in, bought them up and then released the credit and then they went back and sold them off again

and made billions at the expense of everybody in East and Southeast Asia. They have done the same to Mexico twice.

And so this is a form of robbery that's going on, which is being orchestrated legally through the financial system. And this is why I decided it is not really good to call it primitive or original accumulation. This is a contemporary form of robbery. That's why I prefer to call it accumulation by dispossession because they are simply dispossessing people and they are getting wealth by this act of dispossession.

Other things, for example, an airline would get into economic difficulty, it would declare bankruptcy and in the course of the bankruptcy they would say to the judge: look, we could go back and be a good airline if we could get rid of all of our pension obligations, all of our health care obligations. So all of the employees who thought they would have a pension suddenly find they've lost their pension. And this is a dispossession. I mean, it's a right, it was an obligation, and it has been reneged upon.

And then you see something like what happened in Greece. In a way, the government there initially had the choice: it either reneged on the debt in which case the French and German banks would have been in difficulty or it reneged on its obligations to its own people. And it decided to renege on the obligations to its own people and the banks got away fine and Europe got away fine and the people in Greece suffered and continue to suffer to this day from this appalling kind of process. Now this is what I want to call accumulation by dispossession. And I think what is interesting about contemporary capitalism is more and more what we're seeing is that accumulation processes through episodes of that sort rather than in the traditional way going out and making something and extracting surplus value from labor so that to a degree that it's become harder to find ways to develop... extract the value from labor and labor power you actually switched to this other form of accumulation which is just basically robbery and thievery, money laundering, you name it, criminality of all kinds. I think there's a lot of that which is the case of contemporary capitalism.

PERFECTLY GOOD FIRMS

were forced into bankruptcy because suddenly their credit was cut off, and since they couldn't roll over their credit they had nothing to do so they had to sell out

ждем прибавки

Когда начнется рост доходов россиян?

«Российская газета» от 07.05.2018

Когда мы все начнем больше получать и больше тратить?
Не опасно ли для экономики увеличение зарплат и индексация пенсий? Могут ли доходы граждан стать источником экономического роста? На эти и другие вопросы ответили ведущие экономисты на заседании Совета экспертов Вольного экономического общества России и «Российской газеты» на тему «Доходы населения: когда начнется рост?»

ПРИДЕТСЯ НЕМНОГО ПОДОЖДАТЬ

В КАКОМ ГОДУ МОЖНО ЖДАТЬ РЕАЛЬНОГО ПОВЫШЕНИЯ ЗАРПЛАТ И ДРУГИХ ДОХОДОВ?

Дмитрий Сорокин,
вице-президент ВЭО
России, научный руководи-
тель Финансового уни-
верситета при
Правительстве РФ,
член-корреспондент РАН

— В ходе недавнего Съезда ВЭО России проводился интерактивный опрос делегатов из всех регионов России. Нужно было выбрать первоочередной вопрос для обсуждения. Люди нажали на кнопки, и высветилось, что на первом месте с большим отрывом оказались не проблемы цифровой экономики, как ни странно, и даже не проблемы выхода на мировые темпы ВВП, а именно проблема доходов.

Когда начнется рост реальных доходов населения?

Согласно целевому прогнозу Минэкономразвития, рост реальных доходов населения начнется после 2020 года. Прогноз на этот год — восстановительный рост. Напомню, что, согласно статистическим данным, доходы населения с 2014 года и на протяжении последующих четырех лет снижались и по отношению к 2013 году упали на 11%. С этого года должно начаться их восстановление, но это восстановление к 2020 году не достигнет еще уровня даже 2012 года. Реальный рост — где-то за пределами 2020-го.

При этом, конечно, еще проблема в качестве этого прогноза. Я напомню, что в октябрьском прогнозе было сказано, что по итогам 2017 года реально располагаемый денежный доход населения вырастет на 1,3%, то есть прогноз был дан на три месяца вперед. Они оказались -1,7%.

Игорь Николаев,
директор Института
стратегического анали-
за ФБК, д. э. н.

— Рост реальных доходов населения, о котором мы мечтали на про-

тяжении четырех лет, скорее всего, будет зафиксирован не раньше 2019 года. Вообще можно ли надеяться, что при падающей экономике может быть рост доходов населения? Теоретически — да. И не только теоретически. Вспомним 2009 год: экономика — минус 7,9% по ВВП. А мы говорили: смотрите, экономика везде падает, а у нас доходы населения растут! Другое дело, всегда хотелось спросить: а завтра что будет? Наступило завтра, которое продолжалось четыре года, когда реальные доходы населения падали. Другими словами, при падающей экономике возможен рост реальных доходов населения, но он быстро проходит, особенно после того, как исчерпаны все резервы. Тут срабатывает банальная истина: если нет экономического роста, то рассчитывать на рост доходов населения не приходится.

НИЗКАЯ ОПЛАТА ТРУДА ТОРМОЗИТ ПРОГРЕСС

ЧТО СНАЧАЛА — РОСТ ДОХОДОВ ИЛИ РОСТ ЭКОНОМИКИ?

Дмитрий Сорокин: Экономический рост возможен прежде всего за счет более эффективного использования ресурсов. Однако возможно ли задействовать этот фактор при бедном населении? Для экономической теории вопрос известен давно: не может общество процветать, иметь экономический рост при бедном населении. Сегодня каждый восьмой россиянин находится за чертой бедности. Для технологического перевооружения требуется новый уровень квалификации работников, а квалифицированный работник по определению не может быть дешевым. Те, кто должны создавать технологическое перевооружение, имеют заработную плату ниже средней по стране. Поэтому очевидно, что низкая оплата труда — враг технического прогресса.

Роберт Нигматулин,
научный руководитель
Института океанологии
РАН им. П.П. Ширшова,
академик РАН

— На мой взгляд, главный инвестор экономи-

ки — все-таки народ, который имеет такую зарплату, на которую возможно приобрести продукцию ведущих отраслей экономики, в которой есть инвестиционный компонент. А это около 70 тысяч рублей в месяц, и сегодня только 7% населения получают такую заработную плату. А вот зарплату 20 тысяч рублей, по разным данным, получают от 50 до 60% населения. Конечно, в сложившейся ситуации необходимо поднимать заработную плату. Однако, если мы просто возьмем и дадим денег бедному населению, мы получим только рост инфляции и больше ничего. Поэтому необходимо перераспре-

деление цен. Например, на Западе 1 килограмм хлеба по стоимости равняется 3–5 литрам бензина. У нас же только 1–1,5. Народные, наиболее потребляемые продукты недофинансируются потому, что у основного потребителя нет денег. Поэтому необходимо сбалансировать эти цены. Сегодня на 70 тысяч рублей можно приобрести примерно две тысячи литров бензина, а на Западе — 10 тысяч. Когда у нас среднестатистический гражданин сможет на свою зарплату купить 10 тысяч литров бензина, тогда он и сможет оплатить по нормальным ценам народные продукты.

Михаил Шмаков,
член президиума ВЭО
России, председатель
Федерации независимых
профсоюзов России

— Решить проблему экономического роста нельзя только лишь за счет повышения заработной платы. Необходимо менять экономическую модель, потому что старая не дает никакого развития. Конечно, после кризиса 2008–2009 годов было необходимо сокращать государственные инвестиции и вести достаточно жесткую финансовую политику, но сейчас эти меры уже не эффективны. На протяжении последних пяти лет развитие экономики, например, такие как немецкая, французская и ряд других, увеличивают государственные инвестиции. И это дает свои результаты — там мы наблюдаем экономический рост. И на примере нашей страны мы видим, что наиболее расширяющаяся занятость и наиболее высокие доходы работников

ГЛАВНЫЙ ИНВЕСТИОР ЭКОНОМИКИ — НАРОД

НЕОБХОДИМО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ПОЛИТИКИ ДЕШЕВОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

наблюдаются там, где есть государственные инвестиции. Это, прежде всего, оборонно-промышленный комплекс и те целевые программы, которые ведутся с участием государственных инвестиций. Необходимо изменение финансово-кредитной политики. Второе — необходима точечная поддержка государственными инвестициями критически важных отраслей промышленности. Это потянет за собой и увеличение занятости, и повышение доходов населения. Необходимо отказаться от политики дешевой рабочей силы, которая поддерживается в том числе неконтролируемым приростом трудящихся мигрантов, которые фактически снижают цену труда в нашей экономике. Решение этих задач как раз и будет способствовать росту реальных доходов населения.

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор Института
нового индустриального
развития им. С.Ю.
Витте, д. э. н., профессор

— Часто говорят, что для решения этих всех задач, в том числе и роста доходов, необходимы средства, а их нет. Моя позиция состоит в том, что у нас большие деньги лежат в резервах. Мы «перерезервированы». Почему? Мы всегда боимся кризиса и много закладываем в резервы, создавая уникальную ситуацию: с каждым кризисом нам нужно резервный фонд распечатывать, а потом запечатывать и вновь наполнять. Если сравнить экономику с велосипедом, то таким образом мы как бы поддерживаем медленно едущий виляющий велосипед, подставляя постоянно ноги-резервы, чтобы не упасть. Но если часть денег из резервов взять и направить на финансирование решений, которые предлагаются и многими членами ВЭО в том числе, мы разгоним велосипед нашей экономики, и у нас не будет такой потребности в подстановке вот этих самых «ног» из резервов. Да и в таких их объемах. Не говоря уже о том, что эти резервы сегодня находятся в зоне риска — сейчас в мире есть немало деятелей такого типа, которые могут

поутру такую «загогулину» сотворить, на которую и ответить-то будет неясно чем, — в том числе и связанную с нашими резервами.

БОЛЬШАЯ ПРОБЛЕМА МАЛЕНЬКИХ ЗАРПЛАТ

**В 2018 ГОДУ НАМ ОБЕЩАЛИ
СЕРЬЕЗНЫЙ РОСТ ЭКОНОМИКИ И, СООТ-
ВЕТСТВЕННО, ДОХОДОВ. ЭТО ИСПОЛНИ-
МОЕ ОБЕЩАНИЕ?**

Яков Миркин,
заведующий отделом
международных рынков
капитала Национально-
исследовательского
института мировой эко-
номики и международ-
ных отношений им. Е.М.
Примакова, д. э. н.

— Растить будут отрасли, признанные государством «целевыми». Оборонно-промышленный комплекс (там темпы, видимо, 8–10%), бизнесы, прилегающие к нему, зерновое хозяйство, фармацевтика, кусочки машиностроения, электронной промышленности. Рост будет в ТОРах (территории опережающего развития), в особых экономических зонах, свободных портах и других вырезках из повседневной реальности. Это так называемая костыльная, выборочная экономика. В ней государством создаются точки роста за счет костылей, особых преференций (крупных госзакупок, низкого процента за счет процентных субсидий, бюджетного софинансирования, доступного кредита, сильных налоговых льгот). Там, где ключевые решения принимаются сверху. Другой вопрос, может ли 2018-й стать стартом для сверх-

быстрого роста, чтобы получить стабильный, ежегодный рост хотя бы 3,5–4%. Что для этого надо? Нужны благоприятные инвестиционные условия (процент, кредит, курс, налоги, бюджет, либерализация регулирования и т. п.) для всех, а не выборочно. Повсеместно, по всей стране. Не только за счет бюджета, не искусственно, а органически. От этого будут зависеть и доходы людей.

В 2016 году вычислительной техники было произведено на 5,3 доллара на человека. Это ничтожно мало. В сырьевых отраслях работают 10–15 миллионов человек, а что делать всем остальным? 130 миллионов человек, их способности и таланты заслуживают того, чтобы мы забыли о странных идеях, бытующих у нас много лет, — «все купим за кордоном» и «наше место в международном разделении труда — сырье».

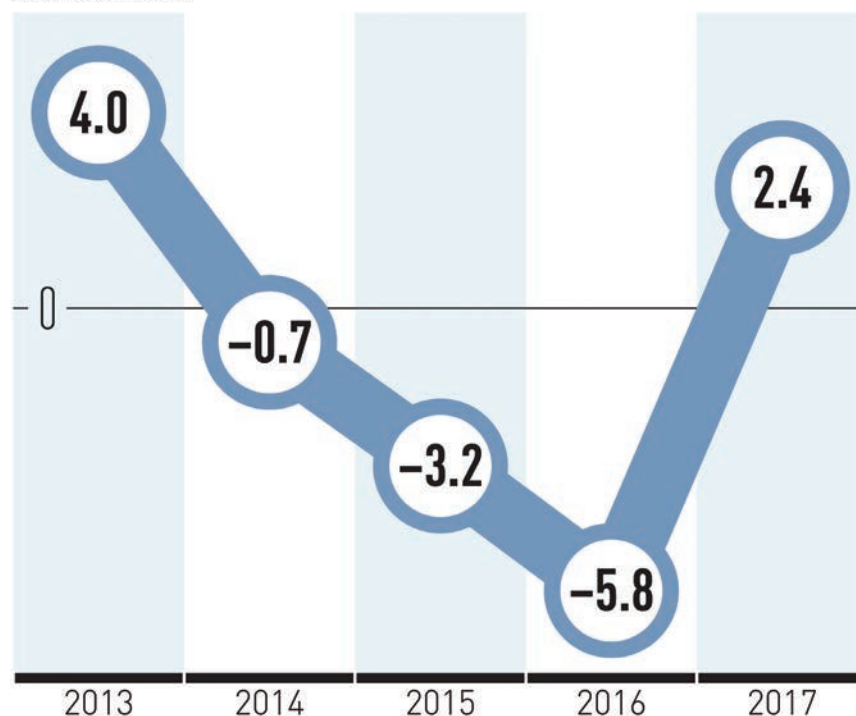
Сергей Бодрунов: Пора бы восстанавливать хоть какую-нибудь планомерность — я намеренно не употребляю слово «плановость» — именно планомерность, системность в развитии нашего хозяйства. Без какой-то конкретной модели, конкретного плана действий мы не будем достигать целей, в том числе и повышения доходов. Цели должны быть долгосрочными, стратегическими.

Есть подход, сторонники которого любят ссылаться на законы рынка, на которые нужно опираться, строя экономику. А я на это отвечаю: есть же и другие законы. Сравните с архитектурой — вот возьмем закон всемирного тяготения и будем строить только на нем здание экономики — будем бросать кирпичи вниз, они образуют кучу — легко, и ВВП будет расти. Правда, иногда будет обрушение — ну, так на то и закон... Но если мы хотим построить экономику, как прочное и устойчивое здание, значит, понимая и используя те же законы, мы должны проект иметь, план, каркас того, что будем строить. И сегодня в этом здании экономики очень важное место занимает фундаментальная проблема качества жизни населения и роста его доходов.

Автор: Евгения Мамонова

ДИНАМИКА РЕАЛЬНО РАСПОЛАГАЕМЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ, %

Источник: Росстат

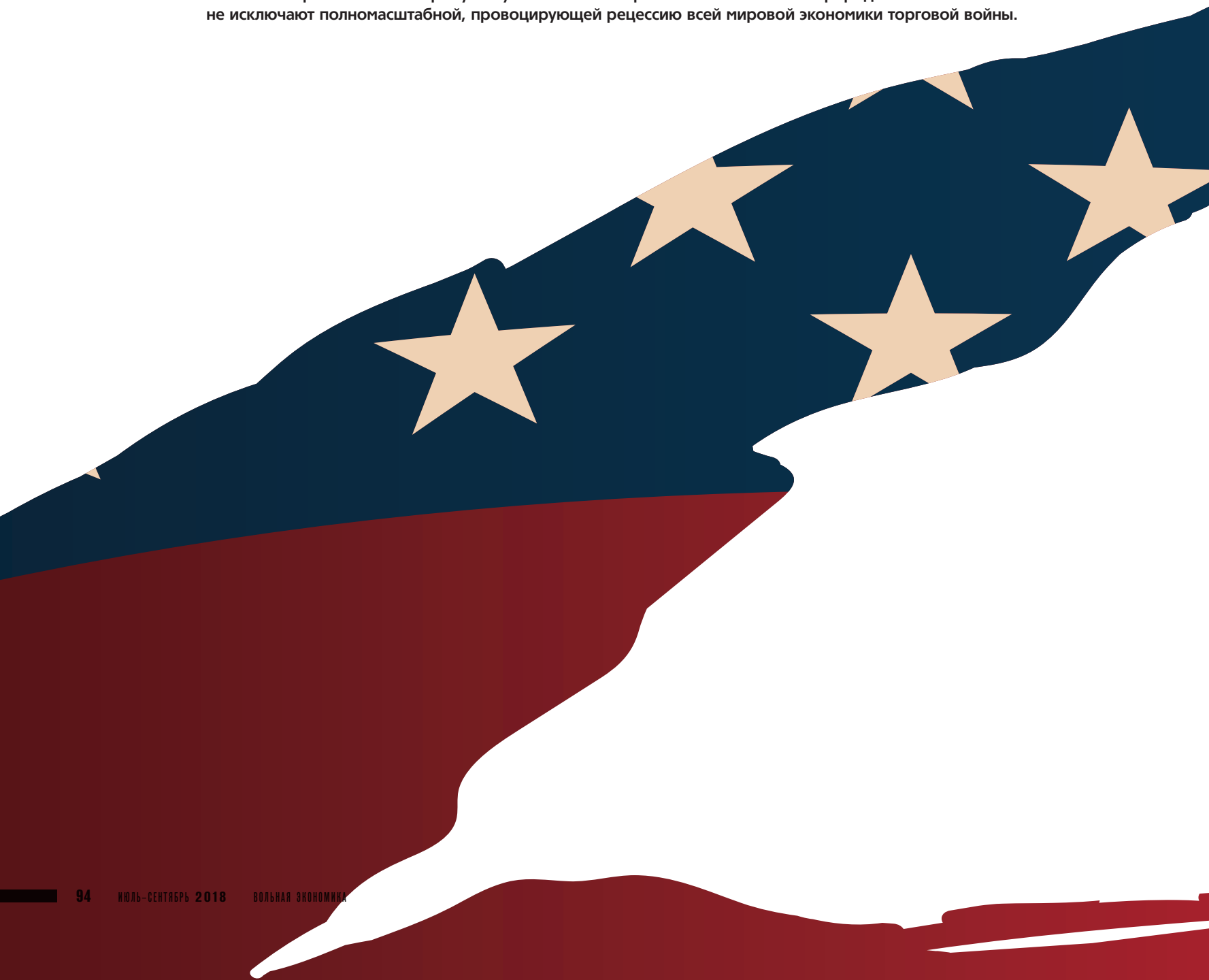

Инфографика «РГ» / Леонид Кулешов / Елена Березина

На тропе ВОЙНЫ

Как один человек может нарушить баланс мировой торговли

Президент США Дональд Трамп начал активно бороться против «китайской экономической агрессии», а также намерен заставить Европу покупать только американский сжиженный природный газ. Аналитики не исключают полномасштабной, провоцирующей рецессию всей мировой экономики торговой войны.

США ПРОТИВ КИТАЯ

Меморандум о введении торговых ограничений против Китая президент США Дональд Трамп подписал еще в марте. Документ ввел 25-процентные пошлины на китайские товары общей стоимостью 60 миллиардов долларов (всего более ста видов товаров — от электроники до одежды и обуви). Эта мера должна сократить рекордный дефицит в торговле США с Китаем — 375 миллиардов долларов. По данным американского министерства торговли, это почти половина совокупного торгового дефицита США.

Однако главная цель пошлин — пресечь колоссальную кражу Китаем американской интеллектуальной собственности, из-за которой Штаты теряют сотни миллиардов долларов, считают эксперты. По данным Комиссии по краже американ-

ской интеллектуальной собственности, каждый год из-за кражи пиратского программного обеспечения и контрафактных товаров американская экономика недополучает до 600 миллиардов долларов.

Китай объявил об ответных мерах: министерство торговли анонсировало пошлины на импорт из США общим объемом 3 миллиарда долларов. Самые большие пошлины — 25% — на импорт свинины и переработанного алюминия, 15% — на импорт фруктов и сухофруктов, орехов, денатурированного спирта и вина, стальных труб. В заявлении ведомства отмечается, что Китай не боится торговой войны с США. Однако бывший министр торговли республики Вей Цзянго в интервью Bloomberg подчеркнул: «Трамп должен понимать, что из этой войны никто не выйдет победителем».

США это не останавливает: в июле министерство торговли подготовило новый перечень ограничений на импорт из Китая — на этот раз общим объемом 200 миллиардов долларов. В него вошли 6 тысяч промышленных и потребительских товаров, которые предполагается обложить 10-процентными пошлинами. У бизнеса есть два месяца на то, чтобы попросить об исключении тех или иных позиций из списка.

На новые пошлины США Китай пожаловался во Всемирную торговую организацию (ВТО).

**ВВОЗНЫЕ ПОШЛИНЫ КАСАЮТСЯ ОБЪЕМОВ
ПОСТАВОК В 34 МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ.
В ПЕРЕЧНИ ДОПОЛНИТЕЛЬНО ОБЛАГАЕМЫХ
ТОВАРОВ В США ВХОДЯТ 818 ПОЗИЦИЙ,
В КИТАЕ — 545**

США ПРОТИВ РОССИИ И ЕС

Китай — не единственный рынок, из-за которого США, по мнению Дональда Трампа, упускают торговые выгоды. По итогам встречи с российским президентом Владимиром Путиным американский лидер заявил, что США намерены конкурировать за газовый рынок Европы с российским проектом «Северный поток-2». Летом 2017 года США обещали санкции инвесторам в российские экспортные трубопроводы.

На пресс-конференции с премьер-министром Италии Джузеппе Конте Трамп заявил, что ведет переговоры с Европейским союзом о строительстве от девяти до одиннадцати портов, которые будут принимать сжиженный газ из США. Причем оплачиваться эти проекты будут из бюджета ЕС. The Wall Street Journal со ссылкой на главу Еврокомиссии Жан-Клода Юнкера сообщил, что Брюссель согласился рассмотреть увеличение экспорта сжиженного природного газа из США. Также среди полученных Штатами уступок — снижение промышленных пошлин, увеличение импорта соевых бобов, изменение нормативов по продуктам медицинского назначения.

Председатель Евросовета Дональд Туск в июле призвал Китай, США и Россию к сотрудничеству, чтобы избежать торгового конфликта. «Это общий долг Европы и Китая, а также Америки и России — не нарушать мировой порядок, а улучшать его и не начинать торговые войны, которые так часто случались в нашей истории», — сказал он.

Россия в июне также решила поучаствовать в «обмене любезностями» с США. Москва объявила о введении дополнительных импортных пошлин на американские товары, аналоги которых есть на российском рынке. Это, например, нефтегазовое

оборудование, строительная техника, оптоволокно. «В связи с тем, что США продолжают применять защитные меры в виде дополнительных пошлин на ввоз стали и алюминия и отказываются предоставить компенсацию возникающих у России потерь, Россия использует свои права по ВТО и вводит балансирующие меры в отношении импорта из США», — пояснил глава Минэкономразвития Максим Орешкин.

При этом Россия не стремится получить односторонние выгоды в условиях торговых разногласий Китая и США, заявил по итогам Четвертого экономического диалога между Россией и КНР советник президента РФ, вице-президент ВЭО России Сергей Глазьев. «В рамках большой двадцатки Штаты всегда настаивали на том, чтобы никто не предпринимал протекционистских мер, — отметил он. — Однако в последние годы США отходят от ведения свободной торговли. Это связано не только с настоящей торговой войной, которую ведет Вашингтон в отношении Китая, но и с предыдущими попытками администрации Обамы создать трансатлантическое партнерство, своеобразную зону свободной торговли, где нет России и Китая». Он подчеркнул, что торговая война США в отношении Китая и антироссийские санкции — это результат беспомощности Штатов в попытке сохранить однополярный мир.

РОССИЯ В ВОЙНЕ

В случае эскалации торговой войны Россия в любом случае пострадает, отмечают некоторые разногласий экономисты. Из-за усиления протекционистских тенденций и напряженности в торговых отношениях МВФ уже ухудшил прогнозы роста мировой торговли товарами и услугами на 0,3% в 2018 году (до 4,8%) и на 0,2% в 2019 году (до 4,5%). «Можно уповать на то, что торговая война заставит страны искать новых партнеров на глобальной арене. Например, ЕС уже договорился с Японией, было подписано масштабное соглашение о свободной торговле, — отметил ведущий аналитик Amarkets Артем Деев. — Однако на эти страны приходится треть мирового ВВП. Россия занимает куда более скромную позицию в мировой торговле. Предложить кроме нефти ей нечего, замедление мирового ВВП повлияет на более скромные аппетиты на сырье, а значит, спровоцирует экономический спад в России».

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ПОЛИТИКИ КРУПНЕЙШЕЙ ЭКОНОМИКИ МИРА ВПОЛНЕ СПОСОБНА ВЫЗВАТЬ ЦЕПНУЮ РЕАКЦИЮ

США ПРОТИВ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЯБЛОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Под пошлины может попасть самый «американский» товар в мире — устройства Apple. Это, в свою очередь, может привести к росту цен на продукцию компании, пишет Financial Times. Речь идет об умных часах, колонках и наушниках. Основным продуктам Apple — iPhone и Mac — пока пошлины не угрожают.

Аналитики по всему миру отмечают, что торговые конфликты в целом повышают глобальные риски. «Непредсказуемость политики крупнейшей экономики мира вполне способна вызвать цепную реакцию. Хотя в целом риск полномасштабного кризиса умеренный», — отмечают в RAEX. Базовый прогноз Bank of America Merrill Lynch предусматривает небольшую эскалацию торговой войны, однако риск того, что она превратится в полномасштабную, полностью не исключен. А в Fitch Ratings предупреждают о шоковом сценарии для США: цены по отдельным импортным товарам могут вырасти на 35–40%, а экономика Штатов может потерять 0,5 п. п. ВВП. Пока же одной из первых реакций на противостояние США и Китая стало то, что работающие в Поднебесной производители задумались о переносе своих фабрик в другие страны Юго-Восточной Азии, в частности, во Вьетнам.

В исследовании Американской торговой палаты в Китае отмечается, что 69% работающих на китайском рынке американских компаний выступают против введения пошлин со стороны США. Они по-прежнему оценивают Китай как наиболее перспективный и надежный рынок. Это подтверждает тот факт, что 61% представителей американского бизнеса ждут роста инвестиций в Китай до конца этого года, несмотря на жесткую позицию Трампа.

«Трамп является последовательным сторонником дерегулирования бизнеса», — отметила старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН Оксана Богаевская. — Он отменил много ненужных с его точки зрения

правил, передал решение многих административных вопросов на уровень штатов и ниже. Ему удалось провести налоговую реформу и кардинально снизить налоги для бизнеса. Очевидно, что Трамп старается ликвидировать «барьеры для бизнеса», и бизнес его за это ценит. Что касается политики протекционизма, то она, конечно, идет в разрез с этими его убеждениями, поскольку введение торговых пошлин является прямым государственным регулированием».

Однако не все так просто. По словам Богаевской, Трамп неоднократно называл себя сторонником свободной торговли, но с оговоркой, что она должна быть «справедливой». Его не устраивает не наличие или отсутствие торговых пошлин как таковых, а несимметричность ситуации, в которой находится США. «Он все время пытается исправить эту ситуацию, в том числе путем ввода протекционистских мер, которые он рассматривает в первую очередь как элемент давления в переговорах, поскольку он неоднократно заявлял, что готов отменить пошлины, если ему удастся достигнуть «справедливых» договоренностей. Но целью его, как он неоднократно заявлял, является снижение или полная отмена торговых пошлин», — пояснила эксперт.

Таким образом, эффективность протекционистской политики США в долгосрочной перспективе можно будет оценивать в зависимости от того, удастся ли с помощью этого инструмента давления добиться отмены пошлин. Движение в этом направлении началось уже в переговорах с Европейским союзом: в конце июля было объявлено о намерении договориваться о «нулевых пошлинах, устранении других торговых барьеров и субсидий на промышленные товары, за исключением автопрома» и увеличить объемы торговли между США и ЕС.

Автор: Андрей Смирнов

ЧЕМПИОНАТ МИРА ОКУПИЛСЯ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ

Интервью в прямом эфире телеканала «Россия 24»

Чемпионат мира по футболу — не только праздник спорта, но и колоссальные инвестиции в экономику. О том, какие именно и только ли речь о деньгах, рассказал в программе «Вести» президент ВЭО России и Международного союза экономистов, директор ИНИР им. С.Ю. Витте профессор Сергей Бодрунов.

Екатерина Грачева («Вести»):

Расскажите, пожалуйста, какие расходы для нашей страны принесла организация чемпионата мира по футболу и когда все эти расходы окупятся.

Сергей Бодрунов: В первую очередь я, конечно, футбольный

болельщик и, как все, сорвал голос, но как экономист могу сказать, что вообще-то ЧМ-2018 — очень крупный инвестиционный и инфраструктурный проект. Когда мы, Россия, получили право проводить чемпионат мира по футболу, многие коллеги говорили: «зачем нам это надо», «это очень сложно», «это очень дорого, и мы никогда не окупим» и так далее. На сегодняшний день цифры уже какие-то есть — до рубля подсчитано, сколько мы потратили.

Грачева: Давайте их повторим.

Бодрунов: Потратили мы 678 миллиардов рублей. Это деньги, в первую очередь, из федерального бюджета (чуть больше 390 миллиардов рублей), 90 с лишним миллиардов рублей — бюджеты региональные, и примерно 200 миллиардов рублей — это инвестиции частного бизнеса. Это примерно 10 с мелочью миллиардов долларов. А теперь посмотрим, что мы имеем в плюсе. В плюсе мы имеем от FIFA миллиард долларов, мы имеем продажу билетов и прием гостей — это примерно 10–10,5, до 11 миллиардов

долларов. Мы имеем рекламу, медийное пространство — продажа прав и так далее. Это еще примерно 10 миллиардов долларов — все, что связано с медиа, и 5 миллиардов — это спонсорские деньги.

Грачева: Сюда же входит и сувенирная продукция?

Бодрунов: Сюда входит сувенирная продукция, которая, по некоторым оценкам, 100–150 миллионов долларов будет стоить — это не такая большая сумма, так что в первую очередь здесь я имею в виду спонсорские деньги. Итак, все эти позиции в общей сложности приносят примерно 26–28 миллиардов долларов, то есть мы получили очень хороший бизнес. На самом деле наш президент в этом плане, можно сказать, прекрасный бизнесмен, потому что я, например, как предприниматель с удовольствием вложил бы туда, где бы можно было получить 250%.

Грачева: За какой период?

Бодрунов: Основные деньги мы вкладывали недавно — в последние годы перед чемпионатом мира, потому что на первом этапе затраты были не самые крупные. А окупаемость наступает очень быстро, буквально в дни чемпионата мира.

Грачева: То есть не успеет чемпионат мира закончиться, как экономически для бюджета нашей страны он уже окупится, так?

Бодрунов: Уже окупится, да.

Грачева: То есть, если даже сравнивать с теми самыми концессиями (популярное нынче слово)...

Бодрунов: Это выгоднее, на мой взгляд.

Грачева: Например, бизнесмен строит для муниципального образования платную дорогу.

Бодрунов: Если говорить о быстрой окупаемости...

Грачева: Ну, в объезд, скажем, какого-то переезда. Какой средний срок окупаемости концессии на платной дороге?

Бодрунов: О, это может быть и 20, и 30 лет. Дело в том, что такой инфраструктурный проект, как чемпионат мира, имеет пролонгированный эффект. В чем особенность? Знаете, если сравнить с брошенным камнем в воду. Первая волна — мы получили первые деньги, но дальше идут новые волны. Следующая волна — пролонгированный эффект — стадионы будут работать. Но мы за эти деньги построили не только стадионы, будут работать и другие инфраструктурные проекты: мы же построили не только 12 стадионов, а много чего вокруг них — это пространства, которые примыкают к стадионам, это улицы, это железные дороги — у нас построено 2000 километров новых железных дорог...

Грачева: А что уж говорить об обычных дорогах, извечной проблеме нашей страны!

Бодрунов: А обычные дороги — 8000 километров многополосных новых дорог. И эти все затраты вошли в общую сумму. Продолжим: построено, перестроено, модернизировано 30 железнодорожных вокзалов. На дорогах построено 500 развязок, а вспомните про аэропорты, а еще есть инфраструктура связи, информационная инфраструктура, центры, которые создавались под это дело и которые будут продолжать работать. Если стадионы дадут, по оценке Moody's, примерно 100–120 миллиардов рублей в год, то инфраструктурные вещи дадут гораздо больше — 200–300 миллиардов в год. А это к нашему ВВП — ощутимых 0,3–0,4%.

Грачева: Ни для кого не является новостью, что не многие иностранцы охотно едут в Россию по целому ряду причин: и сложности с визами, и пропаганда, которая сейчас ведется даже в близкой к нам Европе. Что уж говорить о далекой Латинской Америке. Как вам кажется, после того как все эти иностранцы увидели Россию как она есть, чего можно ожидать для туризма нашего въездного?

Бодрунов: Это как раз третья волна инвестиционного эффекта для России. Ведь в чем сегодня мы проигрываем: в том, что к нам не идут инвесторы, что мы попадаем в ситуацию, когда нас оболгали со всех сторон, вокруг нас создается негативное информационное поле, а это влияет на бизнес не только как санкции, впрямую, но и в том смысле, что инвестор думает — ну что ж инве-

стировать, если там неизвестно, что может произойти, мы не знаем этой страны или знаем ее с негативной стороны.

Футбольный чемпионат дает возможность узнать Россию с другой стороны, узнать, какова Россия — прекрасная страна с хорошими людьми, с хорошим, крепким бизнесом, устойчивой инфраструктурой и так далее и тому подобное. Я, как предприниматель бывший, могу сказать, что с удовольствием инвестировал бы туда, где устойчивая экономика, где есть доверие к ней. Принято думать: доверие и экономика — это вроде разные и даже иногда несовместимые вещи. На самом деле доверие — это крупнейший неэкономический фактор экономического развития, и повышение уровня доверия к стране — это дополнительный пролонгированный экономический эффект от чемпионата. Проведение такого рода мероприятий на хорошем уровне, с таким хорошим отношением к людям, как сегодня демонстрируют россияне, — это очень хорошо запускает как раз эту третью волну. А это трудно оценить конкретно в рублях и копейках. Это невозможно так просто оценить, но очевидно, что это будет плюс, это будет повышать нашу инвестиционную привлекательность.

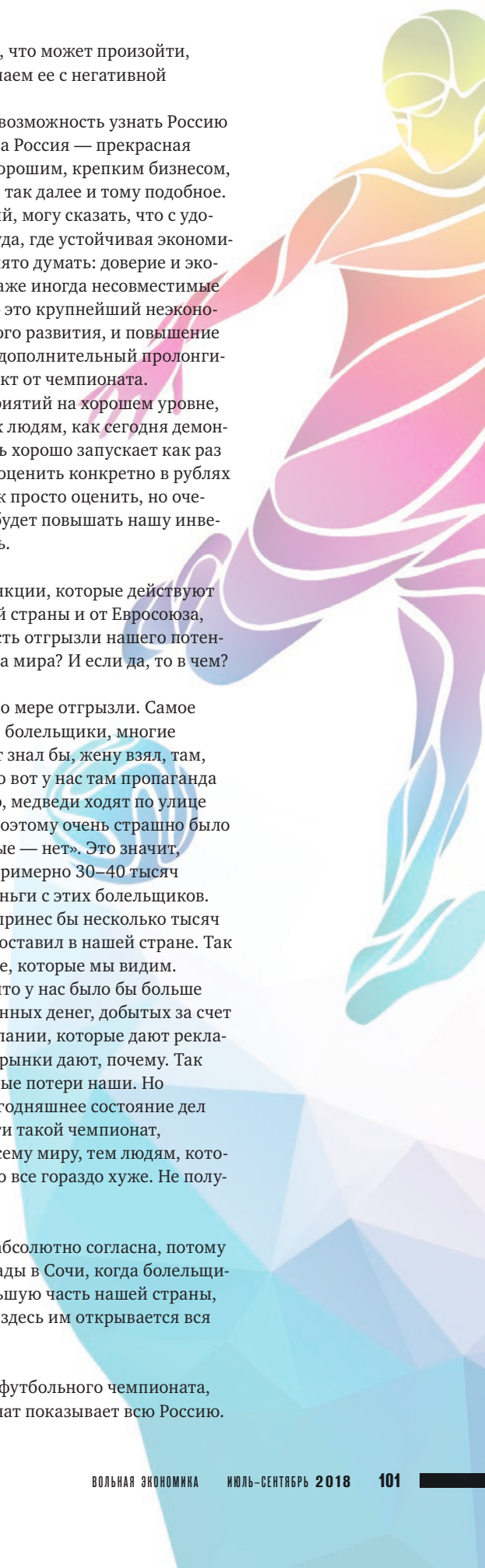
Грачева: Антироссийские санкции, которые действуют четыре года в отношении нашей страны и от Евросоюза, и от Америки, они какую-то часть отгрызли нашего потенциального дохода от чемпионата мира? И если да, то в чем?

Бодрунов: Конечно, в какой-то мере отгрызли. Самое известное в СМИ — британские болельщики, многие из которых сейчас говорят: «Вот знал бы, жену взял, там, подругу, приехали бы вместе, но вот у нас там пропаганда такая, что в России невозможно, медведи ходят по улице и задирают прямо на месте. И поэтому очень страшно было ехать. Вот я приехал, а остальные — нет». Это значит, что команда Англии потеряла примерно 30–40 тысяч болельщиков, а мы потеряли деньги с этих болельщиков. Как ни считай, каждый из них принес бы несколько тысяч долларов или евро, которые бы оставил в нашей стране. Так что это, конечно, потери прямые, которые мы видим.

Если бы не санкции, думаю, что у нас было бы больше и рекламы, больше инвестиционных денег, добытых за счет чемпионата, потому что те компании, которые дают рекламу, они тоже смотрят, на какие рынки дают, почему. Так что есть и в этом плане некоторые потери наши. Но я думаю, что в любом случае сегодняшнее состояние дел в России позволяет нам провести такой чемпионат, что, извините, мы утерли нос всему миру, тем людям, которые хотели бы, чтобы у нас было все гораздо хуже. Не получается. У нас все нормально.

Грачева: Да, с этим я с вами абсолютно согласна, потому что, даже в отличие от Олимпиады в Сочи, когда болельщики могли увидеть только небольшую часть нашей страны, скажем, олимпийский кластер, здесь им открывается вся Россия.

Бодрунов: В этом — отличие футбольного чемпионата, и это великолепно, что чемпионат показывает всю Россию.

THE WORLD CUP PAID OFF BEFORE IT FINISHED

The World Cup Paid off Before It Finished

The World Cup is not only a sports holiday but also a huge investment in the economy. Professor Sergei Bodrunov, President of the FES of Russia and the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte INID, told Vesti what kind of investments were involved and whether it all was about money.

Ekaterina Gracheva (Vesti 24): Can you tell how much our country spent on the organization of the World Cup and when all these expenses will pay off?

Sergei Bodrunov: First and foremost, I, of course, am a football fan and like everybody else I screamed myself hoarse these days, but as an economist I can say that in fact the World Cup 2018 is a very large investment and infrastructure project. When we, Russia, were chosen to host the FIFA World Cup, many of my colleagues said: “do we really need this?” “it’s too difficult,” “it’s too expensive, and we will never get our money back,” and so on. Today, we already have some figures — our expenses have been counted to the ruble.

Gracheva: Let’s repeat the figures.

Bodrunov: We spent 678 billion rubles. The money is primarily from the federal budget (slightly more than 390 billion rubles), 90-odd billion rubles from the regional budgets, and about 200 billion rubles from private business investments. It’s approximately 10 billion dollars and change. And now let’s

see what advantages we’ve got. We’ve got a billion dollars from FIFA, we got to sell the tickets and receive guests — it’s approximately 10-10.5, up to 11 billion dollars. We’ve got advertising, media space — sale of rights and so on. It’s another \$10 billion, everything that’s related to the media, and \$5 billion in sponsorship money.

Gracheva: Does this include merchandise?

Bodrunov: This includes merchandise, which, according to some estimates, will cost 100-150 million dollars — it’s not such a large amount of money, so I primarily think of it as sponsorship money. So, all these positions will in aggregate bring nearly 26-28 billion dollars, that is, we’ve got a very good business. In fact, you can say our president is a fine businessman in this regard, because I, for example, as an entrepreneur would gladly invest in a project which would make me 250% profit.

Gracheva: Over what period?

Bodrunov: Most of the money was invested recently — just

before the World Cup, because at the initial stage the costs were lower. And the payoff will come very quickly, literally during the days of the World Cup.

Gracheva: Do you mean that, economically, as far as the budget is concerned, the World Cup will pay off before it even finishes?

Bodrunov: It will have paid off, yes.

Gracheva: Even if we compare it with those concessions (a popular word today) ...

Bodrunov: It's more profitable, in my opinion.

Gracheva: For example, a businessman builds a paid road for a municipality.

Bodrunov: If we talk about quick payback...

Gracheva: Well, a road to bypass some railway level crossing. What is the average payback period for a concession on a toll road?

Bodrunov: Oh, it can be 20 or 30 years. In fact, an infrastructure project like the World Cup has a prolonged effect. What's so special about it? You can compare it to a stone thrown into the water. The first wave is when we've got our first money, but new waves just keep coming. The next wave (the prolonged effect) means the stadiums will still be there. But we didn't use the money only to build stadiums, other infrastructure projects will be in operation as well: we have not only built 12 stadiums, we have also built many things around them: public spaces adjacent to the stadiums, streets, railways — we've built 2,000 kilometers of brand-new railways ...

Gracheva: Let alone ordinary roads, our country's ever-present problem!

Bodrunov: 8,000 kilometers of brand-new multilane roads. And these costs are all included in the total amount. Let's continue: 30 railway stations have been built, rebuilt and modernized. 500 road junctions, and don't forget the airports, communications infrastructure, data transmission infrastructure; the centers that were built to manage the infrastructure will continue to operate. If according to Moody's estimate the stadiums will bring approximately 100-120 billion rubles a year, the infrastructure will bring a lot more — 200-300 billion a year. And this is a substantial 0.3-0.4% addition to our GDP.

Gracheva: Everybody knows that few foreigners are willing to go to Russia for a number of reasons: visa complications and the propaganda campaigns which are even now being conducted in Europe, quite nearby. To say nothing of the distant Latin America. Now that all these foreigners have seen Russia as it is what can we expect from tourism?

Bodrunov: For Russia, it will be the third wave of investment.

After all, we are losing today because investors are ignoring us, and we are in a situation where we have been slandered from every direction and a negative information field has been created around us, and this affects business, not just in a direct way, because of sanctions, but in the sense that the investor thinks: "Why invest when the situation there is unpredictable, we do not know this country or we know it from the negative side."

The World Cup provides an opportunity to see the other side of Russia, to find out what Russia really is like — a beautiful country with good people, strong business, stable infrastructure and so on and so forth. I, as a former entrepreneur, can say that I would gladly invest in a stable and trusted economy. It is often believed that trust and economy are two different and sometimes even incompatible things. In fact, trust is the largest non-economic factor of economic development, and increasing the level of confidence in the country provides an additional prolonged economic effect from the championship. Hosting events of this kind at a high level, with such a strong hospitality as Russian people have shown, is very good for driving this third wave. And it's difficult to measure in rubles and kopecks. It's impossible to provide a simple estimate, but it is obvious that this will be a plus, this will increase our investment attractiveness.

Gracheva: As regards the anti-Russian sanctions imposed by the European Union and the United States, which have been in effect for four years, have they somehow gnawed away at our potential earnings from the World Cup? And if so, how in particular?

Bodrunov: Of course, to some extent they did chew away at it. The British fans, who are all over the media, say: "Well, had I known, I'd had taken my wife or girlfriend along, we'd have traveled together, but our propaganda said it was impossible and you had bears walking the streets and killing people in Russia. We were afraid to go. So I went, and the others didn't." This means that the British team lost about 30-40 thousand fans, and we lost money from these fans. In any case, each of them would have brought several thousand dollars or euros to spend here. So these losses are direct and obvious.

If it hadn't been for the sanctions, we would have had more advertising and more investment money flowing in on account of the World Cup, because the advertisers are carefully watching the markets where they buy ad space. So there have been some losses in this regard. But in any case, the current state of affairs in Russia does allow us to host such events, and, sorry, we outstripped everybody else, although many expected us to fail. Well, we didn't. We're fine.

Gracheva: Yes, I absolutely agree with that, because unlike the Sochi Olympics, when the fans could see only a small part of our country, the Olympic cluster, now the entire Russia is open to them.

Bodrunov: This is how the World Cup is different, and it's great that it has put the whole of Russia on display.

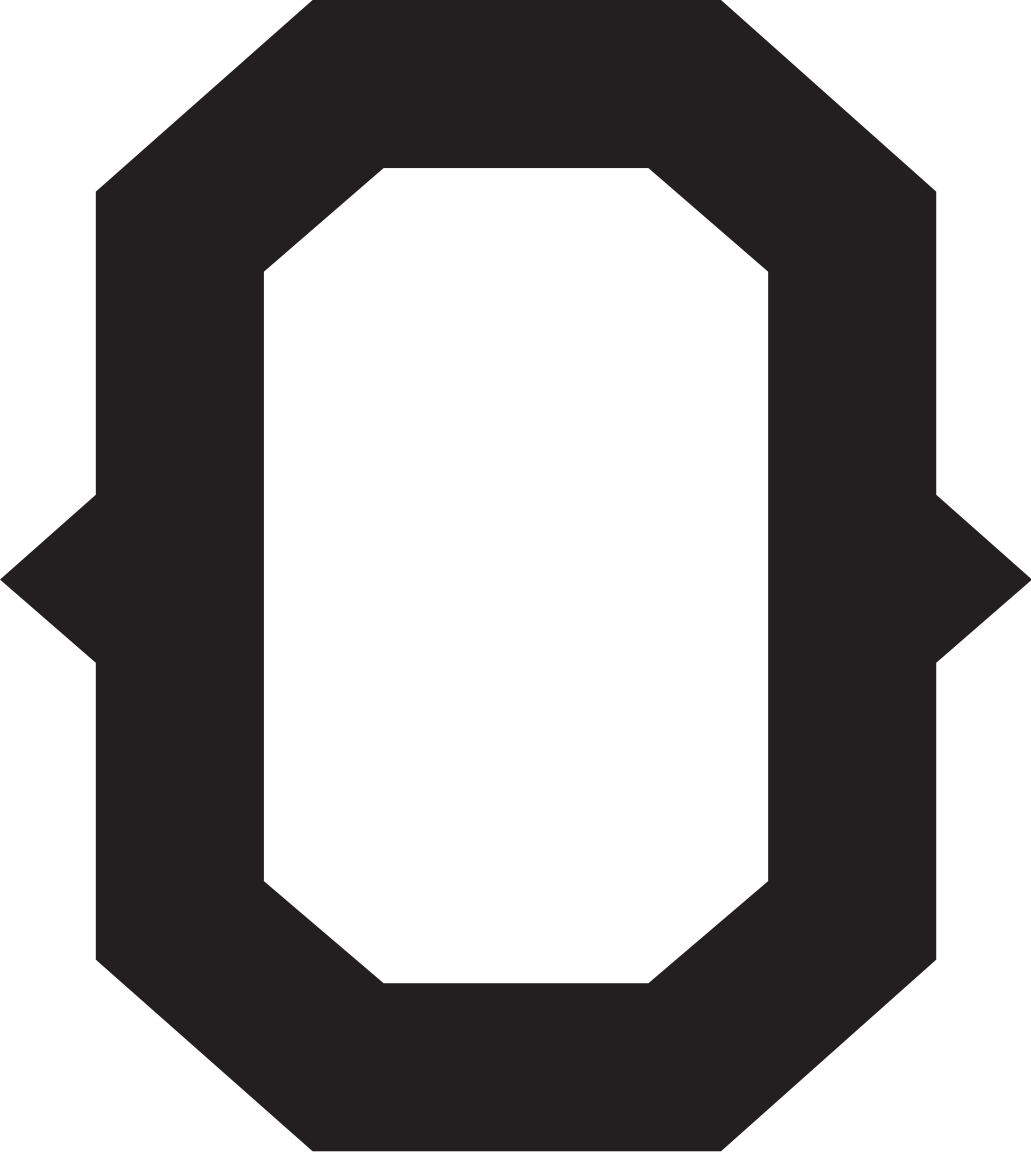
УНИВЕРСИТЕТ ПО СКАЙПУ

**Российский сегмент EdTech
в ближайшие пять лет будет расти на 20% в год**

Главный тренд в развитии российского образования такой же, как и во всем мире, — цифровизация. Чтобы получить профессию или дополнительное образование, больше не надо сдавать экзамены и посещать занятия — достаточно доступа в интернет. В образовательные онлайн-платформы готовы вкладываться и государство, и вузы, и компании.

Одна за всех

На встрече с ректорами ведущих российских вузов в начале июля премьер-министр Дмитрий Медведев подчеркнул, что онлайн-образование в России должно проходить на единой платформе с участием крупнейших вузов, сосуществуя с традиционным обучением. Одновременно с этим, по словам главы правительства, могут развиваться и другие любительские курсы. «Но если мы хотим, чтобы у нас онлайн-образование развивалось как в том числе общественно-образовательный проект, такая платформа должна быть именно большой и включающей в себя ведущие университеты. Тогда к ней будет доверие», — подчеркнул Медведев.

Единая образовательная онлайн-платформа в России уже есть — в 2015 году заработала Национальная платформа открытого образования, в создании которой принимали участие восемь ведущих российских вузов (МГУ, СПбГУ, СПбПУ, НИУ ВШЭ, НИТУ «МИСиС», УрФУ и ИТМО). Аудитория ее, по замыслу создателей, очень широкая — формальных ограничений нет, не нужно сдавать экзамены, нет требований и к базовому образованию. То есть попробовать освоить какой-нибудь курс может даже школьник. Но все же основная предполагаемая аудитория — студенты, которые хотят освоить дополнительную к своей основной программе дисциплину.

Минобрнауки настолько увлекся цифровизацией, что появились опасения — через несколько лет бумажные учебники из школ вообще исчезнут, а дети не будут писать от руки. Однако в ведомстве эти тревоги назвали напрасными. «Все эти разговоры лишены оснований, бумажные учебники, книги, конечно же, останутся, — рассказала в интервью «Российской газете» глава Министерства Ольга Васильева. — Почему-то все забыли про санитарные правила и нормативы, которые строго регулируют использование компьютеров, других технических средств в школе. Началась работа, направленная на проведение исследований, как гаджеты влияют на здоровье детей, их возможности».

Пока чиновники исследуют, образовательные платформы для школьников развиваются. Такую представили, например, компания «Яндекс» и издательство «Просвещение». С ее помощью ученики могут выполнять задания онлайн и сразу видеть свои успехи, а учителя — следить за прогрессом каждого ребенка, рассказали в пресс-службе «Яндекса». На платформе доступны более 16 тысяч заданий по математике для начальной школы, а недавно к ним прибавились уроки по русскому языку. Сейчас платформа работает в тестовом режиме, ее используют в 100 классах из школ в разных городах России.

Платформа собирает статистику: сколько времени ребенок потратил на то или иное задание, как решал, где допускал ошибки. Для этого используются технологии «Яндекса» в области обработки больших данных. Анализ статистики помогает выявить наиболее сложные темы и построить индивидуальные образовательные программы.

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРАХ

Сейчас на национальной платформе доступны более 300 курсов по различным направлениям подготовки — от высшей математики и ядерной физики до психологии и истории искусства. Приоритетный проект Министерства образования и науки «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» предусматривает, что к 2025 году число учащихся на онлайн-курсах в России достигнет 11 миллионов человек. Для этого уже к 2020 году должно быть создано не менее 3500 онлайн-курсов для всех уровней образования, в том числе школьного.

В НОГУ СО ВСЕМ МИРОМ

Дистанционное образование во всем мире сегодня развивается в двух направлениях. Первое — это онлайн-платформы, предоставляющие доступ к массовым открытым онлайн-курсам (МООС). Это, например, наша национальная платформа, а в мире — Coursera, EdX, Udey, Udacity и другие. По данным College Data, число студентов Coursera сегодня превышает 23 миллиона человек, EdX — 10 миллионов, Udacity — 4 миллиона (средний традиционный университет в мире при этом насчитывает от 5 до 20 тысяч студентов).

Второе направление — это корпоративные онлайн-курсы, которые разрабатывают сами компании. Например, PR-агентства учат основам продвижения бренда, а IT-компании — писать программы и осваивать компьютерные языки.

В России EdTech-стартапы стремительно развиваются. Среди самых известных — «Нетология», проект объединяет сразу несколько образовательных продуктов (курсы по маркетингу и программированию, программы переподготовки, корпоративное обучение). Также популярна платформа Skyeng для изучения английского языка. С помощью анализа данных система подстраивает программу под конкретного ученика. Машинное обучение позволяет прогнозировать, сколько часов потребуется конкретному человеку на освоение языка.

Мировой EdTech, по оценкам экспертов, до 2023 года будет расти более чем на 5% в год. Сегодня его объем — около 165 миллиардов долларов, причем Россия — один из драйверов роста. Наиболее стремительно растут компании, которые разрабаты-

вают цифровые образовательные решения на игровых механиках (плюс 22,4% роста в год до 2021 года) и на симуляции реальных процессов (плюс 17% в год). В высшем и профессиональном образовании развивается смешанное обучение — сочетание дистанционного с очными занятиями. Та же «Нетология-групп», например, вернулась к миксу «онлайн — офлайн» в рамках курса «Директор по онлайн-маркетингу».

Смешанное обучение подходит для длительных, комплексных программ, предполагающих приобретение сложных профессиональных навыков.

На встрече с ректорами премьер Дмитрий Медведев обратил внимание, что онлайн-курсы «в любом университетском сообществе изначально встречаются в штыки». Большинство преподавателей, по его словам, уверены, что это халтура, и не воспринимают онлайн серьезно. «Но плыть против течения в этом направлении неверно. Наша задача, задача государства — сделать таким образом, чтобы онлайн-курсы были качественными», — сказал Медведев и заверил, что российская система образования не будет отказываться от очного обучения.

Впрочем, судя по всему, это не совсем так: в ведущих российских вузах идут в ногу со временем. Например, в НИУ ВШЭ с 2017/2018 учебного года каждый студент обязан включать в свой учебный план онлайн-курс. На международной конференции лидеров онлайн-образования ректор вуза Ярослав Кузьминов признался, что это было сложное решение, с которым многие спорили и говорили, что это снижение качества образования. Однако сам Кузьминов уверен, что хорошо проработанные онлайн-курсы нельзя назвать второсортными. К тому же внедрение онлайн-курсов, по его словам, может быть выгодным для вузов с финансовой точки зрения. Как отметил Кузьминов, стоимость создания одного онлайн-курса в российской системе образования составляет от 500 тысяч до 1 миллиона рублей, стоимость их поддержания (инфраструктура

ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ РЫНКА EDTECH В РОССИИ, КОТОРОЕ ПРОВЕЛА «НЕТОЛОГИЯ-ГРУПП», ОБЪЕМ ВСЕГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЫНКА К 2021 ГОДУ ДОСТИГНЕТ 2 ТРИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ, ИЗ НИХ ОНЛАЙН-СЕКТОР — 53,3 МИЛЛИАРДА (2,6%). ОН БУДЕТ РАСТИ НА 20% ЕЖЕГОДНО

для постоянного обновления онлайн-курсов) — до 200 тысяч в год. Вузы, создающие онлайн-курсы, могли бы заключать сетевые соглашения с вузами, которые хотели бы их приобрести.

При этом, как полагает Кузьминов, для создателей курсов нужен механизм компенсации затрат. Для реципиентов экономический эффект будет только в том случае, если они смогут замещать целые блоки курсов. По оценкам ВШЭ, замещение офлайн-курсов онлайн-курсами будет экономить 70% стоимости традиционных курсов.

ДИПЛОМ «РУЛИТ»

По данным исследования «Нетологии», в сегменте EdTech наиболее денежны сегодня профессиональное и высшее образование — они приносят 7 и 6,8 миллиарда в год соответственно. Эксперты отмечают, что в чистом виде онлайн-образование вряд ли когда-либо полностью вытеснит очное. Но оно точно может быть очень хорошим дополнением или полноценным средством реализации определенных программ. Дистанционный формат может быть четко стандартизован, когда в этом есть необходимость, он позволяет организовывать взаимодействие в удаленных точках, набирать группы самых разных размеров. При этом есть процессы, где крайне важно личное взаимодействие учителя и ученика. Например, очный контакт позволяет преподавателю лучше видеть и оценивать учеников, их изначальный уровень знаний и навыков и происходящий прогресс. А это важно на любом уровне образования — и в школе, и в вузе, и в бизнес-среде.

«Как школа, так и вуз дают ученикам и студентам навыки социальной коммуникации — и со сверстниками, и с учителем, а также несут в себе воспитательный аспект. А это совершенно невозможно и неправильно делать дистанционно. Поведенческие вещи все равно завязаны на коммуникации, и обучение им всегда будут иметь элемент традиционного образова-

ния», — отметил консультант Korn Ferry Денис Круглов. По его словам, внедрение дистанционных форм и комбинация методов в образовании — долгий и сложный процесс, велика цена ошибки. Эта сфера инертна в любой стране. Особенно это касается школьного и вузовского образования. В бизнес-образовании процессы идут чуть проще, но важно учитывать тот факт, что в России бизнес сам по себе довольно молод, добавил Круглов.

Еще один фактор, влияющий на развитие онлайн-образования, — это отношение к нему работодателей. Классические работодатели пока не очень готовы к специалистам, получившим навыки онлайн, полагает первый вице-президент «Опоры России» Павел Сигал: «Сказывается старое представление о таком образовании: я заплатил, значит, давайте диплом. Это пережиток, но он оказывает влияние. На самом деле, иногда удаленное обучение даже более эффективно может быть для человека, способного к самоорганизации, чем очная форма. Задача HR как раз и состоит в том, чтобы понять, какого плана человек перед ним и насколько он мотивирован. Чем выше мотивация, тем лучше было качество онлайн-образования именно для него».

С этим согласен и Денис Круглов. При подборе кандидатов работодатели, по его словам, в первую очередь обращают внимание на конкретные навыки, личностные качества, мотивацию и т. д., а не на «корочку». Если после прохождения дистанционного обучения кандидат обладает знаниями и навыками хорошего качества, это, как правило, проясняется в процессе подбора — собеседования и других испытаний на соответствие конкретной позиции. «Тем не менее при очень большом потоке кандидатов и определенной специфике вакансии рекрутер может смотреть на престиж диплома и отдавать предпочтение кандидатам, имеющим более престижный диплом. И тут пока еще очные программы в приоритете», — констатировал эксперт.

Автор: Надежда Пелевина

ПО ДАННЫМ «НЕТОЛОГИИ»,

в сегменте EdTech наиболее денежны сегодня профессиональное и высшее образование — они приносят 7 и 6,8 миллиарда в год соответственно.

ЭКОНОМИКА? НЕТ, НООНОМИКА!

Научное сообщество позитивно восприняло теорию президента ВЭО РФ

Книга «Ноономика» президента ВЭО России и Международного союза экономистов, директора Института индустриального развития им. С.Ю. Витте получила награду «За выдающийся вклад в развитие политэкономии в XXI веке» Всемирной политэкономической ассоциации в Берлине.

Отзывы о книге:

Самир Амин, профессор, директор Форума третьего мира (Дакар):

— В процессе чтения я узнал много нового для себя. По моему мнению, автора отличает тонкое и крайне полезное ощущение исторических изменений и трендов, которые обуславливают эволюцию общества. Предлагаемая концепция наглядно иллюстрирует идею Маркса о грядущем переходе к коммунизму как более высокой ступени развития социума.

Дэвид Лэйн, почетный профессор Колледжа Эммануэль, Кембридж:

В «Ноономике» получают свое дальнейшее развитие теории Д. Белла, Дж. К. Гэлбрейта и М. Кастельса о переходе капиталистического общества к индустриальному и постиндустриальному социальному устройству. Новаторство подхода С.Д. Бодрунова заключается в рассмотрении данного перехода с позиций ноопроизводства и ноономики. В результате привлечения большого количества справочных материалов книга содержит массу полезной и интересной информации. На основа-

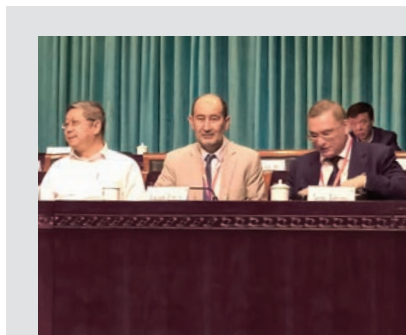
Фото: Friedrich Bungert

нии анализа многочисленных источников автором дается критическая оценка неолиберального экономического фундаментализма... По мнению С.Д. Бодрунова, развитие экономики знаний, то есть систем экономического управления, цифровых и когнитивных технологий, тесно связано с возник-

новением нового типа постиндустриальной цивилизации... С.Д. Бодрунов обосновывает необходимость реиндустриализации России и подчеркивает, что движение в этом направлении должно осуществляться с учетом современных тенденций и основываться на развитии новых технологий.

Джеймс К. Гэлбрейт, профессор Техасского университета в Остине:

— Данная монография представляет собой фундаментальное исследование источников благосостояния и необходимости интеграции технологии и культуры при создании экономики знаний в условиях экологических вызовов и ограниченных ресурсов. Западному читателю будет особенно интересно то, как Сергей Бодрунов в рамках развития своей теории синтезирует российские и западные экономические концепции, в том числе идеи, представленные в работах моего отца — Джона К. Гэлбрейта. «Ноономика» является эталоном транснационального и межкультурного научного анализа.

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ПО МАРКСИЗМУ

5-6 мая 2018 года в Пекинском университете состоялся 2-ой Всемирный конгресс по марксизму. В Конгрессе приняла участие делегация ВЭО России в составе президента Общества, вице-президента, профессора Александра Бузгалина и других членов ВЭО. В рамках Конгресса Сергей Бодрунов также представил книгу «Ноономика». По словам президента ВЭО, мы наблюдаем рождение качественно нового феномена — ноономики, хозяйственной системы, которая отличается от экономики отсутствием отношений между людьми в процессе материального производства.

ECONOMY? NO, NOONOMY!

Scientists worldwide meet positively the Free Economic Society of Russia President's Theory

The book *Noonomy* written by Sergei Bodrunov, President of the FES of Russia and the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, received an award for outstanding contribution to the development of political economy in the 21st century of the World Economic and Political Association in Berlin.

About the book:

Prof. Samir Amin, Director of the Third World Forum

— That reading was very informative for me. I think that you have a strong useful sense of the historical change through which our society is moving. The concept that you suggest does help giving flesh to Marx's vision of future communism as a higher stage in the history of mankind.

**Prof. David Lane
Emeritus Reader in Sociology,
Emeritus Fellow of Emmanuel College**

— *Noonomy* develops ideas earlier presented by Daniel Bell, J.K. Galbraith, and Manuel Castells which interpret the transition of capitalist societies from an industrial to a post-industrial type of society. The book is innovative and predicated on a discussion of nooproduction and the noonomy. It is a well-referenced and informative book and provides a critique of neo-liberal economic fundamentalism. It introduces English language readers to the Russian discussion of the noosphere concept by writers such as Vladimir Vernadsky. The author links systems of economic management, digital and cognitive

Photo by Friedrich Bungert

technologies — the knowledge based economy — to the emergence of a new type of post-industrial civilisation. The book brings out the importance of understanding future technologies and the horizons they open up for human development. This is an interesting book which raises many fundamental

questions not only in economics but also in public policy, particularly with regard to the environment. Sergei Bodrunov not only brings out the urgency of the 're-industrialisation' of Russia but also emphasises the need for such development to be modern and embedded in new technology.

Prof. James K. Galbraith, The University of Texas at Austin

— A deep inquiry into sources of well-being and the need for an integration of technology and culture in constructing a knowledge economy under environmental challenges and resource constraints. Western readers will especially value Sergey Bodrunov's synthesis of Russian and Western texts — notably those of my father — in the development of his ideas. *Noonomy* is a model, among other things, of transnational and cross-cultural research and reasoning.

WORLD CONGRESS ON MARXISM

On May 5-6, 2018, the 2nd World Congress on Marxism was held at Peking University. The FES of Russia delegation, composed of the President of the Society, the Vice-President, Professor Alexander Buzgalin and other FES members, took part in the Congress. As part of the Congress Sergei Bodrunov presented his book *Noonomy*. According to the President of FES, we are witnessing the birth of a qualitatively new phenomenon, noonomy, an economic system that differs from economy by the lack of relations between people in the process of material production.

III МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ОЛИМПИАДА ПО ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ, ОРГАНИЗОВАННАЯ ФИНАНСОВЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ И ВОЛЬНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ РОССИИ.

Олимпиада — одно из многочисленных мероприятий Фестиваля экономической науки ВЭО России. Участниками Олимпиады стали команды Абхазского государственного университета, Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко,

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Места распределились сле-

дующим образом: 1-е место — Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (54 балла). 2-е место — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (53 балла). 3-е место поделили между собой два вуза: Абхазский государственный университет и Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (43 балла). 4-е место — Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К.А. Тимирязева (24 балла).

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МАРКСИЗМ И ВРЕМЯ»

Конференция стала частью Мемориума ВЭО России, приуроченного к 200-летию со дня рождения Карла Маркса, в рамках которого проходит много мероприятий как в России, так и в других странах мира. Открывая конференцию, Михаил Эскиндаров, вице-президент ВЭО России, ректор Финансового университета при Правительстве РФ, напомнил об историческом значении фигуры мыслителя:

«Маркс — человек, который всю жизнь посвятил исследованию общественно-политических трансформаций, изучению сущности капиталистического строя, его истоков, состояния и перспектив развития. Он был не только великим мыслителем, философом, социологом, политологом, экономистом, политическим исследователем, публицистом, но и защитником прав и свобод трудящегося человека. Идеи

Маркса заставили многие страны пересмотреть свою социальную политику и взгляды на развитие». Профессор Сергей Бодрунов, президент ВЭО России, отдал должное прозорливости Карла Маркса, предвидевшего колоссальный рост роли знаний в производстве, и рассказал о начинающемся переходе к новому индустриальному обществу второго поколения, НИО.2, в котором возрастет роль знания и произойдет постепенное вытеснение

человека из непосредственного участия в процессе материального производства. «Если мы хотим вскочить в поезд, везущий нас в будущее, его надо создавать уже сейчас. Нужно мыслить стратегическими перспективами на десятки лет вперед. И у нас остается не так много времени, чтобы понять эти перспективы и выработать линию поведения, которая сможет привести нас в лучшее будущее», — заявил президент ВЭО России.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ VIII «АБАЛКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ» «РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ» В РЭУ ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА

Президент ВЭО России Сергей Бодрунов выступил с докладом «Санкции. История, классификация, эффективность». Виктор Ивантер, действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель

Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, высказался о мерах, которые позволят реализовать основные положения экономического блока Послания Президента РФ. Член Президиума ВЭО России, заместитель директора ЦЭМИ РАН Георгий Клейнер представил доклад «Открытая экономика, импортозамещение, автаркия: в поисках стратегического ориентира развития отечественной экономики», в котором предложил ряд механизмов развития отечественной экономики. Виктор Гришин, вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ им. Г.В. Плеханова подчеркнул, что санкции против России останутся активными еще не один год и главное, к чему мы должны стремиться, — это доверие.

ВЫСТАВКА «ЭТО МАРКС?!»

Открылась в Государственном центральном музее современной истории России. Организовали ее Российское историческое общество при участии Вольного экономического общества России.

На открытии с приветственным словом выступил Руслан Гринберг, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН. Выставляются более 400 экспонатов, среди них — черновые рукописи «Капитала», первое издание «Манифеста Коммунистической партии», выписки полицейских досье и докторский диплом, рабочее кресло и чернильница, переписка с соратником и другом Энгельсом и любовные письма к жене Женни — «самой красивой девушке Трира и царице балов», как писал в одном из посланий сам Маркс.

ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ЛАУРЕАТОВ XXI ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ МОЛОДЕЖИ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ» В МЕДИАЦЕНТРЕ «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ»

Маргарита Ратникова, вице-президент, директор ВЭО России, рассказала о широкой географии конкурса: «Во всероссийский этап конкурса вышли работы из 70 городов, 8 сельских поселений 56 субъектов Российской Федерации».

Высшая награда конкурса — премия имени академика Л.И. Абалкина — была присуждена в этом году Андрею Попову, младшему научному сотруднику Вологодского научного центра РАН, за работу «Распространение неустойчивой занятости как ограничитель экономического роста России».

1-е место среди учащихся 9–11 классов образовательных организаций среднего общего и профессионального образования России заняли Наталья Пряжникова, учащаяся 2-го курса ГБПОУ Воронежской области «Воронежский государственный промышленно-экономический колледж» (г. Воронеж), за работу «Дифференциация доходов населения как сдерживающий фактор экономического роста России» и Давид Мнацаканян, учащийся 11-го класса МАОУ «Гимназия № 32» (г. Калининград), за работу «Перспективы регионального ипотечного кредитования»

1-е место среди студентов высших учебных заведений России заняли: Динара Садыкова, студентка 4-го курса факультета прикладной математики и информационных технологий ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» (г. Москва), за

работу «Разработка подхода к инжинирингу бизнеса, основанному на сервисной модели» и Иванна Попыкина, студентка 4-го курса факультета «Менеджмент» Курского филиала ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Курск), за работу «Диверсификация экономики российских регионов: измерения и тенденции».

1-е место среди аспирантов, научных сотрудников, соискателей научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений России: Мария Окунь, аспирант кафедры государственной политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (г. Москва), за работу «Взаимосвязь направлений государственной политики в обеспечении экономического роста России (в контексте определения стратегии социально-экономического развития страны)»; Мария Сазонова, аспирант кафедры «Финансы, денежное обращение и кредит», специалист по учебно-методической работе кафедры «Финансы, денежное обращение и кредит» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (г. Челябинск), за работу «Управление человеческим капиталом промышленного предприятия в условиях инновационной экономики».

ФОРУМ «МАРКС — XXI»

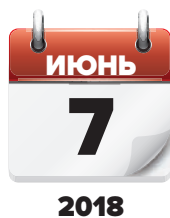
Форум организован МГУ им. М.В. Ломоносова при поддержке ВЭО России. Сергей Бодрунов, президент ВЭО России, был избран сопредседателем

программного комитета Форума. 18 мая президент ВЭО России представил концепцию ноономики — разработку, частично основанную на марксистской методологии, которая составит основу общества будущего и имеет шанс

состояться при рациональном развитии человеческой цивилизации. «Если мы хотим вскочить в поезд, везущий нас в будущее, его надо создавать уже сейчас. Нужно мыслить стратегическими перспективами на десятки лет вперед. И у нас остается не так много времени, чтобы понять эти перспективы и выработать линию поведения, которая сможет привести нас в лучшее будущее», — заявил президент ВЭО России.

Маргарита Ратникова, вице-президент, директор ВЭО России, приняла участие в одном из круглых столов форума, посвященного «Капиталу» Карла Маркса и пореформенной России. Директор ВЭО

России рассказала о том, как члены Вольного экономического общества России изучали «Капитал» Карла Маркса, пытались критически переосмыслить и развивать его идеи. В ту пору многие передовые доклады, представленные на заседаниях Императорского вольного экономического общества, были проникнуты духом «Капитала». Более того, члены Общества стали основателями группы так называемых легальных марксистов. Одни из самых ярких представителей этого течения — Петр Бернгардович Струве и Михаил Иванович Туган-Барановский. Оба — активные члены Императорского вольного эконо-

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК ОСНОВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА И ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ», ОРГАНИЗОВАННАЯ КАФЕДРОЙ «МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ» МАИ И ВЭО РОССИИ

Роман Голов, член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, открыл конференцию докладом, в котором обозначил ключевые драйверы развития высокотехнологичной промышленности. По мнению профессора, их три — это развитие машиностроения — сектора, где занято больше всего людей и где формируется значительная часть ВВП, повышение энергоэффективности экономики России и подготовка профессионалов-практиков на основе модели «Университет 3.0», которая уже реализуется в МАИ. «Китай, Германия, США, Япония — лидеры рынка мирового машиностроения. Доля российской продукции в мировой торговле составля-

ет всего 0,8%. Это неприемлемо низкий показатель для промышленно развитой страны!» — отметил Роман Голов.

В связи с этой неутешительной статистикой профессор обозначил приоритеты инновационного развития российского машиностроения. По мнению ученого, это в первую очередь комплексная модернизация и автоматизация производства, развитие кооперации между предприятиями, научно-исследовательскими и научно-образовательными и инвестиционными структурами, формирование системного кадрового взаимодействия между машиностроительными предприятиями и ведущими вузами России и повышение энергетической эффективности машиностроительных предприятий. В качестве системно-

го подхода к энергосбережению на промышленных предприятиях Роман Голов предложил реализацию энергосервисных проектов и в нескольких словах обрисовал механизм энергосервисного контракта. «Энергосервисная компания за свой счет организует весь спектр энергосберегающих мероприятий на предприятии. Экономия, которая возникает от реализации этих мероприятий, делится в определенной пропорции между энергосервисной компанией и предприятием. Энергосервисный контракт заключается на срок от пяти до семи лет. Компания за этот срок возвращает все инвестиции, а все системы остаются на предприятии и продолжают снижать энергоемкость и повышать конкурентоспособность отечественной

продукции», — объяснил докладчик. Пока одной из основных сложностей остается отсутствие нормативно-правовой базы для реализации этого механизма. Роман Голов предложил внести ряд поправок в 261-й Федеральный закон «Об энергосбережении...». А также разработать профильный закон «Об энергосервисной деятельности». В этом контексте важным шагом стало создание в рамках ВЭО России структуры, способной решить эти задачи, — Комитета по энергоэффективности. Андрей Сорокин, заведующий кафедрой «Экология, системы жизнеобеспечения и безопасность жизнедеятельности» МАИ, отметил, что вопрос энергоэффективности тесно связан с проблемами экологической безопасности.

«В последние годы в России активно развивается наукоемкий сектор промышленности, в связи с чем возрастает важность сохранения экологической обстановки и обеспечения экологической безопасности», — отметил доцент. Андрей Сорокин привел интересную статистику по экологической обстановке: за период с 2005 по 2015 гг. затраты РФ на предотвращение загрязнения воздуха возросли в два раза, причем эффективность этих мероприятий была не очень высока — показатели концентрации вредных веществ в воздухе упали всего на 24%. «Значит, нужно применять новые методы, подходить целостно, рассматривать производства не только с точки зрения извлечения прибыли, но и — влияния на социум, окружающую городскую среду», — резюмировал докладчик.

Михаил Ершов, член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, посвятил свое выступление финансовому аспекту развития высокотехнологичных отраслей. По мнению ученого, развитие высокотехнологичных направлений в России тормозят низкие расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР): наша страна занимает лишь 28-е место в мире по уровню расходов на эту сферу. Михаил Ершов отметил, что для финансирования НИОКР очень важны бюджетные ассигнования, но ситуация пока неутешительная — федеральный бюджет РФ будет и дальше сокращаться. Другая проблема — процентные ставки. Даже несмотря на их снижение, они по-прежнему остаются выше рентабельности большинства отраслей экономики. В качестве решения Михаил Ершов предложил увеличение длины финансовых ресурсов и сни-

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ВЫБЕРЕТ «ЭКОНОМИСТА ГОДА»

11 ноября 2018 года состоится церемония награждения победителей Общероссийской высшей общественной экономической премии «Экономист года», учрежденной Вольным экономическим обществом России. Премия — главная награда для российского экономического сообщества, которая приурочена к профессиональному празднику «День экономиста», учрежденному на основе Распоряжения Правительства России. Впервые церемония награждения премией «Экономист года» состоялась 11 ноября 2017 года в Государственном Кремлевском дворце. Наряду с престижными профессиональными наградами России: «Юрист года», «Учитель года», премия является признанием профессиональных заслуг перед обществом и государством. Премия входит в комплекс мероприятий Всероссийского экономического собрания, посвященного профессиональному празднику «День экономиста», которое проводится ВЭО России при содействии Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

жение ставок — это расширит потенциал для развития НИОКР и повысит конкурентные возможности российских компаний.

Игорь Степнов, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, отметил, что для научно-технологического прорыва нужны цифровые решения, новые компетенции, что, в свою очередь, требует нового управления. «Мы попали в цифровое общество. Новым человеком нужно управлять новыми методами, которые должны учитывать реальности цифровой жизни. Те новые компетенции, которые получил человек, нужно их осознать и научиться ими управлять, и, если мы, экономисты, этого не сделаем, будет сложно», — констатировал докладчик.

Говоря о новых компетен-

циях, Сергей Камолов, заведующий кафедрой государственного управления МГИМО, отметил, что одна из ключевых проблем — то, как успешно управленцы будут справляться с инновациями. В качестве отправного тезиса доцент напомнил высказывание американского социолога Элвина Тоффлера, который, оценивая жизнь человека в цифровую эпоху, писал: «... если человек быстро не научится контролировать скорость перемен, мы обречены»

на массовый адаптационный срыв». Дискуссия затронула самый широкий спектр вопросов, связанный с высокотехнологичной промышленностью. Завершилось мероприятие награждением победителей конкурса научно-исследовательских работ молодых ученых, который проводился в рамках конференции.

ВЭО РОССИИ ОБЪЯВЛЯЕТ О СТАРТЕ XI ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ»

С целью содействия формированию международного уровня экономического образования в России и совершенствования системы подготовки высококвалифицированных специалистов Вольное экономическое общество России при поддержке и участии Издательского дома «Экономическая газета» организует XI Всероссийский конкурс «Экономика и управление». По итогам конкурса будут определены лучшие основные образовательные программы высшего образования в рамках укрупненной группы направлений подготовки 38.00.00 «Экономика и управление»: программы бакалавриата, программы магистратуры, программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, и лучшие учебные издания экономического и управленческого направлений подготовки, вышедшие из печати в период с 2016 по 2018 год.

Прием конкурсных заявок и пакетов документов продлится до 15 сентября 2018 года. Разъяснения и консультации по вопросам подготовки документов на Конкурс осуществляются по адресу: Вольное экономическое общество России, 125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 22а. Тел.: +7 (495) 609-07-60, 609-07-66. E-mail: info2@veorus.ru Ход и результаты конкурса освещаются: ТАСС, «Российской газетой», Общественным телевидением России. Подробнее об условиях участия в Конкурсе читайте на сайте veorus.ru.

24 ИЮЛЯ 1828 ГОДА

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Чернышевский объявил свою систему политической экономией трудящихся. Он считал, что предметом политической экономии является не богатство, как это утверждал Смит и его последователи, а материальное благосостояние человека. Задача науки, говорит Чернышевский, состоит в том, чтобы найти такую форму отношений, которая бы обеспечила материальное благосостояние людей.

190 лет назад родился Николай Гаврилович Чернышевский. Выдающийся философ и экономист, чьи новаторские научные труды оказали незначительное влияние на русскую экономическую мысль второй половины XIX века, и посредственный писатель, чей откровенно слабый роман «Что делать?» буквально перевернул сознание образованной молодежи того времени.

Именно этот глагол употребил молодой Владимир Ульянов относительно своего сознания, прочитав запрещенный роман на первом курсе Казанского университета. Если задаться целью создать биографию русского разночинца-социалиста, то Чернышевский — идеальная модель. Поповский внук, поповский сын, три года проучился в Саратовской духовной семинарии, не окончив ее, поступил на философский факультет Петербургского университета. По окончании курса назначен учителем в Саратовскую гимназию.

В 1860-е годы Чернышевский стал признанным лидером публицистической школы русского социализма. В 1862 году — арест и следствие, камера-оди-

ночка в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости. В служебной документации и переписке между жандармерией и тайной полицией назывался «врагом Российской империи номер один». В заключении интенсивно работает, за 678 суток ареста Чернышевский написал текстовых материалов в объеме не менее 200 авторских листов. Наиболее масштабно утопические идеалы арестантом Чернышевским были выражены в романе «Что делать?» (1863), опубликованном в 3, 4 и 5 номерах «Современника». Затем — гражданская казнь, с преломлением шпаги над головой, каторга и поселение в Сибири. В застенке и на каторге Чернышевский пробыл более 20 лет. Лишь в 1883 г. Чернышевскому дозволено вернуться в европейскую часть России, в Астрахань. Благодаря хлопотам сына Михаила, в 1889 году переезжает в Саратов, где и умирает от инсульта осенью того же года.

Ценность экономических взглядов Чернышевского определяется в первую очередь тем, что это были взгляды социалиста, не знакомого с марксизмом (хотя Маркс хорошо знал работы Чернышевского и ценил их), его научный взор не застигали никакие

авторитеты, он не пытался натянуть западноевропейские теории на рыхлую российскую действительность.

Чернышевский был крестьянским критиком капитализма. Он признавал капитализм относительно прогрессивным экономическим строем, способствующим, посредством конкуренции, быстрому распространению передовых методов производства и тем самым росту производительности труда. Пороки капитализма, по его мнению, проистекают из того, что в нем не соединяются в одном лице собственник, хозяин и работник. С точки зрения Чернышевского, барьером, способным оградить рабочего от язв капитализма, является обеспечение каждого трудящегося землей. Поэтому у Чернышевского нигде нет предложений об экспроприации средств производства у капиталистов. План экспроприации содержится только применительно к земельной собственности.

Для Чернышевского община — патриархальный институт русской жизни, в общине существует «товарищеская форма производства» параллельно с капиталистическим производством, которое со временем будет упразднено. Тогда будет окончательно утверждено коллективное производство и потребление, после чего община как форма производственного объединения исчезнет. Срок перехода от обработки земли частными силами отдельного хозяина к общинной обработке целой мирской дачи он оценивал в 20–30 лет.

Чернышевский несомненно являлся духовным наследником утопистов. Он использовал идеи Фурье и его ученика Консидерана. В «Очерках из политической экономии» с некоторыми оговорками передает учение утописта о труде, указывая на необходимость крупного производства, и разъяряет невыгодность труда наемного. Чернышевский считал, что «потребитель продукта должен являться и его хозяином-производителем». Согласно воззрениям Фурье, Чернышевский указывал на преувеличенное значение торговли в современном обществе и недостаткам ее организации. В романе «Что делать?» в четвертом сне Веры Павловны прямо изобразил фаланстер. Райский сад, увиденный во сне, где труд добровольен, все равны, свободны, никто никого и ни к чему не принуждает стал примером для тысяч энтузиастов, создававших на собственные средства артели свободного труда. И хотя нежизнеспособность таких хозяйствующих субъектов обнаруживалась в первый же год их работы, идея глубоко запала в коллективный разум русской интеллигенции.

16 августа 1973 года

45 лет назад вышло Постановление Совета Министров СССР «О всеоюзном агентстве по авторским правам». Постановление было не опубликовано, поскольку содержало положения, крайне нежелательные к сведению тех, чьи права агентство должно было защищать.

До этого в СССР произведения зарубежных авторов печатались и исполнялись безо всякого на то разрешения, что вызывало многочисленные протесты зарубежных организаций. И наплевать было бы на протесты, если бы не важное обстоятельство: на Западе существовал явный запрос на тотальную перепечатку основных советских научных журналов, издаваемых в Академии наук СССР, в первую очередь физико-математической тематики, и советской стороне было финансово невыгодным дальнейшее использование авторских прав без лицензий. Мы бы воровали у них много меньше, чем они у нас.

К учредителям ВААП принадлежали все творческие союзы СССР, Академия наук СССР, некоторые госкомитеты, Министерства культуры и внешней торговли и информационное агентство «Новости».

БУРЖУЙСКИЕ ГОНОРАРЫ В СССР

Одной из целей Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП) было поставить вне закона авторов, которые самостоятельно передавали свои произведения за рубеж. А таких становилось все больше. До тех пор они получали гонорары от зарубежных издательств, которые обменивались на сертификаты «Внешпосылторга», их можно было отоварить в магазинах «Березка». Гонорары во Внешторгбанке получали даже самые отъявленные диссиденты за антисоветские статьи, опубликованные за рубежом. Конечно, авторов бесстыдно обдирали. 35% гонорара оставлял себе «Внешпосылторг», а остаток обменивался на сертификаты по курсу 80 копеек за доллар. Таким образом, 100 долларов гонорара превращались в 52 рубля. Но авторы не жаловались. За 52 рубля сертификатов можно было купить в «Березке» джинсы и продать их за 160 рублей.

НАПИТУЛЯЦИЯ НАБОРОТ

Вид частного контракта между двумя физическими лицами, без надзора фискальных органов, без каких-либо посредников из королевской администрации, без публичного обсуждения.

Конквистадор выступал в роли частного предпринимателя, король — глава государства — разрешал ему эту деятельность при выполнении ряда условий. Король обязался отдать генерал-лейтенанту какую-то территорию Нового Света, подчас еще не открытую, в полное хозяйственное и военное управление, под тремя условиями: объявить завоеванные земли собственностью испанской короны; принудить туземцев принять власть короны и христианство; и наконец, передать в казну короля пятую часть добычи — кинту. В свою очередь король должен был выполнить такие условия: назначить генерал-капитана губернатором и алькальдом (верховным судьей) завоеванных территорий; предоставить ему в вечное наследуемое владение обширные земли с приписанными к ним туземцами, а солдат наделить землей в вечное владение и налоговыми льготами на несколько лет.

Сами авторы не могли быть членами ВААП, это была «общественная» организация, наделенная правами юридического лица. ВААП заявляло и осуществляло правовую монополию на литературные, художественно-изобразительные, научные и публицистические произведения советских авторов (это касалось как внутренних, так и внешних отношений). ВААП представляло права советских и зарубежных авторов при использовании их произведений в СССР, равно как права советских авторов и их наследников за границей. Советский автор до 31 декабря 1990 года не мог самостоятельно продавать право на использование своих произведений иностранцу, за этим он должен был обратиться к услугам ВААП.

Владимир Войнович в открытом письме от 1 октября 1973 года иронически предложил дать ВААП более соответствующее название ВАПАП — Всесоюзное агентство по присвоению авторских прав. «Всего одна лишняя буква на вывеске, а насколько точнее становится смысл», — писал Войнович в письме руководителю организации Борису Панкину. Он также порекомендовал охранять авторские права вместе с носителями этих прав, для чего, по мнению Войновича, в ведение агентства следовало передать Лефортовскую или Бутырскую тюрьму со штатом охранников и овчарок.

Войнович знал, что говорит. К 1973 году он уже несколько лет был отлучен от публикаций в СССР, но посылал свои произведения за рубеж, где они публиковались заметными тиражами, и он аккуратно получал во Внешторгбанке сертификаты, как писал он в своих мемуарах «самые лучшие — бесполозные, из капиталистических стран». Отныне авторам, самостоятельно вступающим в отношения в зарубежных издательствах, гонорары обменивались на простые рубли по смехотворному курсу. Основной клиентурой ВААП стали рядовые советские научные сотрудники, публиковавшиеся в журналах, переводимых за рубежом. Таких было около 50 тысяч человек, но суммы к выплате в среднем составляли 10–20 долларов, скопом за несколько публикаций за год.

С особым цинизмом была организована выплата гонораров при поездке научного сотрудника в зарубежную командировку. Получить свои 10–20 долларов можно было только при наличии загранпаспорта со штампом «Выезд разрешен». Он выдавался командированному за сутки до отъезда. За эти сутки нужно было выстоять утомительную очередь в конторе ВААП, получить ордер на валюту и с ним отправиться

во Внешторгбанк. Очередь во Внешторгбанк занимали с ночи. Там после нескольких часов ожидания выдавали доллары мелкими купюрами и справку на вывоз валюты, грозно перечеркнутую красной полосой из угла в угол. На таможене свою мелочь нужно было задекларировать и предоставить таможеннику для пересчета вместе со справкой, и не дай бог сумма в справке и результат пересчета наличности будет отличаться хоть на доллар в любую сторону. Справку забирали, везти валюту обратно было невозможно. Все нужно было истратить в поездке. С этим трудностей не возникало, так как командировочные редко превышали несколько долларов в сутки.

ВААП просуществовал до 1991 года и почил вместе с Советским Союзом. Организации, пришедшие ему на смену, бережно сохраняют традиции ВААП в отношении к авторам.

ОСЕНЬ 1518 ГОДА

500 лет назад завершилась экспедиция Хуана де Грихальвы, в которой была открыта Мексика и цивилизация ацтеков. Так началась эпоха мексиканской конкисты (завоевания). Уже в феврале следующего года экспедиция под командованием Эрнана Кортеса отплыла в Мексику, а к ноябрю дело было кончено — правитель ацтеков Монтесума взят в заложники.

Не будет преувеличением считать конкисту самым поразительным авантюрным начинанием в истории человечества: стремительность сборов, быстрота завоевания огромных территорий, малочисленность отряда перед стократно превосходящими силами противника не имели примеров в истории. Все эти особенности точно сформулировал хронист перуанской экспедиции под руководством Писарро, Франциско де Херес: «Когда это было видано, чтобы столь великие завоевания осуществлялись таким малым количеством людей, которым пришлось преодолеть огромные морские расстояния и проделать гигантский пеший путь, не зная притом, куда они идут и с кем будут воевать? Разве кто-то способен в этом смысле сравниться с испанцами. Не сравнятся ни иудеи, ни греки, ни римляне, коих доблесть так превозносят; ибо римляне, подчинившие себе столько земель, завоевали их многолюдными и хорошо оснащенными наемными армиями, которые шли по разведанным местам».

В чем же секрет успеха конкисты? Главная причина заключается в том, что это было первое веяние предпринимательского духа Нового времени, когда в арсенал человеческих ценностей были приняты частная инициатива и личная ответственность. Конкиста являлась частным предприятием, даже не примером государственно-частного партнерства. Америку покоряли совершенно независимые и незнакомые между собой отряды конкистадоров во главе с генерал-капитанами, которые заключали договоры (капитуляции) с королем, реже с представителями королевской администрации в Новом Свете.

В бюджете подавляющего большинства экспедиций не было ни копейки казенных денег. Конкистадор снаряжал экспедицию на свои личные средства, используя при этом и частные кредиты. Остальные участники похода должны были на свои деньги купить коня, доспехи и оружие. И генерал-капитан, и солдаты рисковали последними деньгами, поэтому все они маниакально хотели хотя бы окупить свое личное предприятие. В отличие от генерала королевской армии, конкистадор не подчинялся ничьим при-

казам, сам намечал цель, сам прокладывал маршрут, сам казнил и миловал, подавлял солдатские бунты, которые случались во многих экспедициях.

Конкиста предоставляла своим участникам невероятный социальный лифт, и если Кортес был из семьи обедневших идалъго, то Писарро и вовсе начал свою карьеру свинопасом. В случае успеха они становились губернатором территории, которая превышала по территории родную Испанию, а богатством некоторые из конкистадоров могли соперничать с королями. Солдаты, последняя городская шваль, становились латифундистами, территории которых превосходили имения самых знатных идалъго на родине. Не удивительно, что от желающих подписать капитуляции, взять на себя все финансовые риски и тяготы экспедиции, не было отбоя. Обычно генерал-капитанами новых походов становились полевые командиры конкисты, опытные и заслуженные офицеры. Континент был полностью колонизирован менее чем за сто лет. Исключительно на частные деньги и по личной инициативе.

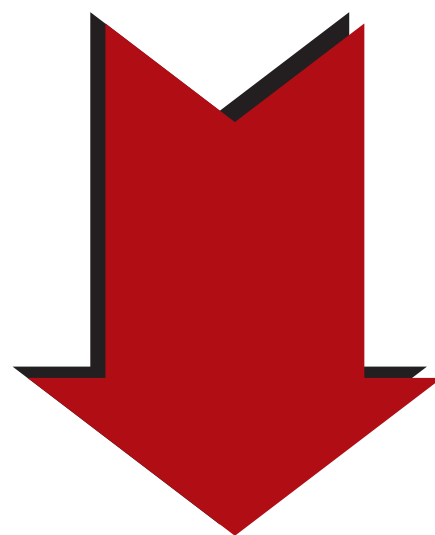
ИЗГНАНИЕ ТОРГОВЦЕВ ИЗ ХРАМА.

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте,
д. э. н., профессор

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ — ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА ЦИВИЛИЗАЦИИ

НЕКОТОРЫЕ ТЕЗИСЫ

«Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше». Известное присловье из житейской мудрости. На самом деле — где легче, проще добыть желаемое («лучше» — с точки зрения количества прилагаемых для получения желаемого усилий). Естественно, в рамках «окна текущих возможностей». Природа вообще всегда идет по самому простому, минимально «затратному» пути (в рамках ее «окна возможностей» — природных законов и возникающих преград). Выживает то, что менее «затратно». И не использует «лишнего». Древний человек — существо исходно природное — добывал еду, чтобы съесть, а не накопить. И шкуру, чтобы укрыться от ветра. А не две. Столько, сколько надо. По потребности. И эти потребности не простирались далее горизонта «здесь и сейчас». Потом сообразил, что на разные коллизийные случаи должен быть запас. Стала быть осознанной им эта новая потребность. И стал он добывать несколько больше, чем требовалось на текущий момент. Потом он понял, что какие-то продукты он может получить в излишке (что-то у него проще, лучше/быстрее получается, чем у дру-

гих, к примеру), зато каких-то ему не хватает, но — они есть у соседа. И возникла мена, меновая торговля. Простая поначалу — менялась, условно, одна рыба на одну шкуру (предполагаем, что их «ценность» в тот момент была эквивалентной). Потом некто гениальный изобрел возможность что-то обменять неэквивалентно — и, о чудо, получить не одну шкуру за одну рыбу, а две! За те же усилия по добыче одной рыбы! Вот тут ему масть и поперла! Появилась «незаработанная» «прибыль». С развитием меновой торговли появился (был изобретен) денежный эквивалент стоимости продукта/товара. Вкупе с возможностью неэквивалентного обмена возникла и возможность аккумулировать прибыль в денежных единицах. Но — торговля развивалась. У разных народов/племен/родов появлялись разные денежные единицы. Устанавливался в процессе торга «валютный» обмен и «валютный курс». И самым простым способом аккумулировать прибыль стал — добывать ее в процессе мены «валют». А «вложение» аккумулированной «валютной прибыли» в «валютный обмен» — получение уже «денег из денег» (что существенно проще с точки зрения количества усилий по добыче/производству и его последующей реализации) — еще выгоднее. К этому стоит добавить изобретение связанного с этим процессом займа под «процент», аккумулирование «прибыли будущего» (здесь нетрудно разглядеть оплату — первоначально — трудового времени, которое надо бы потратить на добычу/производство эквивалента «занимаемого», а затем — уже и «сверхэквивалента»!). Получило развитие, в силу большей простоты аккумулирования прибыли (по сравнению с «производством» здесь меньше «транзакций»), ростовщичество. Как финансовый институт. Проникающий во всё жизнеустройство. И несправедливый по своей сути. И строящий общество на несправедливой основе. И подчиняющий себе прочие институты общества. И имеющий большие шансы развития и пене-трации, чем производство. «Изгнание торговцев из храма» Христом — не о торговле, а о ростовщичестве. В Древней Иудее оно не просто получило предельно оформленное развитие, но и через религиозно-государственное управление внедрено было в быт едва ли не как «указание сверху»! В Храме нельзя было жертвовать «неподходящее» животное (а жерт-

ва была обязательной по религии!), если оно не было одобрено «специальными людьми», которым иерархами Храма предоставлено было такое право. А не одобрено — купи «проверенное», здесь как раз есть — бери. Вот прямо в Храме. И плати. Втридорога. С прибылью — известно для кого. А уж введение специальной храмовой «валюты» (только ее можно было жертвовать, а денежная жертва (если не сикль (ныне — шекель), то хоть лепта) тоже была обязательной, даже введены были специальные «тарифы» — от кого и сколько...) — это уже вообще гениальное изобретение древних иудейских финансистов! Древний иудей, идя в Храм (что тоже было, конечно, обязательным!), был обязан менять ходившие «бытовые» деньги на храмовые. А «курс» устанавливали менялы (их «офисы», меняльные конторы, были тут же, в Храме), которые и ссудить могли тут же — под «процент». Ростовщичество как явление, проникшее в государственно-религиозный институт управления обществом и будучи им поддержанным, стало подменять собой истинное содержание и смысл религиозных установлений. Оно издревле рассматривалось как непроизводительный (и потому — несправедливый!) вид деятельности. Ведущий к тому кризису, о котором ниже. Потому и восстал Христос — возможно, первым явственно осознал губительность этого явления для цивилизации... В Европе ростовщичество распространилось в Средние века, с купцами, использующими разрастающийся финансовый институт, и с рассеиванием иудейских общин с их традиционным видом финансовой деятельности, и полностью изменило лицо европейской культуры и общественного уклада. Именно этот финансовый институт дал возможность старта капитализму как новому общественному строю. Однако на начальных этапах извлечение прибыли шло преимущественно через производство продукта и его обмен, «инвестиции» должны были (вынуждены были) пройти сложный путь производства/обмена. Финансовый капитал был необходимым подспорьем в этом процессе. При этом, еще раз подчеркнем, преимущественную роль играл производительный, промышленный капитал. Почему? Потому что первичной была потребность растущего общества (острая!) в продуктах, товарах — надо было «одеться и накормиться», что и дал возмож-

ность сделать возникший на базе этой потребности изобретенный человечеством индустриальный способ производства. Породивший капиталистическое — по Марксу — (и индустриальное!) общество.

Однако с развитием капиталистических отношений роль финансового капитала росла. Финансовые транзакции — самый простой и быстрый способ извлечения/аккумулирования прибыли. Стремительный рост промышленного производства формировал потребность общества в развитии финансовых технологий. Появились кредитные организации и соответствующий инструментарий. При этом развитие финансирования как института, финансовых инструментов и технологий, в силу более быстрой оборачиваемости «объекта», осуществлялось более быстрыми темпами, чем развитие производства, требовавшего больше затрат и операций для извлечения прибыли. При этом для своего существования монетизированный эквивалент не мог обойтись без «реального сектора» — в конце концов, люди не едят же деньги и не одеваются в купюры... Происходил удивительный процесс. Финансы, будучи первоначально встроенными в процесс производства продукта, постепенно превратились в силу своей природы в равноценный, а затем — в превалирующий элемент производства, уже, в свою очередь, встроив — и то только в необходимых случаях! — производство в процесс извлечения прибыли. Почему? В силу двух вещей. Одна из них — указанная выше более простая/быстрая/эффективная форма аккумуляции прибыли. А вторая — сама эта прибыль как результат финансовой деятельности. Капиталист — не что иное как «добыватель»/производитель в конечном счете не сапог или огурцов, а прибыли — в виде сапог, огурцов, неважно чего, и (проще всего!) в денежной форме (а тут как раз и банки/фининструменты все более развитые под рукой!). «Накопил — и машину купил» — это лишь часть (советская!) формулы капитализма, начиная со второй половины XIX века. Новая формула — «Д-Т-Д» (неважно, просто Д или Д', главное — уже не деньги как посредник между товарами, а наоборот!)! Отсюда — тренд выдавливания производительного капитала (более сложно устроенного и «добываемого») финансовым. Подчинившим себе на современном этапе «производственный»

капитал. Но и промышленник-капиталист всегда ищет, «где глубже». В поиске добывания максимума прибыли он минимизирует издержки; он будет, однажды научившись (освоив в производстве), делать некий продукт (понеся на первом этапе внедренческие затраты) без изменений (без допзатрат, «снимая сливки» (о гурӯ-маркетолог Котлер!)) до тех пор, пока будет достигнут предел рынка данного изделия (насыщение/удовлетворение потребности), а потом только — станет делать усовершенствование продукта либо новый продукт, то есть «расширяя» рынок для себя. Почему он вынужден делать инновации? Потому что иначе не расширить рынок и не получить прибыли. [Кстати, отсюда следует несостоятельность постиндустриалистского «отказа от производства» и подтверждение нашего тезиса о сохранении его (в качественно новом виде) в качестве основы нового индустриального общества второго поколения.]

Этот тренд особенно интенсифицируется начиная с конца XIX века, что отразили в своих работах Гильфердинг, Ульянов и др.; в настоящее время доминирование финансового капитала над капиталом реального сектора получило название финансовализации. Причины и содержание этого процесса, однако, как правило, не раскрываются, дается лишь его количественная характеристика. Однако следует понимать, что, поскольку аккумуляция прибыли осуществляется в денежной (наиболее, в силу простоты транзакции, ликвидной) форме, обеспечивающей повышение эффективности инвестиций (перелив капитала, обмен и т. п.), — при достижении пределов насыщения рынка (удовлетворения реальных потребностей), но при неизменном сохранении «желания» капиталиста получать прибыль происходит изменение характера/типа удовлетворения потребностей и вида рынка. Вместо рынка покупателя/потребителя (формирующего преимущественно реальные потребности) формируется и все более растет рынок «продавца», который в целях создания для себя новых рынков начинает влиять все более активно на предпочтения потребителя (в том числе — стимулируя формирование и расширение потребностей симулятивных!). Меняется характер отношений потребитель — рынок — производитель. Меняется даже зримо — к примеру, тип оповещения потребителя о товаре (с информационного — «где-что-почем» — до внедрения мысли, что без этого вввау-товара (чаще всего — как раз симулятивного) потребитель едва ли не помрет!). Именно так стимулируется возникновение и развитие другого типа

потребностей — уже все более симулятивных, что привело ныне (и не могло не привести!) к их превалированию в современном «ВВП».

Особо отметим, что причины доминирования финансового капитала обусловлены не только его собственной природой (в частности, описанными выше особенностями, предельно высокой реадiness-способностью и др.), но и развитием, как ни покажется странным (но, конечно, только на первый взгляд), производственного сектора — в частности, созданием качественно новых технологий (и их активным применением в финансовой сфере как отклик на ее собственные потребности) и иными трансформационными процессами, вытекающими из прогресса технологий, с одной стороны, и этим прогрессом обусловленные, с другой (каковые финансы-капитал, как наиболее «простонарыльный», активно использует — и с лучшим для себя результатом!).

Заметим, что в древнем обществе не было активного инновационного процесса. Тысячелетиями повторялось одно и то же — пока не была изобретена прибыль. Инновации — ответ на требование удовлетворения все более возрастающих потребностей, удовлетворение которых, как я писал уже не раз, через феномен осознания создает новые, все более расширяющиеся потребности. Описанный выше механизм формирования финансового института для получения прибыли активно содействовал развитию института инновации, придавая ему постоянное ускорение. Как отклик на расширение «потребности» в прибыли! Вспомним «ускорение НТП»! Откуда оно взялось? С чего это вдруг НТП возник, да еще и «заускорялся»? Вот именно «с этого»! При этом развитие инноваций, ускорение их внедрения создает предпосылки для «поддержки» ими других процессов — в частности, через инвестиции (в погоне за прибылью) — в сам инновационный процесс, создавая описанный нами ранее эффект «ускорения ускорения» НТП и время от времени переворачивая общество, формируя периодически новые технологические уклады. Сейчас современные технологии стремительно формируют новый техуклад, и в это дело «ускорение ускорения» инноваций дает основной вклад. Именно поэтому данный процесс является одной из базовых отличительных черт НИО.2.

Что несет нам растущая финансовализация экономики, да и всего нашего житейского уклада? Как писал Ломоносов, ежели где-то что-то прибавится, то где-то что-то отыметя. Финансовый капитал, да и капитализм по своей сути в целом, требует

постоянного получения дохода. То есть получения чего-то из чего-то. Тут — два пути. Симулятивный — из «воздуха» (как бы): дериваты и пр. бррр. Конец любой такой оторванной от реального продукта истории ясен и печален. И кстати, не так давно опробован. Второй путь — расширение производства (экстенсивно либо интенсивно — в количестве и/или в качественном отношении). То есть — создание продукта не из ничего. А из чего? Где «отымаем»? У матушки-природы, ресурсами называется. И, учитывая а) характер/тип существующих общественных отношений (да, да, фактически везде — кап-кап-капиталистических...), а также б) тип становящихся превалирующими потребностей (симулятивных), мы (человечество!, звучит гордо, йес! — гордо ли?) перелопачиваем природный ресурс не просто на удовлетворение реальных потребностей общества, но — все больше — на дерьмо, сорри!.. При экономии на утилизации, рециклинге и т. п. То есть растущая финансиализация, отражая сложившиеся к настоящему времени общественно-экономические реалии, способствует — в силу опять же своей природы — ускоренному движению цивилизации к всемирному кризису, по сравнению с которым «общий кризис капитализма» покажется философской игрушкой. Именно поэтому ВОЗНИКЛА настоящая, уже жизненно важная и непреходящая потребность в «ограничении капитализма», рационализации потребностей общества и способов их удовлетворения, переходе (при сохранении и развитии индустриального способа производства для удовлетворения реальных потребностей людей и отказе от наращивания потребностей симулятивных (соответственно, от категории прибыли, в качестве современного механизма «добычи» которой и используется финансиализация!)) к НИО.2 и последующему ноообщественному устройству (где не будет потребления «лишнего», и — вот-вот! — прибыли (как потребности, симулятивно возросшей из возникшей в древности и преодолимой (за счет техпрогресса) на нооэтапе потребности человека иметь обозримый запасец на всякий случай!..)).

Важное примечание. Доминирование финансового капитала в России после развала СССР — основная, глубинная причина состоявшейся деиндустриализации. Отсюда — требование ограничения финансового капитала как фактор реиндустриализации, необходимой для перехода к НИО.2. Это — к тому, ЧТО должно быть главным в нашей промышленной (!) политике, если мы хотим добиться перелома в технологической модернизации нашего хозяйства и эко-

номического лидерства в будущем.

Еще один важный аспект. Не следует понимать призыв к ограничению финансового капитала как отказ от него немедленный. Финансовый капитал сегодня — не только создатель фиктивных благ и фиктивных потребностей, но и акселератор создания и других, реальных (что называется, поневоле, вынужденно — не может он существовать без производства!), во всех остальных сферах экономики. Поэтому правильнее понимать на данном этапе это ограничение как «переформатирование» механизмов его использования (от превалирования к «сервисной» роли) в целях возврата его к исходной функции — поддержке развивающегося новоиндустриального сектора и акселератора тем самым нашего включения в четвертую индустриальную революцию.

Наконец, еще один важный аспект проблемы. Финансовый капитал, его непрерывный рост как концентрированное выражение «потребности» капитализма (в Марксовом понимании) в непрерывной «добыче» прибыли, требует, как показано выше, непрерывного расширения рынка, создания потребности получать и сбывать продукт снова и снова. Но расширение экстенсивное ограничено, а интенсивное — не слишком выгодно. Тогда возникает соблазн расширить рынок не за счет освоения новых пространств или новых изделий, а путем «утилизации», уничтожения созданного/накопленного. Особенно если это «выгоднее», чем «расширение рынка» указанными выше способами. Чувствуете? Вот — дыхание грозы! Выгоднее уничтожить — капиталист уничтожит. Отсюда — война как зачистка пространства для новых рыночных экспансий (стоит вспомнить: война как самый жесткий тип разрешения политических противоречий, а политика — как концентрированный интерес экономики... А экономика — как общественный механизм удовлетворения потребностей... Чьих — при капитализме, в числе основных? Капиталиста. В чем? В прибыли...). И еще — чем мощнее сила финансового капитала, тем прощще его реципиентам представляется такой выход. В настоящий момент — ситуация становится критической: либо — победа финкапитала и «расчистка» (в той или иной, в том числе — военной, форме), либо (через техпрогресс и «параллельное» осознание необходимости упомянутого ограничения (нооэлементы — наука, культура...)) будут найдены способы его ограничить и сформировать НИО.2.

EXPPELLING
THE
MERCHANTS
FROM THE
TEMPLE.
FINANCIAL
CAPITAL
as a GLOBAL
THREAT TO
CIVILIZATION

Sergey Bodrunov

*President of the Free Economic Society of Russia, director
of the Institute for New Industrial Development named
after Sergey Yu. Vitte, Doctor of Sciences, Professor*

SEVERAL POINTS:

“Fish seek for a deeper place, men seek for a better place”. It’s a common wisdom. In fact, man seeks for a place where it is easier to get what he wants (“better” in terms of effort to be spent to get what he wants). Naturally, within the “window of current opportunities”. Nature has always followed the simplest and the least costly path (within its “window of opportunity”, the laws of nature and emerging obstacles). That, which is less costly, survives. And it doesn’t use anything “in excess”. Ancient man, inherently a creature of the wild, hunted for food in order to eat it, not to accumulate it. He needed a skin to build a shelter from the storm. One skin, not two. Exactly as many as he needed. His needs didn’t extend beyond the here and now. Then he realized he needed more for emergencies. He became aware of the new need. And he began hunting for more than he immediately needed. Then he realized he was able to get extra amounts of some things (for he could do something better, easier or faster than others, for example). And that he lacked some things which he could get from his neighbor. Thus, barter was invented. Initially, it was very simple, let’s say one fish could be exchanged for one skin (let’s assume they were of equal “value” at the time). Then some genius invented non-equivalent exchange. And one fish could be exchanged for two skins, not one! A man could get two skins in exchange for the same effort of catching one fish. And he got lucky! He got “unearned” “profit”. With the rise of barter, money equivalent of the value of goods/products was invented. Non-equivalent exchange was followed by the possibility of accumulating profit in

currency units. Trade was flourishing. Various peoples/tribes/clans invented various currency units. “Currency exchange” and “currency rate” were invented in the process of trade. And earning profit from currency exchange became the easiest way of accumulating profits. And “investing” accumulated “currency profit” in currency exchange means getting “money from money” (which is substantially easier in terms of effort spent on production and subsequent sale) which is even more profitable. Add to this the invention of “interest loans”, accumulation of “future profits” (it’s easy to see here payment, initially, for the working time needed for the production of the equivalent of the “borrowed” amount, and then of the super-equivalent!). Usury became widespread because it was super easy to accumulate profit that way (less transactions compared to “production”). As a financial institution, usury penetrated all the walks of life. It was essentially unfair, it brought injustice to society, it dominated all other social institutions and had a much better chance for penetration and development than production. The expulsion of the merchants from the Temple by Christ was about usury rather than trade. In ancient Judea usury did not simply become extremely developed, it permeated every pore of life almost as a “dictate from higher up.” You couldn’t sacrifice an “inappropriate” animal in the Temple (and sacrifice was mandatory according to religion!) unless it was approved by the “special people” to whom the Temple priests had granted such a right. If you didn’t manage to get an approval, you could buy the “proper” kind of animal, they had it right there! Right inside the Temple. Just pay the price. Which was three times higher than usual. The profit went to the right people. A special Temple “currency” was also introduced (it was the only type of currency you could donate, and monetary donations (if not a shekel, then at least a lepta) were also mandatory — special “fees” were prescribed depending on who was donating and how much...), an ingenious invention of ancient Judean financiers! While visiting the Temple (which was also mandatory), an ancient Jew was required to exchange his “everyday” money for temple currency. The exchange rate was set by the money-changers (their “offices” were located right there, inside the Temple) who could also lend money with “interest” if need be. As a phenomenon, usury permeated the church and the government and with their support began replacing the true meaning and contents of the fundamental religious tenets. Since ancient times, usury has been considered as a non-productive, and therefore unfair, type of activity leading to the crisis mentioned below. Hence, Christ’s rebellion, he was probably the first to realize the harmful nature of this phenomenon for civilization... In Europe, usury spread during the middle ages; the growing financial institution was extensively used by the merchants and the Jewish diaspora with its traditional type of financial activity. It

fully changed the face of European culture and social order. It was this financial institution that gave rise to capitalism as a new social system. Initially, profit was extracted mainly through production and exchange of goods, and “investments” had to follow an intricate path of production/exchange. Financial capital was necessary to facilitate this process. I would emphasize that industrial, production-related capital played the most important role. Why? Because products and goods were what a growing society needed first (and foremost!). People needed something to “eat and wear”. Those needs were met by industrial mode of production invented by humanity, which gave rise to capitalist (according to Marx) and industrial society.

However, as capitalist relations flourished, the role of financial capital grew. Financial transactions were the easiest and the fastest way to extract and accumulate profits. Rapid growth of industrial production shaped society’s need for the development of financial technologies. Credit organizations were established along with corresponding financial tools. The development of finance as an institution as well as financial instruments and technologies was more rapid than the development of production due to faster turnover. More costs and operations were needed to extract profit from production. And yet, in order to exist, monetized equivalent needed a “real sector”. In the end, people can’t eat money or wear banknotes... An amazing process was taking place. Finance, which was initially incorporated into the process of production, gradually evolved into an equally valuable and then prevailing element of production which, in turn, incorporated production — but only in certain cases! — into the process of profit extraction. Why? Because of two factors. First, an easier, faster, more efficient form of profit accumulation. Second, the profit itself as a result of financial activity. A capitalist is ultimately a producer of profit, be it in the form of, say, boots or cucumbers, or (the easiest of all) money (for this he had on hand all the rapidly developing banks and financial instruments!). “Saved money — bought a car” is only a (Soviet-era) part of the capitalist formula which dates back to the second half of the 19th century. The new formula, “M-C-M” (it doesn’t matter whether we use C or C’, the most important point is that now it is commodity that acts as an intermediary, not the other way around!)! Hence, the tendency to replace industrial capital (which is more difficult to manage and “produce”) with financial capital which has currently placed “industrial capital” under its control. Industrial capitalists are always looking for a “deeper place”. While seeking to maximize their profits they tend to minimize costs; having once learnt to produce a particular product (and having borne initial costs of production) they would continue to produce it without any changes (without additional costs, “skimming the cream” (O marketing guru Kotler!)) until the marketing limit is reached (the market demand is satisfied) for this

product. Only then would they start producing upgraded versions of the product, “expanding” the market for themselves. Why would they need to innovate? Because otherwise they wouldn’t be unable to expand the market and earn the profit. [As a matter of fact, it shows the fallacy of the post-industrialist concept of “foregoing production” and confirms our point that production should be preserved (in a qualitatively new form) as the basis for a new second-generation industrial society.]

This tendency has particularly intensified in the late 19th century as noted by Hilferding, Ulyanov, et al.; currently the domination of financial capital over real-sector capital is called “financialization”. Yet, the causes and the contents of this process are rarely explained, only its qualitative characteristic is provided. It should be understood, however, that since profit is accumulated in monetary form (which is the most liquid due to simplicity of transactions) which ensures higher return on investment (capital interflow, exchange, etc.), as soon as the market is filled (and the actual needs are met), while the capitalist’s desire to earn profit stays the same, changes occur in the character/type of consumer needs and consumer market. Instead of a buyer/consumer-oriented market (which mostly determines real needs) we get a growing “seller-oriented” market which, in order to expand, starts to exert more influence on consumers’ needs (particularly by encouraging the emergence and expansion of simulative needs!). The character of consumer-market-producer relations changes. Those changes are easy to see in the way a new product is announced (instead of a purely informational approach, “what to buy, where, and for how much”, a different approach is used: it is suggested that the consumer is in desperate need of this wow-product (often a simulative one!)) It is in this way that the development of a different type of needs, increasingly simulative, is encouraged, which inevitably leads to their domination in modern-day GDP.

I would like to specifically point out that financial capital is dominant not only due to its own nature (and, in particular, its peculiarities described above, extremely high readiness, etc.) but also, strange as it may seem (but only at first glance of course), due to the development of the production sector, particularly, the emergence of qualitatively new technologies (and their active use in the financial sphere in order to address its own needs) and other transformational processes which, on one hand, result from technological progress and, on the other hand, are determined by that progress (and which are actively used by financial capital, “the shrewdest of them all”, with the best possible results!).

It’s notable that in ancient society there were no ongoing innovation processes. Nothing changed for millennia until profit was invented. Innovation is a response to the demand for meeting ever growing needs whose satisfaction, as I have repeatedly stated, creates new, broader needs through the mechanism of awareness. The formation of the financial institution for

extracting profit facilitated the development of the innovation institution by constantly accelerating it. As a response to the expansion of the “need” for profit! Remember the “acceleration of scientific and technical progress”? Where did it come from? Why did that progress made a sudden appearance and started to accelerate? Exactly because of “that”! The development and accelerated implementation of innovations lend “support” to other processes, particularly through investments (in pursuit of more profits), which contribute to the innovation process itself, thereby creating the effect of “acceleration of acceleration of progress” described earlier and causing periodic social shake-ups by forming new technological orders. Modern technologies are rapidly forming a new technological order, and this process is largely contributed to by the “acceleration of acceleration” of innovation. This process, therefore, is one of the basic distinguishing features of NIS.2.

What will the growing financialization of economy and life bring us? According to Lomonosov, if something is added in one place, it should be removed from elsewhere. Financial capital and, essentially, capitalism as a whole require a constant stream of income. Something has to be produced from something else. This can go two ways. A simulative way: (seemingly) from “thin air”: derivatives, etc. The end of such a product, so far removed from reality, is obvious and sad. As a matter of fact, this has recently been tested. A second way is the expansion of production (extensive or intensive, quantity vs. quality). A product is created from something other than thin air. From what exactly? From where do we “remove” stuff? We remove what is called resources from mother nature. Given (a) the character/type of the existing social relations (yes, they are capitalist almost everywhere) and (b) the type of increasingly prevailing needs (simulative), we (mankind! yes, that sounds proudly, does it?) have been tampering with natural resources not just to meet the real needs of society but increasingly to produce some shitty products, sorry!.. While saving money on utilization, recycling, etc. It means that the growing financialization, reflecting the currently existing socio-economic reality, facilitates, by virtue of its very nature, the accelerated movement of civilization towards a universal crisis compared to which the “general crisis of capitalism” will seem a philosophical toy. That’s why there came into existence an urgent need to “limit capitalism”, to rationalize human needs and ways to satisfy them, and to transition (while preserving and developing industrial mode of production to meet real human needs and to stop piling up simulative needs (and forego the category of profit the extraction of which requires the modern mechanism of financialization!)) to NIS.2 and subsequent noo-social order (where there will be no “excessive” consumption and, mind you, no profit (as a simulative need which arose from man’s necessity to have reserves just in case,

that had first appeared in ancient times and can be overcome (by means of technical progress) during the noo-era)).

An important note. The domination of financial capital in Russia after the collapse of the USSR is the main and profound reason for the de-industrialization that occurred in Russia. Hence, the demand to limit financial capitalism as a re-industrialization factor necessary for transitioning to NIS.2. It shows what should be at the forefront of our industrial (!) policy if we want to achieve a breakthrough in technical modernization of our economy and to rise to a position of economic leadership in the future.

Another important aspect. The demand for limiting financial capital should not be understood as a call for its immediate abolition. Today financial capital does not only create fictitious goods or needs, it can also accelerate the creation of real goods (involuntarily, for it cannot exist without production) in all other economic spheres. Instead, it would be more appropriate to understand the limitation as a move to “reformatting” the mechanisms of its use (from domination to an auxiliary role) in order to bring back its initial function of supporting and accelerating the growth of a new industrial sector and the accession of our country to the Fourth Industrial Revolution.

And, finally, yet another important aspect of the problem. Financial capital and its constant growth as a concentrated expression of the “need” of capitalism (as Marx understood it) for continuous “production” of profit requires, as discussed above, constant expansion of the market, creation of the need to produce and sell products over and over again. But extensive expansion is limited and intensive expansion is not very profitable. Then, there’s a temptation to expand the market not by means of developing new territories or new products but rather by means of “utilization” or destruction of what has already been created/accumulated. Especially if it’s more “profitable” than “expanding the market” by any of the methods described above. Can you feel it? The thunderstorm is coming! If more profit is at stake, capitalists will destroy things. Hence, war as a means of clearing spaces for new market expansions (it’s worth recalling: war as the harshest type of settlement of political contradictions, and politics as a concentrated interest of economy... And economy as a social mechanism of meeting the needs... Whose needs, under capitalism? The needs of capitalists. Needs for what? For profit...). And another thing. The more powerful financial capital gets, the easier this method looks to its recipients. Currently, the situation has become critical; either financial capital wins and proceeds with “clearance” (in one way or another, including military action) or ways will be discovered to rein it in and form a NIS.2 (through encouraging technical progress and, “in parallel”, spreading awareness of the necessity of such “reining in” (noo-elements — science, culture)).

ОТ МОНЕТ К АССИГНАЦИЯМ И ОБРАТНО

200 ПУДОВ ДЕНЕГ ЗА ОДУ

В середине XVIII века русскому поэту было нелегко заработать на жизнь литературным трудом. Стихи писали на заказ: согласится влиятельный вельможа оплатить стихотворные строчки, написанные «на случай», вот тебе и заработок. Конкуренция на этом рынке была очень жесткая. Когда Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765 гг.) писал по собственной инициативе «Оду на день восшествия на всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», он заранее не знал, будет ли проявлена монаршая милость к его сочинению. Но все сложилось удачно, Елизавета приняла стихотворный дар и оделила поэта огромной суммой 2000 рублей. Причем в указе, как это было принято при раздаче денежных наград, особо отметила, какой монетой выдать. Ломоносов получил медью — полушками и деньгами. Напомню, что деньга (к тому времени она уже писалась с мягким знаком) равнялась двум полушкам. Общий вес награды составил более 200 пудов, и за выплатой пришлось снарядить четыре подводы и шесть грузчиков изрядных.

БУМАГА ВНУТРЕННЕЙ ДОБРОТЫ НЕ ДЕРЖИТ

К середине XVIII века медная монета составляла в России половину всей денежной массы, в результате чего превратилась из разменной монеты в основное платежное средство. В большом затруднении находились уездные казначейства во время сбора подушной подати — налог свозился в конторы обозами. С этим надо было что-то делать — переход на бумажные деньги стал насущной необходимостью. В 1744 году ассессор Монетной канцелярии Иван Шлаттер и вице-президент Коммерц-коллегии

Мелиссен внесли в сенат проект выпуска ассигнаций, но сенат отверг их предложение, резонно утверждая, что «бумага никакой внутренней доброты не содержит».

Вторая попытка была совершена при Петре III: указом от 25 мая 1762 г. должны были быть выпущены в обращение первые бумажные ассигнации. Но Екатерина II, взойдя на престол через месяц после этого указа, меньше всего заботилась о претворении в жизнь планов покойного мужа. Однако в 1768 г. началась война с Турцией — война всегда требует средств, поэтому «особая записки» графа Сиверса о необходимости введения в России бумажных денег, поданная на «высочайшее рассмотрение», ожидал если не успех, то пристальное внимание.

МАНИФЕСТ О БУМАЖНЫХ ДЕНЬГАХ

Генеральному прокурору князю Вяземскому было поручено разработать подробный проект на основании этой «записки». Уже 29 декабря 1768 г. специальным манифестом было объявлено, что с 1 января 1769 г. в России вводятся бумажные ассигнации — «на сделанной для того нарочной бумаге с внутренними прописями», то есть с водяными знаками. В этом манифесте, в частности, говорилось, что «тягость медной монеты, одобряющая ее собственную цену, отягощает ее ж и обращение». В Санкт-Петербурге и Москве учреждались два банка «для вымена государственных ассигнаций», приобрести которые можно было «внося за оные вместо денег (то есть медных монет) также золото или серебро в деле и не в деле, а также всякую иностранную монету».

Манифест предписывал выпуск ассигнации четырех достоинств: 25, 50, 75 и 100 руб. Далее

«С крайним удивлением слышу, что государственные ассигнации дворцовая канцелярия отказывается принимать от частных людей. Один мужик принес бумагу, а ему сказали, принеси денег (то есть монет). Разве мои установления не действительны в дворцовой канцелярии, или подьячие шалят для своего прибытка мерзкого, для того, что на ассигнации прочета нету? Изволь сие немедленно исследовать и преступников моих установлений прощу наказать», — императрица Екатерина II, из записки члену дворцовой канцелярии Ивану Елагину.

говорилось, «чтоб в платеже ассигнации никогда не составляли более четвертой части платежа, разве именно кто просить будет, чтобы оных получить поболее». Так за теми жителями России, кто не доверял новшеству, сохранялось право пользоваться медью. Императрица Екатерина II внимательно следила за всеми частностями дела по внедрению ассигнаций в народное обращение, как видно, между прочим, из записки к члену дворцовой канцелярии Ивану Елагину.

СЛОЖНОСТИ НОВОГО РЫНКА

Ассигнации быстро снискали симпатии людей. Сумма обмена медных денег на ассигнации постоянно превышала в несколько раз сумму обмена ассигнаций на монету. Запаса бумажных денег постоянно не хватало. В Московском и Санкт-Петербургском банках их за неделю расходилось иногда по 100 000 рублей. Императрица Екатерина II в связи с этим приказала сенату иметь постоянно запасную сумму ассигнаций на 2 000 000 рублей, в том числе 1 000 000 рублей, подписанных сенаторами, да в каждом банке по 250 000 рублей, и в правлении банка на такую же сумму.

Выпуск бумажных денежных знаков сразу же вызвал и их подделку. Первые ассигнации выпускались одинакового размера и цвета и отличались только номиналом. И не стоило большого труда переделать 25-рублевый билет в 75-рублевый. Для этого цифру 2 заменяли цифрой 7, а слово «двадцать» — словом «семьдесят». В частности, организаторами и исполнителями этой операции были канцелярист Николаев и сержант Шулепин, переделавшие 90 ассигнаций. По этому случаю в 1771 году «поведено впредь не делать 75-рублевых ассигнаций», и всенародно было объявлено, «чтобы каждый честный человек, имеющий такие ассигнации, в установленный срок представлял их для обмена на ассигнации другого достоинства». Кстати, меняли как подлинные 75-рублевые ассигнации, так и фальшивые.

Особый указ повелевал публично сжигать изношенные ассигнации перед заменой их на новые — «для вящего и скорого публике о истреблении ассигнаций удостоверения», — и не где-либо, а посреди Сенатской площади. Именно поэтому сегодня каждый экземпляр ассигнаций первого выпуска 1769–1785 гг. является большой редкостью.

В БАНКОВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

В Москве первая контора ассигнационного банка была открыта на Мясницкой улице, в приходе архидиакона Евпла, где и был организован обмен ассигнаций и медной монеты. Банковский переулок, расположенный в районе Мясницкой улицы, до сих пор напоминает нам о деятельности московской конторы. Медная монета хранилась в подвалах и особых кладовых, мешки с медью, по причине необыкновенной сырости, постоянно рассыпались и требовали нового пересчета и новой проверки, так что у подьячих в Банковском переулке всегда была работа.

ПЕЧАТЬ НА НУЖДЫ ВОЙНЫ

В 1787 году началась новая русско-турецкая война. За нею последовали войны со Швецией и Польшей, а в конце царствования Екатерины II — с Персией. Нужда в деньгах все возрастала. На сумму 111 млн рублей было выпущено ассигнаций в 1790 году, 124 млн рублей — в 1793 году, 157 млн рублей — в 1796 году, из них замещались в обращении металлической монетой только 32 млн рублей. Понятно, что курс ассигнаций по отношению к серебряной и медной монете стал быстро падать. Еще в 1787 году он в среднем определялся как 97 к 100, но уже в 1788 году упал до 92, в 1790 году — до 87 и в 1795 году — даже до 68.

К 1810 году за ассигнации не давали и половины их цены в серебре. Правительство Александра I приняло ряд мер по упорядочению денежной системы, о чем было заявлено в манифесте от 2 февраля 1810 года: все банковские ассигнации, находящиеся в обращении, признавались государственным долгом, обеспеченным богатством России; выпуск новых ассигнаций отныне прекращался и допускался только для замены ветхих купюр.

Серебряный рубль должен был стать всеобщей законной счетной единицей для всех расчетов в России. 29 августа 1810 года медная монета была объявлена разменной. Наряду с медной устанавливалась и серебряная разменная монета.

9 апреля 1812 года последовал манифест «О введении повсеместно единообразного обращения государственных банковских ассигнаций», согласно которому подати (налоги и недоимки) должны были взиматься ассигнациями по 2 рубля за 1 рубль серебром, а доходы таможенные, лесные, почтовые,

с казенных земель — по 3 рубля ассигнациями за 1 рубль серебром или ассигнациями по курсу дня. Что касается расчета между частными лицами, то все платежи в соответствии с договорами, сделками, контрактами, заключенными после издания манифеста, должны были производиться исключительно ассигнациями, а согласно прежним договорным актам — серебром или ассигнациями по курсу дня.

Эти благие намерения не осуществились. Отечественная война 1812 года и заграничные военные походы 1813–1814 гг. потребовали новой эмиссии. К 1815 году за рубль ассигнаций давали всего в 20 копеек серебром. В стране существовали как бы две валюты — металлическая и бумажная, взаимная ценность которых устанавливалась не законом, а соглашением частных лиц, при этом курс мог разниться от сделки к сделке. Цена предмета называлась отдельно для оплаты серебром или ассигнациями в зависимости от пристрастий продавца.

РЕФОРМЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В 1839 году стала очевидной необходимость в очередной денежной реформе. Ее инициатором явился граф Канкрин, тогдашний министр финансов.

В 1839 году главной платежной монетой стал серебряный рубль. Ассигнации получили статус вспомогательных денежных знаков, и был установлен их постоянный курс: 3,5 рубля ассигнациями за серебряный рубль. Все расчеты и всякого рода денежные сделки было предписано производить серебряными монетами. Уездным казначействам было вменено в обязанность обменивать ассигнации на серебро и обратно серебро на ассигнации по установленному курсу, но с выдачей не свыше 100 рублей серебром в одни руки.

Важным событием явился указ об учреждении с 1 января 1840 года депозитной кассы при Государственном коммерческом банке, которая принимала на хранение вклады серебром и выдавала взамен билеты на соответствующие суммы. Первоначально это были билеты достоинством 3, 5, 10 и 25 рублей, но впоследствии были введены билеты 1, 50 и 100 рублей. Каждое частное лицо могло

ИЗ УКАЗА ЕКАТЕРИНЫ II ОТ 1794 Г.

«Отставной морских батальонов капитан Фейденберг и бывший в иностранной службе подпоручик барон Гумпрехт за изготовление фальшивых ассигнаций лишены чинов и дворянского достоинства, затем публично в С.-Петербурге заклеены под виселицей: каждому на обе руки первыми буквами слов «Вор и сочинитель фальшивых ассигнаций».

«Главной мерой всех монет, образующихся в государстве, является серебряный рубль» — из манифеста от 20 июня 1810 года.

СЦЕНА ИЗ «МЕРТВЫХ ДУШ»

Шинкарка требовала с Ноздрева за водку двухгривенник, а тот говорит зятю: «Дай ей полтину, довольно с нее». На первый взгляд двадцать копеек меньше, чем пятьдесят. Но, говоря о двухгривенном, шинкарка подразумевала серебряную монету, а получила полтину ассигнациями, то есть вдвое меньше, чем просила. «— Маловато, барин, — сказала старуха, — однако ж взяла деньги с благодарностью и еще побежала впопыхах отворять им дверь. Она не была в убытке, потому что запросила вчетверо против того, что стоила водка».

внести в депозитную кассу определенное количество серебра и взамен получить билеты, которые признавались равными серебряной монете. Билеты подлежали беспрепятственному размену на серебро. К концу 1840 года в обращении было депозитных билетов на 24 миллиона рублей. Несмотря на успех депозитных билетов, вкладчики буквально осаждали кассу — действовало это учреждение лишь до 1 сентября 1843 года. Затем выпуск депозитных билетов был прекращен.

Изменение монетной системы и скопление в депозитных кассах металлических денег вели к цели, намеченной графом Егором Францевичем Канкриним, — к девальвации ассигнационных денежных знаков. Выпуск депозитных билетов был преддверием замены ассигнаций кредитными билетами. 1 июня 1843 года был издан знаменитый манифест «О замене ассигнаций и других денежных знаков кредитными билетами». В обращении одновременно оказались три вида бумажных денег: ассигнации, депозитные и кредитные билеты. Чтобы устранить разнообразие денежных знаков, манифестом от 1 июня 1843 года все они были заменены государственными кредитными билетами. Новый кредитный рубль был приравнен к серебряному и к 3 рублям 50 копейкам ассигнациями. Устойчивый бумажный рубль прожил всего 10 лет. 20 октября 1853 года была объявлена Крымская война. Печатный станок снова заработал во всю мощь. Покупательная способность кредитного рубля стала понижаться и к 1858 году упала на 20%. Пришлось отменить размен кредитных билетов.

Автор: Алексей Савин

ДИЗАЙН БАНКНОТ

В 1866 году на российских банкнотах появляются портреты. На пятирублевом билете — князь Дмитрий Донской, на десятирублевом — царь Федор Михайлович, на двадцатипятирублевом — царь Алексей Михайлович. Пятидесятирублевый билет украсило изображение Петра I, сотенный — императрицы Екатерина II. Билет пятьдесят рублей ласково называли «петруша», а сотенную — «катенькой». Впритык к медальону с царицей был изображен юноша с мускулистым голым торсом.

Это обстоятельство немедленно вызвало эпиграмму :

«Не то чудно, что голый Геркулес
В соседство близкое к императрице влез,
А то чудно, что памятка о легком сем сюжете
Увековечена на сотенном билете».

Также в обиходе бумажные российские деньги часто именовались по расцветке. Вспомним, как герой «Очарованного странника» Лескова пересчитывал деньги: «Синие синицы и серые утицы и красные ковачи — только одних белых лебедей нет». «Синица» — пятирублевый билет синего цвета, «красенькая» — 10 рублей, иногда ее называли за цвет раком. «За ландшафтик возьму беленькую», — просит 25 рублей продавец картин в повести Гоголя «Портрет». А Федор Павлович Карамзov обронил «на собственном дворе, в грязи, три радужных бумажки», то есть сторублевки. Серенькими называли банкноты двести рублей. Ну а рубль и трешка были желтого и зеленого цвета. Кстати, цвета советских денег с 1961 по 1991 год в точности соответствовали цветам купюр XIX века.

ДНИ РОЖДЕНИЯ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЫНКИН

70
лет

Президент ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, академик РАН, д. э. н., профессор, вице-президент Вольного экономического общества России

РОДИЛСЯ 30 ИЮЛЯ 1948 ГОДА

Александр Александрович, как свидетельствуют энциклопедии, — специалист в области мировой экономики и международной политики. В центре его исследований находятся вопросы глобального развития экономического роста, прогнозирования, энергетики, международных сопоставлений, закономерностей инновационного развития, международных отношений и международной безопасности.

Для ВЭО России академик Дынкин — один из мэтров и всегда хедлайнер любой конференции, которая затрагивает вопросы международных (да и не только международных) экономических отношений. Александр Александрович выступил с удивительно прозорливым докладом на главном мероприятии экономистов России — Всероссийском экономическом собрании 2017 года в Кремле.

Созданная академиком научная школа изучения инновационной экономики известна не только в России, но и за рубежом. Под руководством Александра

Дынкина разработана методология долгосрочного социально-экономического прогнозирования, подготовлена серия долгосрочных и краткосрочных прогнозов мировой экономики.

Дынкину принадлежит приоритет в разработке ряда актуальных вопросов экономического развития России: инновационная экономика, новая промышленная политика в стратегии повышения конкурентоспособности, интегрированные бизнес-группы и модернизация российской экономики, формирование национальной инновационной системы.

С 2006 года Александр Дынкин возглавляет Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Александр Александрович — признанный эксперт в области глобального развития, экономического роста, прогнозирования, энергетики, международных сопоставлений, закономерностей инновационного развития и международной безопасности. Работает в Президиуме Совета при Президенте РФ по науке и образованию, Президиуме Российской академии

наук, участвует в работе научных советов при Министре иностранных дел РФ и при Совете Безопасности Российской Федерации.

Академик — автор десятков научных публикаций, востребованных в зарубежных издательствах и ведущих научных журналах.

В поздравлении, которое опубликовано в газете «Коммерсант», глава МИД Сергей Лавров особо отметил роль юбиляра в организации «Примаковских чтений», утвердившихся в качестве авторитетной дискуссионной площадки по вопросам внешней политики, а Генри Киссинджер написал, что особо ценит пронительность и самоотверженность ученого в поисках прагматических решений проблем, разделяющих Россию и США.

Президиум ВЭО России и редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить академика Александра Дынкина с юбилеем.

60
лет

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ДОРЖДЕЕВ

Первый заместитель губернатора Волгоградской области — председатель комитета финансов Волгоградской области, член-корреспондент РАЕН, заместитель председателя Волгоградского регионального отделения общественной организации «ВЭО России», д. э. н.

РОДИЛСЯ 21 МАЯ 1958 ГОДА

Выпускник экономического факультета Калмыцкого государственного университета трудовой путь начал с работы главным экономистом в совхозе «Восточный» Черноземельского района Республики Калмыкия. Занимал должности начальника планово-экономического отдела Элистинского комбината строительных материалов, заместителя генерального директора по экономике строительных материалов, заместителя генерального директора по экономике ТПО жилкомхоза Калмыцкой АССР.

До конца 1990-х трудился в Министерстве финансов Республики Калмыкия, прошел ступени от начальника отдела до министра финансов Республики Калмыкия, занимал пост председателя правительства Республики Калмыкия в начале 2000-х. Александр Дорждеев — отличник финансовой работы Министерства финансов Российской Федерации, награжден знаком отличия Министерства обороны «За службу на Кавказе», нагрудными знаками ГУВО МВД России «За отличия» и МЧС России «За заслуги».

Президиум ВЭО России и редакция «Вольной экономики» имеют честь поздравить Александра Владимировича с юбилеем.

55
лет

РУСЛАН СОЛТАНОВИЧ ДЗАРАСОВ

Заведующий кафедрой политической экономии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д. э. н., член Президиума ВЭО России

РОДИЛСЯ 10 МАЯ 1963 ГОДА

Выпускник и аспирант экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова глубоко занимался экономикой зарубежных стран, в первую очередь, США и Великобритании, окончил школу бизнеса Стаффордширского университета (Великобритания). Эта «ориентация на Запад» не помешала Руслану Солтановичу стать одним из наиболее последовательных и глубоких критиков неolibеральной экономической модели, исследователем и разработчиком альтернативных идей экономического развития.

Президиум ВЭО России и редакция «Вольной экономики» имеют честь поздравить Руслана Солтановича с днем рождения.

ЭЛЕОНОРА ВАЛЕНТИНОВНА МИТРОФАНОВА

Член Президиума ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному

гуманитарному сотрудничеству

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ: 11 ИЮНЯ

Выпускница экономического факультета МГИМО начала свою государственную деятельность с должности аудитора Счетной палаты по контролю за государственным долгом и банковской системой, откуда перешла на пост заместителя генерального директора ЮНЕСКО. В 2003–2004 гг. — первый заместитель министра иностранных дел РФ. Курировала правозащитную проблематику, обеспечение прав соотечественников за рубежом и на международных культурных связях. Госпожа Митрофанова стала пионером в развитии этого важнейшего направления дипломатической работы. В 2004–2009 гг. — глава Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД России.

Затем Элеонора Валентиновна была назначена постоянным представителем Российской Федерации при ЮНЕСКО в Париже и возглавляла российское дипломатическое представительство до осени 2016 г. Госпожа Митрофанова продолжает активную работу по налаживанию связей с соотечественниками и установлению гуманитарных контактов.

Президиум ВЭО России и редакция «Вольной экономики» имеют честь поздравить Элеонору Валентиновну с днем рождения.

ХУДОЖНИК «ВЭ» ШУТИТ

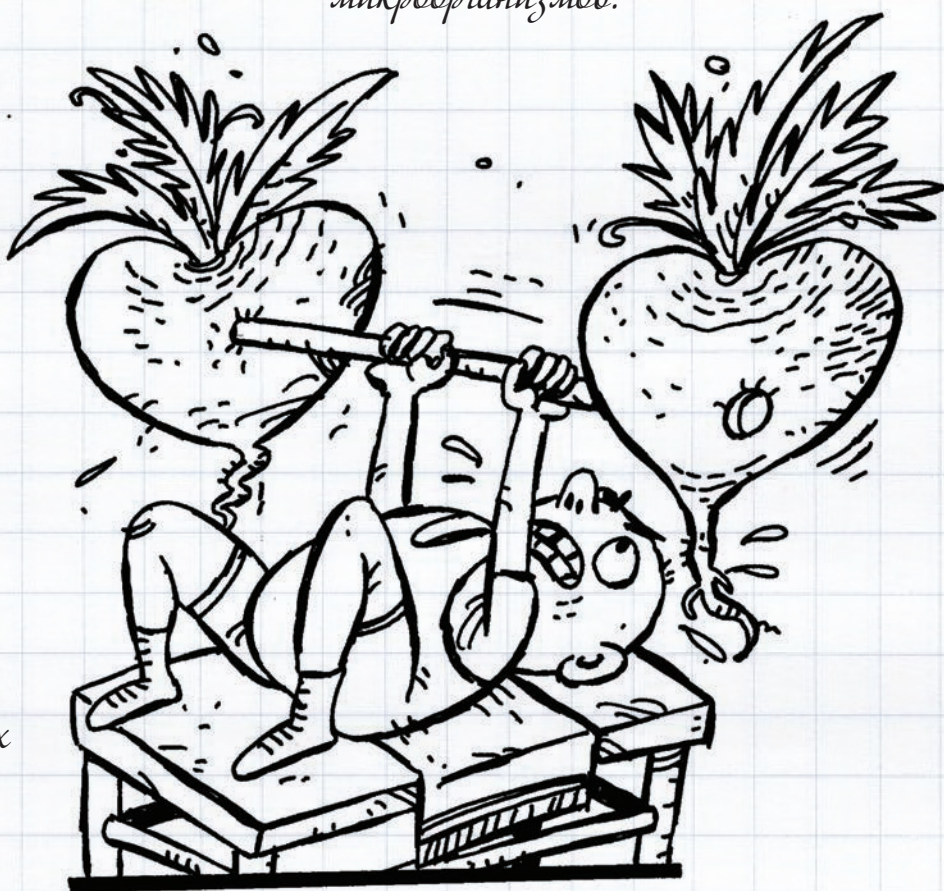
Многие промышленные термины, которые наши отцы и деды знали назубок, сейчас, в наш век деиндустриализации, звучат непривычно, а иногда смешно. Наш художник Александр Егоров выбрал из промышленного словаря несколько таких слов из разных отраслей и соединил свои ассоциации с реальными значениями терминов.

Рисунки: Александр Егоров

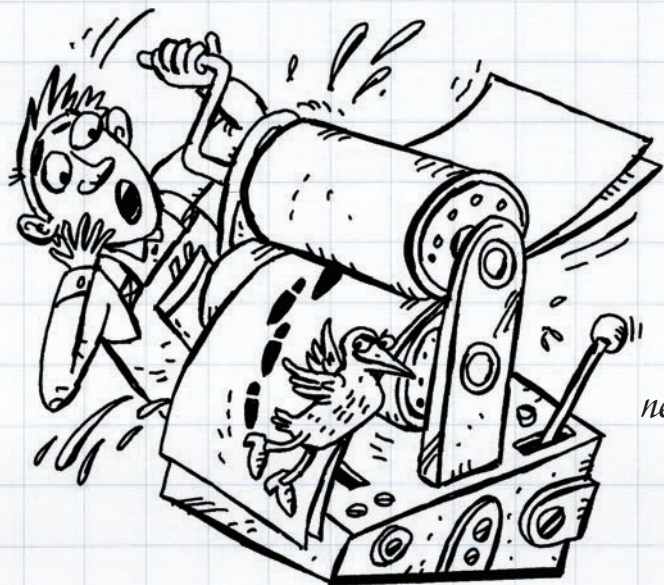
Долбяк – металлорежущий инструмент для нарезания зубьев прямозубых и косозубых зубчатых колес наружного и внутреннего зацепления, зубчатых венцов шевронных колес с канавкой и без нее, зубчатых колес блоков, зубчатых колес с выступающими фланцами, ограничивающими свободный выход инструмента и зубчатых реек.

Кислый том – обессахаренная свекловичная стружка после диффузионной установки, подвергнувшаяся закисанию в томохранилище под действием микроорганизмов.

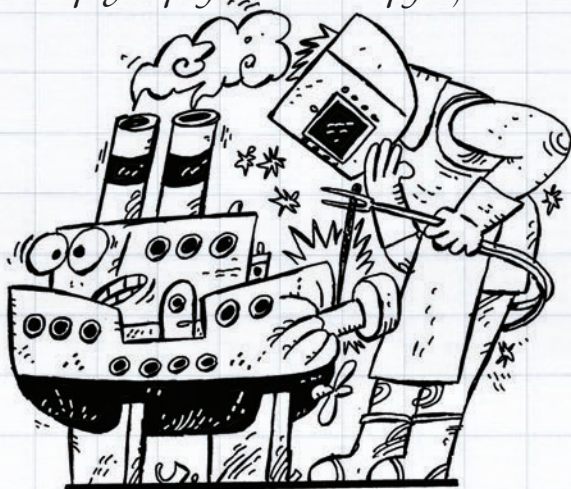
Храновик – устройство, обычно в виде зубчатого механизма, допускающее передачу вращения только в одном направлении.

Марашка – попадание посторонних частиц на печатную форму.

Вварыш – конструктивный элемент судового трубопровода, обеспечивающий его водоглазонепроницаемый проход через корпусные конструкции.

Зализы – металлические листы различной формы, обеспечивающие плавные переходы от одной части самолета к другой в местах их сочленения, например, в местах стыка крыла с фюзеляжем, фюзеляжа с оперением, крыла с мотогондолами.

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

Новая серия изданий Вольного экономического общества России и Института
нового индустриального развития им. С.Ю. Витте

В

В форме живого диалога крупнейшие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные и актуальные дискуссии, прошедшие в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития. В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения видных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ВЫБЕРЕТ

«ЭКОНОМИСТА ГОДА»

12 ноября 2018 года в Колонном зале Дома союзов состоится церемония награждения победителей общероссийской высшей общественной экономической премии «Экономист года».

**ПРЕМИЯ – ГЛАВНАЯ НАГРАДА ДЛЯ РОССИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА!**

ПРИСУЖДАЕТСЯ В НОМИНАЦИЯХ:

- «За вклад в развитие экономической науки»
- «За вклад в экономическое образование и просвещение»
- «За практический вклад в развитие экономики страны»

Наряду с престижными профессиональными наградами России: «Юрист года», «Учитель года», премия является признанием профессиональных заслуг перед обществом и государством.

Премия входит в комплекс мероприятий Всероссийского экономического собрания, посвященного профессиональному празднику «День экономиста», которое проводится ВЭО России при содействии Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

**ВСЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ СОСТОИТСЯ
12 НОЯБРЯ 2018 ГОДА В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ.**

Подробности на сайте ВЭО России: www.veorus.ru